ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 45-й

№ 9 (4451)

27 февраля 1974 г. СРЕДА

ЗАПЕЧАТЛЕТЬ СВЕРШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ТРУДА!

Петрусь БРОВКА,
Герой Социалистического Труда

«ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО...»

НАШИ пятилетки — огромные этапы на большом историческом пути советского народа к коммунизму. Когда смотришь на этот путь с вершины каждой пятилетки, видишь, как животворно преображается Советская Родина, как набирают ее мускулы могучие силы, как все радостнее и увереннее шагает народ вперед.

Я помню первую пятилетку. Белоруссия... Молодой была еще республика. На Осиновских болотах, вблизи Орши, создавалась первая в Белоруссии электростанция. Конечно, в сравнении с тем, что мы имеем ныне, — такие, как Лукомльская, Березовская и другие, — мощь той, первой, была весьма небольшой. Но как восторженно писали мы тогда о ней! Не было белорусского поэта, не посвятившего вдохновенных строк Осинстрою. Помню, как строился Гомсельмаш — завод по производству сельскохозяйственных машин, весьма необходимых в ту пору для села. Бригады писателей одна за другой приезжали на стройку, принимали живейшее участие в ее общественной жизни, а потом создали книгу о Гомсельмаше. Не были забыты и новые колхозы. Писатели часто бывали в селах. Я, например, со своим другом Петром Глебкой написал книгу очерков о колхозе «Червонная зорька».

Много лет минуло с тех пор. И вот сегодня я смотрю на нашу страну с вершины четвертого, определяющего года девятой пятилетки. И, честное слово, душа молодеет от радости. Новые города и села, огни мощнейших электростанций, громады заводских корпусов... А что стало с моей родной Белоруссией! Теперь это поистине могучая индустриальная республика. Да разве я мог мечтать, читая в детстве стихи Якуба Коласа о забытом богом крае, в котором только «грязь, болота да песок», что, возрожденный волей ленинской партии, золотыми руками народа, этот край станет высокоиндустриальным, будет посылать во многие страны мира такие совершенные машины, как «МАЗы» и «БелАЗы», электронно-вычислительное оборудование, да и многое другое... Я смотрю на наши поля. До революции белорусский крестьянин, собиравший 5—6 центнеров зерна с десятины, считал это пределом. А вот в прошлом, 1973 году Белоруссия собрала на круг со всей площади пашни по 22 центнера с каждого гектара.

Все это не может не восхищать. Восхищает, но одновременно и обязывает нас, писателей, быть вместе с народом на фронтах созидания и помогать рабочему человеку, вдохновлять его на труд. Это не означает, конечно, что мы должны писать только о достижениях. Партия учит вскрывать недостатки и, показывая героев пятилетки, не обходить тех, кто работает небрежно, с прохладцей.

Участие художников слова в решении насущных задач хозяйственного и культурного строительства — традиция советской литературы. Фундамент этой традиции был заложен Алексеем Максимовичем Горьким. Советские писатели, верные ленинским принципам партийности и народности искусства, призваны художественно запечатлеть трудовую доблесть бойцов пятилетки, создать летопись наших героических дней, показать нашего современника, правофлангового пятилетки, раскрыть его нравственную и духовную красоту, величие его помыслов и свершений.

«Лучшие коллективы, передовики и новаторы производства, победители соревнования должны быть окружены всенародным почетом и уважением...» — говорилось в Обращении Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу. Кому же, как не нам, писателям, взять на себя эту благородную миссию — изображение героя современности. Партия обращает внимание наших литераторов на необходимость более проникновенного познания жизни, на создание глубоких, ярких, художественных произведений, посвященных людям труда.

У нас в республике состоялся ряд интересных встреч писателей с передовиками производства. Такие встречи проводились, например, в Докшицком районе, где в прошлом году на когда-то снудной, каменистой почве были собраны урожаи, по нашим понятиям, немалые. К слову, после этой поездки поэт М. Калачинский создал стихотворный цикл «Докшицкий каравай».

А вот еще несколько добрых дел на текущем писательском счету. В прошлом году белорусские литераторы 2150 раз выступили в трудовых коллективах Минска. Наших поэтов, прозаиков, драматургов можно было видеть на всех крупнейших предприятиях — на заводе автоматических линий, на тракторном, автомобильном. Встречались писатели с рабочими и приборостроительного производственно-технического объединения имени В. И. Ленина. Подобное общение дает богатый жизненный материал, помогает понять суть современных конфликтов, их характерные стороны. И как результат — читатель получает новые книги о сегодняшнем дне страны, о ее замечательных людях. Современности посвящены новые произведения А. Осипенко, Я. Сипакова, Т. Хадкевича. Журнал «Полымя» публикует сейчас роман И. Шамякина о градостроителях.

Дела пятилетки, ее маяки-герои требуют от нас более активного вторжения в жизнь. Особое внимание следует обратить на оперативный жанр — публицистику. Время не ждет, мы должны быть рядом, в одной шеренге с героями девятой пятилетки, помогая создавать великое и незабываемое.

МИНСК

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

ВСЕ, ЧТО У НАС ЕСТЬ СЕГОДНЯ И ЧЕГО МЫ ДОБЬЕМСЯ ЗАВТРА, ЗАВИСИТ ОТ НАС САМИХ, ОТ УМЕНИЯ КАЖДОГО СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА РАБОТАТЬ ТВОРЧЕСКИ, ОТ ВЫСОКОЙ СОЗНАТЕЛЬНОСТИ, ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ, ЧУВСТВА ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ДИСЦИПЛИНЫ.

Из Обращения Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу

Рязанская ГРЭС. Сюда приехали Константин Симонов, Евгений Долматовский, Хамид Гулям...

Старооскольский завод автотракторной электроаппаратуры. Выступает Вадим Кожевников
Фото Л. ШИМКО

Шахта Киевская-Комсомольская № 1.. Ворошиловградской области. Альфонсас Беляускас среди горняков
Фото В. КРОХИНА

Фабрика строчевышитых изделий в Душанбе. Мирзо Турсун-заде у передовиков соревнования
Фото Л. НИСНЕВИЧА

МАРШРУТЫ ЧЕТВЕРТОГО, ОПРЕДЕЛЯЮЩЕГО
ДНЕВНИК «ЛГ»: наш современник в драматургических произведениях
«ЧЕЛОВЕК ТРУДА — ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»: Александр Авдеенко о сталеварах сегодняшней Магнитки
«ВСТРЕЧА С ГЕРОЕМ» — страницы путевого блокнота: Александр Бахарев, Виль Липатов, Фатех Ниязи
стр. 2–3

ГРАНИ РАБОЧЕЙ ТЕМЫ
Продолжение дискуссии. Украинские писатели на заводе «Арсенал» имени Ленина
стр. 4

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ В ДЕЙСТВИИ!
Писатель Семен Шуртаков — о принципах стимулирования труда колхозников
Опыт завода «Сибэлитмаш»
стр. 10

Дни советской литературы

НА ЗЕМЛЕ РЯЗАНСКОЙ

Константин СИМОНОВ:

— Все мы, рабочие, хлеборобы, ученые, писатели, — люди труда. А потому тесно соединены, неразрывно связаны между собой. Советское время, советский строй научили нас быть ответственными за дела друг друга. Вот это ощущение нашей общности, единства нашего дела пронизывало все встречи на земле рязанской...

Хамид ГУЛЯМ:

— Увиденное нами во время поездки — яркое подтверждение общности интересов всех тружеников нашей страны, братского единения всех советских народов. На каком бы языке мы ни писали — мы пишем о самом главном: о жизни народа, о наших светлых идеалах.

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ:

— Наша поездка прежде всего деловая, рабочее... Самое приятное в ней — доверительный, откровенный разговор с умным, требовательным, неанфицированным читателем.

Дмитро ПАВЛЫЧКО:

— Несмотря на то, что встречи наши были краткими, я так много узнал о людях рязанской земли. Главное их черта — целеустремленность! Они живут будущим.

С большим успехом прошли в Рязанской области Дни советской литературы. Для участия в литературных вечерах и встречах сюда выезжала группа писателей во главе с секретарем правления СП СССР К. Симоновым. В ее состав входили Е. Воробьев, С. Граховский, Х. Гулям, Е. Долматовский, Р. Казакова, С. Кошечкин, Б. Ласкин, Д. Павлычко, В. Семернин, Н. Скребов, Л. Хаустов.

Каждое утро, разделившись на группы, писатели разъезжались по своим маршрутам. Участников Дней литературы можно было увидеть на предприятиях города и области, в колхозах и совхозах, в институтах, школах, среди воинов.

В одном из цехов комбайнового завода, единственного в стране выпускающего картофелеуборочные машины, мы увидели плакат, на котором огромными буквами выведено: «Темп. Ритм. График. План». Эти слова, свидетельствующие о том, как высоко ценится на современном предприятии время, очень часто приходят на ум. Они как нельзя лучше соответствуют настроению писателей, характеризуют состояние внутренней собранности, сосредоточенности. «Люди ждут... Необходимо уложиться в график. Нельзя, чтобы люди ждали», — не устает повторять руководитель писательского «отряда» К. Симонов. А потому необходимо соблюдать ритм, график, план. Да плюс еще выкроить время для незапланированных встреч. Хочется многое посмотреть, о многом поговорить...

— Я побывал в разных уголках нашей земли, а вот сердцевина Руси усмотрела за вагонным окном. Много лет назад благодаря поэзии Есенина я был покорен и околдован «страной березового ситца». Грезились лунные ночи над цветущими садами, приокские заливные просторы... — Разговор этот мы ведем с белорусским поэтом С. Граховским в автобусе, который везет писателей на встречу со строителями Рязанской ГРЭС.

...Как только переехали речку Проню, увидели трубы ГРЭС. Ударная комсомольская стройка ведется невиданно скоростными темпами. За прошлый год здесь была проделана огромная работа. Строители собрали, смонтировали и опробовали три уникальных энергоблока.

В кабинете начальника управления строительства — руководители стройки, комсомольские вожаки. Средний возраст строителей (а их коллектив насчитывает 12 тысяч человек) — 24 года. Писатели интересуются бытом рабочих, их заработками, условиями труда.

— За пять лет, прошедших с начала стройки, — рассказывает начальник управления строительства С. Я. Штырняев, — здесь вырос благоустроенный поселок городского типа... С магазинами, столовыми, детскими комбинатами, школой. В ближайшее время мы построим еще одну школу, больницу, клуб. Рязанская ГРЭС будет одной из крупнейших в европейской части страны.

...Писатели побывали в главном корпусе ГРЭС, на строительстве гидроузла, беседовали с монтажниками, встретились со школьниками. А потом в клубе состоялся большой литературный вечер.

И снова в путь. На родину Сергея Есенина, в Константиново...

В. ПОМАЗНЕВА,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

РЯЗАНЬ

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Лидина В. Г. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения наградить писателя Лидина Владимира Германовича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 18 февраля 1974 г.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении польского писателя Ярослава Ивашкевича орденом Дружбы народов

За активную общественную и литературную деятельность, направленную на развитие братской дружбы и сотрудничества между народами Польской Народной Республики и Советского Союза, и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения наградить польского писателя Ярослава Ивашкевича орденом Дружбы народов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 18 февраля 1974 г.

ДНЕВНИК «ЛГ»

НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

НЕДАВНО, выступая перед телезрителями, народный артист СССР Ростислав Плятт с улыбкой воскликнул: «Дайте мне хорошую современную роль, и я сыграю вам Отелло и Арбенина!» В этой полемической фразе, конечно, есть изрядная доля запальчивого преувеличения, но в ней заключена и большая правда, решительно поддержанная другими артистами, участниками передачи. Они говорили о том подъеме, который испытывает актер, создавая современный характер, обращаясь в зал, где зрители воспринимают происходящее на сцене как часть своей собственной жизни.

И мы подумали о некоторых постановках прошлого и нынешнего сезонов, когда в зале, как бы минуя границы театральной условности, рождалась приподнятая атмосфера личной сопричастности зрителей к происходящему на сцене, вспомнили, как выходили к рампе по окончании «Сталеваров» во МХАТе рабочие и командиры производства, как сердечно и взволнованно обращались они к театру со словами благодарности и поддержки. Конечно, каждый хороший спектакль современен, но неизмеримо ближе для нас именно те мгновения театра, когда на наших глазах разворачивается нынешняя советская жизнь.

В последние два-три года наш театр стал активнее работать над пьесами широкого общественного звучания, и теперь можно говорить о первых итогах этого обнадеживающего, плодотворного процесса. Статистика свидетельствует, что преобладающее место в репертуаре занимают пьесы советских драматургов, посвященные нашим дням. Только в Москве в минувшем сезоне такие спектакли составляют 80 процентов общего числа премьер. Поворот театрального искусства к современности впечатляет не только количеством новых спектаклей, но, что самое важное, их возросшим художественным качеством, значительностью проблем, которые они поднимают. По справедливости, надо выделить среди них две пьесы, поставленные на многих сценах страны, — «Человек со стороны» И. Дворецкого и «Сталевары» Г. Бокарева. Именно они при всех своих недостатках, о которых уже писала критика, во многом определяют сегодняшний этап театрального постижения личности нашего современника, сложных и острых социально-нравственных проблем нашей жизни.

Перед советскими деятелями литературы и искусства стоит сегодня задача помочь народу в борьбе за успешное выполнение пятилетки. Как бы в ответ на этот партийный, социальный заказ на сцены советских театров пришли будни и праздники трудовых коллективов, человек труда стал одним из главных героев современных спектаклей. Важно подчеркнуть, что чисто производственные вопросы не заслонили во многих из них богатства духовной жизни рабочих, интеллигенции, сельских тружеников. Все реже на подмостках советской сцены мы встречаемся со схематичными, плоскими «промежуточными» фигурами представителей трудового народа, о которых так иронично писал в свое время Николай Погодин: «О, эти подражательные лица из народа! Уныло-рассудительные, обязательно покашливающие, прежде чем сказать веское слово, неторопливо-монументальные рабочие! Их еще и до сих пор как пережиток можно встретить на сцене в том традиционном исполнении, которое само по себе могло отвращать зрителя от новой драматургии».

Слов нет, подобные тени именно как пережиток, как формальный, обездушенный отклик на «рабочую тему» еще бродят кое-где на подмостках советской сцены. Но не они делают погоду. Сегодня в репертуаре наших театров есть немало пьес, которые наполняет поэзия коммунистического труда, которые сильны именно своими героями — представителями самых разнообразных рабочих и инженерных профессий, характерами сложными, неоднозначными, живыми. Именно в этом залог успеха таких произведений, как «Дарю тебе жизнь» Д. Валеева, «Ураган» А. Софронова, «Ситуация» В. Розова, «Всего три дня» Н. Анкилова, «Милицейская история» В. Липатова и В. Абрамова, «Человек на своем месте» В. Черных, «Деньденьской» А. Вейцлера и А. Мишарина, «Погода на завтра» М. Шатрова. Проблемы научно-технического прогресса, общественного долга, рабочей совести, высоконравственного, честного отношения к труду преломляются в этих пьесах через личность героя, они им пережиты, а не просто продекларированы и обозначены. Можно сказать, что лучшие нынешние пьесы и спектакли с человеком труда на авансцене продолжают замечательную традицию советской драматургии, представленную произведениями Н. Погодина, В. Киршона, А. Афиногенова.

Есть принципиальная тенденция в сегодняшнем театральном процессе, которую хочется поддержать. Было время, когда режиссеры неустанно жаловались на нехватку пьес о современном рабочем классе, о тружениках села, о нашей технической интеллигенции. Нынче вздохов («драматургия отстает!») заметно поубавилось. Ряд театров, ... работает вместе с драматургами над пьесами, воссоздающими характеры трудящегося человека наших дней. История рождения «Сталеваров» на сцене МХАТа достаточно известна. Сотрудничество Ленинградского академического театра драмы имени Пушкина с драматургом И. Дворецким привело к созданию спектакля «... на стенде». Нижнетагильский драматический театр имени Мамина-Сибиряка подготовил и выпустил спектакль «Трижды влюбленный» по мотивам романа известного уральского прозаика и очеркиста В. Очеретина.

На наших глазах рождаются не только новые формы сотрудничества театров и драматургов. Укрепляются и развиваются ставшие традиционными связи театров с рабочими коллективами. Связи эти, как правило, носят не формальный, а творческий характер, приобщая, с одной стороны, широкие массы зрителей к постижению искусства, а с другой — помогая театрам глубже познавать реальные жизненные коллизии.

Важной особенностью последних театральных сезонов явился успех драматургов из союзных республик. С интересом были встречены последние премьеры тбилисских театров по пьесе Р. Табукашвили «Секретарь райкома» (Театр имени Руставели) и Г. Панджикидзе «Драгоценный камень» (Театр имени Марджанишвили), в которых выведены запоминающиеся образы положительных героев нашего времени. В Русском драматическом театре имени С. Вургуна (Баку) состоялась премьера новой пьесы Р. Ибрагимова «Своей дорогой». Активно работают над главными темами современности Н. Думбадзе, И. Касумов, А. Макаёнок, Г. Приеде, О. Тооминг, Н. Хазри и многие другие писатели.

Однако причин для самоуспокоения нет. Поворот нашей драматургии к острой проблематике, связанной с анализом человека в эпоху НТР, зачастую носит еще достаточно поверхностный, художественно неглубокий характер. Преобладают хроника, репортаж, те жанры разведки на новом пути, которые необходимы, но которыми не может удовлетворяться истинное искусство. Вполне понятна тревога драматурга Игнатия Дворецкого, когда он пишет в «Правде» о том, что «косяки слабых пьес проникают в театры. Звание «производственная» становится для подобных пьес как бы лазейкой в храм Мельпомены. В итоге подлинно творческая жизнь, насыщенная счастьем, страданиями, всеми человеческими эмоциями, жизнь, возвышающая нас, выглядит мнимо конфликтной и примитивной».

Увлечение чисто «производственными» сюжетными схемами нередко заслоняет в пьесах и спектаклях нравственный, духовный смысл процессов, происходящих в нашем обществе. Борьба за наиболее рациональное и эффективное социалистическое производство неразрывно связана с многими моральными аспектами. Именно на них и должно в первую очередь быть направлено внимание художника. Разве не вдохновляющая цель для него — раскрыть глубокое содержание свободного, одухотворенного труда советского человека? Разве не актуальна задача разоблачения всяческих частнособственнических и карьеристских мотивов в сознании и поступках тех людей, для которых социалистический труд иногда становится средством собственного престижного возвышения и материального благополучия?

Нельзя сказать, что наша драматургия не делает шагов в этом направлении. Вспомним, например, «Ситуацию» В. Розова, в которой остро поставлена проблема рабочей совести, корысти и бескорыстия, высокого дела и делячества. Мы далеки от мысли считать пьесу художественно безупречной, но пафос ее, безусловно, заслуживает поддержки. Столкновение рабочего-изобретателя Виктора Лесикова с хапугой мастером Игнатом Кашиным — конфликт жизненный, а отнюдь не «выдуманный» автором, как это полагает критик Н. Толченова, опубликовавшая в № 31 «Огонька» за прошлый год большую рецензию на пьесу и спектакли, поставленные по ней. Весь критический запал Н. Толченовой, по существу, направлен на доказательство того тезиса, что В. Розов рассказал «нетипичную» историю, «сгустил краски», «форсировал мрачные акценты», «усилил надрыв», увлекся показом «обывательской возни» и т. д. Такая критика вольно или невольно искажает замысел автора, который высказался в защиту трудовой социалистической морали, утверждающей себя в борьбе нового со старым, а отнюдь не в идиллической обстановке всеобщего нравственного совершенства.

Поскольку разговор вышел в театральный критику, ... ся еще одного ..., важного, на наш взгляд, в сегодняшнем разговоре. ... критики в целом внимательно и требовательно отнеслись к положительным сдвигам в раскрытии образа современника, которые наметились на советской сцене в последние годы. Большинство пьес и спектаклей, упоминаемых в нашем «Дневнике», получило хорошую оценку в прессе, причем критика отнюдь не закрывала глаза на недостатки и просчеты драматургов и театров. Все же иногда в рецензиях и обзорах проскальзывают нотки небрежения к результатам драматургического поиска авторов и весь успех приписывается, по существу, только театрам, будто бы «вытягивающим» пьесу до кондиционного уровня. Успех или неудача постановки все-таки, как правило, заложены в драматургическом материале.

Поиски новых драматургических конфликтов и характеров — задача сложная, и она не дается с ходу даже опытным мастерам. Мы вовсе не призываем «амнистировать» художественные промахи, в том более спекулятивные поделки на модную тему, но видеть и по-хозяйски учитывать все то новое и интересное, что входит в нашу сегодняшнюю драматургию, критика, по нашему мнению, обязана. Последнее соображение представляется особенно верным еще и потому, что сегодня наш театр успешней, чем раньше, осваивает нравственные процессы, происходящие в сфере современного производства.

Художественно ярко и убедительно передать творческий пафос нашего стремительного времени, показать, как достижения научно-технической революции соединяются с преимуществами социализма, и самое главное — создать полнокровные образы людей труда, чья энергия, партийная страстность, глубоко нравственное отношение к делу решают сегодня успех битвы на фронтах девятой пятилетки, — вот главное направление, по которому наметилось движение советской драматургии. Поэтому в очередном «Дневнике «ЛГ» мы сочли возможным избрать именно такой поворот разговора — наш современник в драматургических произведениях.

ЛИТЕРАТОР

ЗАПЕЧАТЛЕТЬ

ИЗОРЕПОРТАЖ

КРАЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ

Когда на Дальнем Востоке проходили Дни советской литературы, то небольшой «десант» в составе С. С. Смирнова, М. Стельмаха, П. Нилина, Р. Ахматовой, М. Лисянского, Г. Горина и М. Самунина высаживался и в бухте Врангеля, где начиналось в ту пору строительство крупнейшего в стране глубоководного порта.

А недавно в этих местах побывал московский художник, иллюстратор многих книг Л. Владимирский. Сегодня мы публикуем его рисунки.

Почти двадцать лет работает на Дальнем Востоке сварщик А. Яконюк. Знатный рабочий строит причал № 11 длиной 190 метров — это лишь небольшая часть многокилометрового пирса.

Корабли после долгого морского пути отдыхают у стенки. А если потребуется ремонт, то рядом, в Славянке, можно будет и «подлечить» сухогруз или сейнер. Здесь возводится крупный судоремонтный завод. С 1971 года строящееся предприятие уже отремонтировало более сотни судов.

Фатех НИЯЗИ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Строится Нурекская ГЭС

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ...

В древней таджикской легенде любимый народом герой в поисках счастья уходит в ущелье горы. Он там яростно гонит коня, сражаясь с темными силами, встречавшимися на пути, что из-под копыт скакуна вылетают искры. И на том месте, где появляются огненные проблески, со временем разгораются костры, к которым стекается весь обездоленный люд... Одно из таких мест стало называться Нуреком, что в переводе на русский означает «огонь»...

Сегодня в названии кишлака я вижу символический смысл. Сказочная легенда обернулась для него не менее сказочной реальностью. У подножия Памира, там, где, прорываясь сквозь узкое ущелье скал, грохочет и пенится Вахш, стоит высоченная плотина. Бешеная вода, которая еще недавно смывала посевы, затопляла кишлаки, теперь работает на человека. Она — начало гигантской электрической реки, на берегах которой будут выстроены новые города, заводы, совхозы.

Загнанный в каменный туннель, Вахш выстреливает голубыми трассами оросительных каналов, а каналы эти уже озеленили сожженные суховеями, убеленные солончаками огромные массивы некогда безжизненной Яванской долины.

Величавые старики горцы с пышными чалмами на головах хорошо помнят то время, когда в редких колодцах и источниках черпали скупую воду кружками. Причем из-за одной кружки порою часами выстаивали в очереди. Помнят они и то, как впервые в их краях появилась грузовая машина. Позабыв о привычной бесстрастности, старые дехкане восторженно цокали языком и, желая приручить «железного коня», подносили ему охапки душистой травы... Старое поколение, испытавшее на себе, почем фунт лиха, сейчас с затаенной гордостью наблюдает за переменами, удивляется им. Резким оказался переход от лишений к быстрорастущему обилию, от неграмотности и чадящей коптилки к телевизору и стиральной машине, от ишана и кетменя к могучей армаде тракторов, бульдозеров, экскаваторов. Старый кишлачный быт уходит в прошлое.

Через головокружительные пропасти, предательски опасные осыпи, на местах узких горных троп проложены ленты автодорог, по которым мчатся мощные «КрАЗы». Новорожденное Нурекское водохранилище бороздят катера и моторные лодки, у его берегов гнездятся птицы, и те же старики, сидя с удочками в руках, без сожаления и грусти вспоминают не столь давние времена, когда они жили на дне этого рукотворного моря, в старых глинобитных строениях, что теперь навечно поглотила вода...

Нурекская ГЭС — гордость республики. Три ее агрегата уже дают ток. Стройка уникальна не только масштабами, но и уровнем технико-экономических решений. Здесь все необычно, все требует оригинального подхода, изобретательности. Как-никак — эксперимент. Впервые в мире строится в горном ущелье трехсотметровой высоты плотина — выше Эйфелевой башни. Нурекское море — длиной 70 и шириной 6 километров — будет снабжать водой не только долины Таджикистана, но и соседние республики.

Сегодня по Нуреку равняет темпы своего развития весь Таджикистан. Здесь формируются гвардейские отряды рабочего класса, и я как литератор горжусь тем, что лично знаком с многими его представителями. Впервые я попал к гидростроителям пятнадцать лет назад, написал документальный очерк «Формула Ленина». Я пытался рассказать о начале стройки и ее людях. Это была разведка боем, проба темы. За это время мои герои «подросли», стали настоящими мастерами своего дела. Наблюдая за ними, я накопил огромный фактический материал. Он и станет основой будущей повести. Я хочу показать республику сквозь призму Нурека, хочу выявить истоки того, чем стал Таджикистан сегодня, о чем он мечтает, глядя в свой завтрашний день.

Каждый писатель в какой-то мере — прогнозист. Он должен уметь представить себе не только реально обозримое будущее, но и увидеть кое-что из далекого грядущего. Ибо стройки такого размаха служат не только рычагом экономического преобразования, но и стимулом развития профессиональной, нравственной, духовной культуры человека.

Перед моими глазами — пример Хамсарнева, кавалера ордена Ленина. Выходец из кишлака Нурек, в прошлом чернорабочий, он стал хорошим бетонщиком и теперь учит своей профессии молодых ребят. Хамсарнев — уважаемый человек на стройке. Все, что он делает в Нуреке, для него вполне естественно и не вызывает священного трепета. А вот для его отца и в особенности для деда — это сказка. Дедушка до сих пор не может поверить, что в узенькой горловине Пулисангинского ущелья засияет гигантский источник света — ГЭС. И его нетрудно понять: до революции единственными «осветительными приборами» в здешних краях считались... солнце и луна. Нурек будет третьим!

ДУШАНБЕ

Александр АВДЕЕНКО

СТАЛЕВАР

В годы первой пятилетки Александр Авдеенко работал в Магнитогорске на горячих путях доменного цеха машинистом паровоза. Там же, в Магнитогорске, в начале 30-х годов написал роман «Я люблю», получивший широкую известность и высоко оцененный А. М. Горьким на Первом съезде советских писателей.

Сейчас Александр Авдеенко снова бывает на Урале: собирает материал для документальной книги о наших современниках — людях труда. Публикуемый сегодня очерк писателя посвящен сталеварам Магнитки.

НЕМНОГИМ более сорока лет назад, 8 июля 1933 года, я доставил в мартен на своей «двадцатке» ковши с жидким чугуном, из которого в тот ясный теплый день была сварена первая магнитогорская сталь.

Вот в этот мартен, к той самой печи я сегодня и держу курс.

По крутой железной лестнице поднимаюсь наверх и попадаю на территорию первого, самого первого мартеновского цеха (он теперь именуется мартеном № 2). Печи одна за другой, с равномерными небольшими промежутками, тянутся с севера на юг, по центру высоченного и просторного здания. Первая, вторая, третья... До тринадцатой.

На самом видном месте фасадной стены павильона с пультом управления и многочисленными приборами прикреплена мраморная доска:

«8 ИЮЛЯ 1933 г. НА МАРТЕНОВСКОЙ ПЕЧИ № 1 ВЫПУЩЕНА ПЕРВАЯ СТАЛЬ МАГНИТКИ».

Я хорошо помню день первой нашей долгожданной стали. Помню, как она задымилась, заискрилась, вспыхнула в пробитой лётке, как хлынула по желобу, озаряя лица людей и холодные, непривыкшие к огню железные переплеты новенького, недостроенного здания. Помню свою тогдашнюю радость и гордость. До сих пор слышу все, что тогда говорилось. Тогда я только надеялся на будущее. Теперь я знаю, что более чем оправдались все мои, все наши надежды, что они воплощены в реальную действительность...

...Сегодня на первой в дневной смене работает знаменитый Савченко. Его еще не было на свете, когда начала плавить сталь первая. Молодой сталевар и печь-ветеран. Печь, можно сказать, старушка. Сорок лет, да еще каких лет! Это длинный, очень длинный век для такого агрегата. Посмотрим, как они друг с другом уживутся в эпоху научно-технической революции.

Анатолия Савченко ничуть не обрадовало мое неожиданное появление на его «капитанском мостике» — в пульте управления. Смотрит на меня без улыбки:

— С приездом! Опять в Магнитку потянуло?

— Опять! И теперь надолго. На все лето.

— Вот и хорошо. По грибы, по ягоды сходим. В Соленом и Банном озерах искупаемся. В Белорецк, если будет охота, съездим. Или куда-нибудь еще... Вы где остановились? В Березках? Ну и зря. Я же вас приглашал. Айдате в мой дом. Места у нас много.

Слова куда приветливее, чем взгляд.

Хорошо бы пожить у Савченко. Увидеть, какие вещи его окружают, как он просыпается, в каком настроении спешит на работу и возвращается домой, как отдыхает, какая у него семья.

Александр Фадеев, вскоре после опубликования «Молодой гвардии», довольно продолжительное время был на Магнитке, собирал материал для романа «Черная металлургия». Жил не в гостинице, а на квартире сталевара Захарова. Казакевич, приехав на Магнитку, нашел себе пристанище на улице Суворова, в доме Георгия Герасимова, моего макеевского земляка, однокашника и друга.

Но я пока поживу в Березках...

Анатолий Савченко высок, ладно сбит, сравнительно молод — тридцать с чем-то. Лицо мужественное, серьезное, красивое. Руки сильные. Три года назад на заводе бушевало (иначе не скажешь) небывалое соревнование. Тысячи доменщиков, сталеплавильщиков, прокатчиков, горняков много дней, недель и месяцев боролись за право выдать юбилейную двухсотмиллионную тонну стали, выплавить для нее чугун, добыть для нее руду, прокатать из юбилейной плавки автомобильные листы, швеллерные балки или еще что-нибудь. Победил Анатолий Савченко. Ему была предоставлена честь выдать последнюю плавку. Нелегко досталась победа. Соперники были сильные. Они все время «дышали ему в затылок», «наступали на пятки». Иной раз и обгоняли. До самого последнего момента не было ясно, кто станет первым. Состязание было захватывающим. Им жили весь завод, город, все двести тысяч рабочих и их семьи...

Сижу один в кабинете сталевара и сквозь синие стекла очков смотрю в печь, думаю об Анатолии Савченко и пытаюсь разгадать по крайней мере три тайны его жизни.

Каким он был в период, предшествовавший большому соревнованию семидесятого года? Почему вырвался вперед? И что ему дала победа над соперниками, кроме почета, славы, премий? Меня интересует главным образом нравственная сторона.

Каким он стал теперь? Как работает? Как живет? Глубже и шире стала его душа? Больше он верит в самого себя? Интереснее стал как личность?

Неразговорчив Анатолий. А кроме того, не чувствует он в себе по сравнению с другими сталеварами ничего особенного. Непостижимо! Как же он мог победить своих серьезных соперников? Ведь социалистическое соревнование не достигает цели без желания быть лучше тех, кто впереди, без бешеной энергии в труде, без напористости, предприимчивости, без умения постоять за себя, без веры, твердой веры в себя, в свои возможности. Соревнование выбрасывает на своей мачте боевой флаг: иду на смертный бой со всем, что мешает нам работать отлично, хорошо, по-человечески жить. Соревнование — образ нашей жизни.

В кабинет сталевара (так я самовольно называю пульт управления) входит Анатолий. Потный, разгоряченный, с темными непроницаемыми глазами. В руках брезентовые рукавицы. На плечах — просторная, мешковатая, из грубошерстного солдатского сукна куртка, впитавшая в себя нестерпимый огонь. На ногах — сильно разношенные, на толстой подошве башмаки. Штаны тоже толстенные, защищающие от жары, от случайных искр.

Он медленно идет вдоль контрольных приборов, смотрит, что показывают многочисленные стрелки, самопишущие перья. Я не могу понять, доволен он или нет... Спрашиваю, кивая на автоматику:

— Ну и как?

— Все в порядке.

— Что именно?

— Газовые ходы не перегреты. Температура высокая, но в пределах нормы. Свод печи не прихвачен. Ну и так далее.

Скучно ему объяснять мне азы своего искусства?

Или считает, что сказал все необходимое?

Доносятся частые, тревожные звонки. Анатолий мгновенно забывает о моем существовании... Я иду вслед за ним на рабочую площадку.

Из глубины мартена, из полутемного, холодного, продувного шихтового двора показывается поезд — узкоколейные, низенькие платформы. Стальной лом, собранный, может быть, школьниками, пионерскими отрядами, направляется к огненной купели, в которой ему суждено сгореть, растаять, слиться в единую жидкую массу металла, облагородиться, потерять вредные примеси, стать сталью, годной к новому употреблению, способной опять — в который уж раз?! — послужить людям. Поезд толкает не-

СВЕРШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ТРУДА!

ПИСАТЕЛЬСКИЕ КОНТАКТЫ

В ДУХЕ БРАТСТВА И ДРУЖБЫ

17 февраля делегация Союза писателей СССР в составе первого секретаря правления Союза писателей СССР Г. Маркова и председателя Иностранной комиссии Союза писателей СССР А. Косорукова прибыла из Венгрии в Румынию.

По телефону из Бухареста редакции «Литературной газеты» сообщили.

В течение двух дней между делегацией СП СССР и делегацией СП СРР в составе председателя Союза писателей СРР Захарие Станку, его заместителя Лауренцию Фулге, секретаря союза Иона Хобане проходили переговоры об итогах сотрудничества союзов писателей в 1973 году и о плане его дальнейшего развития в 1974—1975 годах.

С удовлетворением отметив укрепление дружественных связей между советскими и румынскими литераторами, добрые и искренние отношения между союзами писателей обеих стран, стороны согласились с тем, что в предстоящие два года необходимо уделить первостепенное внимание развитию таких плодотворных форм связи, как, например, двусторонние творческие встречи по актуальным идейно-теоретическим вопросам, совместные поездки писателей обеих стран, более широкая взаимная публикация произведений современной литературы СССР и СРР на страницах литературной печати.

В связи с тем, что в августе 1974 года исполняется тридцать лет со дня освобождения Румынии от фашистского ига, участники переговоров решили провести в обеих странах посвященные этой памятной дате литературные мероприятия.

Переговоры между делегациями союзов писателей СССР и СРР завершились подписанием плана сотрудничества между двумя союзами на 1974—1975 годы. План подписали Г. Марков и Захария Станку. Руководители союзов писателей обменялись речами. Румынские писатели поддержали дружными аплодисментами заключительные слова Г. Маркова о том, что обе литературы — и советская, и румынская — получают от взаимного братского сотрудничества союзов писателей много полезного опыта для своего развития.

В непринужденной товарищеской беседе, состоявшейся после подписания, многие румынские литераторы, побывавшие в прошлом году в Советском Союзе, отмечали важное значение, которое для них имеет непосредственное знание сегодняшней советской действительности.

19 февраля в Бухаресте делегацию Союза писателей СССР принял и имел с нею дружескую беседу член исполкома и секретарь ЦК РКП, председатель Совета по культуре и социалистическому воспитанию Думитру Попеску. В беседе приняли участие Захария Станку и Лауренцию Фулга.

НАМ РАССКАЗАЛИ...

Виль ЛИПАТОВ

МОНОЛОГИ У КОНВЕЙЕРА

Двухкилометровый конвейер течет тремя радужными ручьями. Монорельсы вплетаются в ажур конструкций и механизмов. Прямо на глазах за считанные мгновения здесь рождается новенький автомобиль. Увлеченно, без суеты работают люди в комбинезонах и голубых халатах — сборщики, мастера, инженеры с эмблемой ВАЗа, прикрепленной к нагрудному карману белой ладьей.

— Автогигант в Тольятти, где я побывал не так давно,— одно из самых совершенных предприятий в стране. Казалось бы, здесь созданы самые оптимальные условия для нормального труда,— рассказывает Виль Липатов.— Но, к сожалению, в отделе кадров нет-нет, да и появляются заявления об уходе. Впрочем, это интересует и администрацию предприятия. Каждый увольняющийся заполняет анкету. Эти безымянные анкеты служат подспорьем в социологическом исследовании, чтобы потом устранить недостатки в непосредственной работе и позаботиться о быте тех, кто трудится на ВАЗе. Словом, ученые, работающие на заводе, стремятся разрешить полностью все конфликты, которые порождает научно-техническая революция. Это конфликты роста...

Как и водится, мои блокноты ждали своего часа. Когда они «отлежались», решил перелистать их заново.

Вот несколько записей. Рассказывает двадцатичетырехлетний слесарь-сборщик Владимир Казаковский.

— Я на ВАЗе уже год. Что и говорить, поначалу приходилось трудновато. Не хватало сноровки, боялся не поспеть за конвейером. Ведь собирать узел надо на ходу. А теперь привык. И, честно говоря, всему, чему научился, я обязан бригаде. Ребята рядом, вовремя подскажут, вовремя помогут. Будто бы делает свое и не смотрит на тебя сосед, а стоит ошибиться — товарищ тут же поправит.

С ВАЗа уходить и не подумаю, тем более из-за пустяков. Нравится мне и цех, и весь завод, и наш Тольятти. Город молодой, нарядный, город будущего. А если у него есть будущее, то и жить в нем интересно. Вот скоро получу «малосемейку» (так в Тольятти называют небольшие квартиры для молодых семей), привезу жену и сына из Кузнецка, тогда совсем будет хорошо.

— Я не случайно из множества сборщиков выбрал Казаковского,— продолжает В. Липатов.— Работает он недавно. А на «свежий глаз» новичка недостатки и достоинства производства заметнее. Уходя с завода, некоторые пишут в анкетах, что нет перспектив на будущее, что трудно совмещать учебу и работу. Вот как на этот вопрос ответил Виталий Степанов. Он, как и первый мой собеседник, закончил техникум. На заводе — третий год, работает бригадиром сборщиков.

— Работа у нас непростая, ответственная — мы крепим передние подвески к «Жигулям». Конечно, мне трудновато сочетать работу, учебу да еще быть бригадиром. Несколько раз меня приглашали перейти в техотдел — я отнаывался. Привык к ребятам, и они ко мне. Опять же — обоюдное доверие. После смены иду заниматься — готовлюсь поступать в юридический институт. Да что я! У нас в бригаде учатся почти все. Это закон бригады!

— Чаще всего в анкетах встречалась жалоба на монотонную работу. Дескать, при таком труде устаешь, он не требует творческого подхода. Доля правды в этом есть. Но самое эффективное лекарство от монотонности — смена операций. Впрочем, лучше всего об этом рассказывает человек, носящий загадочно-шутливое прозвище Четырежды Венчанный. Этим, в общем-то, почетным званием бригадира Андрея Зубкова наградили за то, что двадцатисемилетний сборщик (по понятиям Тольятти — человек «пожилой») освоил все операции в четырех бригадах, работающих по соседству.

— Не хотелось бы повториться, но мне приходится ссылаться на статью Роже Гиберта в «Ви увриер». Автор сравнивает нашу работу с трудом специализированных рабочих на подобных предприятиях капиталистического Запада. Ему невдомек, почему мы веселые и не выглядим усталыми после смены по сравнению с нашими западными коллегами, захваченными беспощадными скоростями конвейеров. У нас иное отношение к труду...

Никто не гнал меня к соседям учиться их операциям. А я еще занимаюсь в техническом вузе. Знаю, что заводу могут потребоваться «инженеры у станка». А потому хочу быть инженером, знающим не только теорию, но и практику. «Узкую» специализацию не следует понимать узко.

— За недели пребывания в сборочном цехе у меня скопился солидный материал, — говорит В. Липатов, — тугой портфель, набитый бумагами, записными книжками, блокнотами. Это материал для будущих очерков, статей, рассказов... В дальнейшем думаю приступить к работе над книгой о людях Волжского автогиганта.

Записал **В. РЯЗАНЦЕВ**

ВСТРЕЧА С ГЕРОЕМ

СТРАНИЦЫ ПУТЕВОГО БЛОКНОТА

ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЯ

Александр БАХАРЕВ

ДОНСКОЙ ХЛЕБОРОБ

Два года назад мне довелось прочитать роман писателя Александра Бахарева «Человек прячет глаза», в котором ставились острые проблемы жизни современного села.

Мы, люди, живущие и работающие на селе, всегда с особым вниманием следим за творчеством писателей, разрабатывающих близкие нам темы. Читал я и очерк А. Бахарева «Степная баллада», опубликованный в прошлом году в «Правде».

Хотелось бы знать, над чем сейчас работает писатель, что нового создал о тружениках села. И, в частности, не мог бы он написать статью, хотя бы небольшую, о нашем земляке-хлеборобе, знатном селекционере И. Калиненко?

В. ФРОЛОВ,
директор Кагальницкого винсовхоза Мартыновский район Ростовской области

Уважаемый Владимир Васильевич!

Мы познакомили с вашим письмом Александра Бахарева, который сообщил нам, что сейчас он работает над большим романом «Ураган» из жизни советского крестьянства семидесятых годов, наших современников.

Одновременно писатель активно выступает в публицистическом жанре, пишет о тех, чьим самоотверженным трудом создаются высокие урожаи.

По нашей просьбе А. Бахарев написал небольшой очерк об И. Калиненко, который мы сегодня предлагаем вниманию читателей.

1. «СВЕРХЦЕЛЬ» СЕЛЕКЦИОНЕРА

Естествоиспытатель в чем-то подобен чародею. Он способен творить такие чудеса, которые иногда не под силу самой природе...

Что же всю жизнь окрыляло мечту Ивана Калиненко о богатырском колосе? Он шел за ней по крутым дорогам — через войну и скудные поля, вспаханные на коровах, стремился вырвать у природы ее тайны. Порой приходилось солоно, но Иван Григорьевич не жаловался на судьбу. Подвижнический труд селекционера был радостным. Однако он не хотел надеяться на слепой случай — открытие «клада». Кладоискательство несовместимо с творчеством, с подлинной наукой.

Началось это четверть века назад, на опытном участке Зерноградской селекционной станции. Каждое лето Калиненко тревожно прислушивался к жизни своего поля — почти неуловимым для обычного уха звукам, решая тревожный для себя вопрос: получится ли так, как задумано? Сказать, что путь к новому сорту труден,— значит почти ничего не сказать. Тем более, если селекционер ставит сверхцель — сконцентрировать в гибриде то лучшее, что скрывает в себе исходный материал. Урожайность. Зимостойкость. Засухоустойчивость. Повышенное содержание белка.

Именно о таком колосе мечтал Калиненко...

2. МАСТЕРСКАЯ ХЛЕБА

На опытном поле Иван Григорьевич не гнушался никакой работой: сам пахал, сам сеял, сам возил удобрения, сам жал колосья. При оценке сорта тщательно взвешивал все «за» и все «против», соизмерял издержки с конечным результатом. В разное время проходили сортоиспытания его «зерноградка», «новинка», «приазовская». Караваи получались легкие, золотистые — только гостей ими встречать! Но Калиненко добивался большей устойчивости пшеницы к морозам. Без сорта со спартанской зимостойкостью не решить проблему нормальной перезимовки посевов. Ни на Дону, ни в центральных районах.

Опытное поле стало для Ивана Григорьевича домом. Там встречал он и провожал зори... Зори как годы... Не получалось в одно лето — с еще большей настойчивостью повторял опыты в другое. Порой он слышал за своей спиной:

— Ну нет, природу не перехитришь! Пшеница-то южанка, не по ней лютые холода.

Конечно, озимая пшеница — продукт сложных естественных скрещиваний неустойчивых к морозам родителей с дикими злаками. Но можно же путем селекции «шлифовать» и дальше озимую пшеницу, добиваться от нее истинно спартанских качеств. «Но, может, природа и вправду уже отдала пшенице-южанке все запасы наследственной зимостойкости и ничего добавить не может?» — спрашивал себя Калиненко.

С этим он не мог согласиться!

3. СИЛА КОЛОСА — В СИЛЕ ЗЕМЛИ

Селекционер — что скульптор, он формирует «существа будущего». Сложность в том, что растения — неподатливый материал, мастерская же у селекционера ненадежная — земля, открытая губительным холодам, засухам, черным бурям.

Год за годом Калиненко изучал пшеничный колос в процессе роста. И его новый сорт «ростовчанка» вобрал в себя самые лучшие качества: спартанскую зимостойкость, урожайность, устойчивость к ржавчине.

Казалось бы, мечта осуществилась, богатырский пшеничный колос двинулся на безбрежные просторы Придонья и Сальской степи. Но не тут-то было! Каждая новая ступень для селекционера — лишь начало будущих исканий. С рождением сорта не кончились заботы о «ростовчанке». Как ведет себя «ростовчанка» в суховейной восточной зоне? На севере? Опыт показывал, что только по черному пару можно взять хороший урожай: по 60—70 центнеров с гектара. Хочешь иметь большой хлеб — вводи черный пар. Между тем кое-где поговаривали:

— Пар, понятно, хорошо, только ведь земле не велят отдыхать.

После многолетних атак на чистые пары далеко не всюду можно было поставить поле на «годовой ремонт». Посевы же по «беспарью» во многом обесценивали сорта-шедевры, взыскательные к пище и влаге. Даже царица озимых «безостая-1», посеянная по непаровым предшественникам, уступала яровым культурам...

В свое время «хлебный батька» П. Лукьяненко сказал:

— Будущность донского пшеничного поля — отменные сорта Калиненко...

РОСТОВ-на-ДОНУ

На Камчатке. Слева направо: Юозас Мацявичюс, директор совхоза «Паланский» Н. Пекин, бригадир оленеводов депутат Верховного Совета СССР Н. Н. Коерков, Аскад Мухтар, Владимир Тендряков.

Фото **Л. НИСНЕВИЧА**

НАША ХРОНИКА

С 18 по 25 февраля, по приглашению Всесоюзного агентства по авторским правам, в Советском Союзе находилась и. о. директора Международного информационного центра по авторскому праву ЮНЕСКО г-жа Мари-Клод Дон.

М.-К. Дон была принята председателем правления ВААП В. Д. Панкиным, ответственным секретарем Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО Н. Н. Смирновым, руководителями творческих союзов СССР.

ТАСС

На днях в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева состоялся вечер, посвященный 80-летию выдающегося польского писателя, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Ярослава Ивашкевича. Вступительное слово произнес Б. Полевой. Он зачитал приветственное письмо Н. Тихонова юбиляру.

С рассказом о творчестве Я. Ивашкевича-поэта выступил В. Огнев. Поэты-переводчики М. Павлова, А. Эппель, В. Британишский, Д. Самойлов, Ю. Левитанский, Н. Астафьева прочитали свои переводы стихов Я. Ивашкевича. Участники вечера приняли приветственное письмо юбиляру.

На вечере присутствовали представители посольства ПНР в Москве — министр-посланник В. Наперай, советник Е. Пионтновский, первый секретарь К. Матвеюк.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Б. Е. ГАЛАНОВУ—60 лет

В связи с 60-летием со дня рождения Бориса Ефимовича Галанова секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, известного советского критика, со знаменательной датой — 60-летием со дня рождения.

Участник Великой Отечественной войны, принципиальный и опытный работник советской печати, вдумчивый редактор, многосторонне одаренный критик, Вы снискали в писательской среде прочное и глубокое уважение.

Статьи и книги о современном киноискусстве, яркие исследования вопросов художественного творчества, монографии о видных советских писателях С. Маршаке, Б. Полевом, С. Михалкове — свидетельство того, как разнообразны Ваши творческие интересы. К каким бы проблемам литературы и искусства Вы ни обращались, каждой своей книгой и статьей Вы боретесь за высокие критерии в оценке явлений нашего искусства, неизменно отстаиваете основополагающие принципы коммунистической партийности и народности, ведете острый, непримиримый спор с чуждыми идеологическими тенденциями.

Мы высоко ценим Вашу активную общественную деятельность, Вашу заботу о росте и воспитании литературной смены.

Горячо поздравляем Вас со славным юбилеем, желаем Вам крепкого здоровья, счастья и новых творческих успехов».

Приветствие юбиляру направил также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

* * *

Сотрудники «Литературной газеты», присоединяясь к этим теплым пожеланиям, сердечно поздравляют Бориса Ефимовича Галанова, своего товарища по работе, редактора отдела искусств, давнего члена редколлегии газеты.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Эсхеля А. А. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Эсхеля Аркадия Александровича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ. 11 февраля 1974 г.

ОТ СРЕДЫ ДО СРЕДЫ

19—20 февраля в Москве проходила научно-теоретическая конференция «Методологические проблемы современной литературной критики», организованная кафедрой теории литературы и литературной критики Академии общественных наук при ЦК КПСС в связи со второй годовщиной постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике».

Конференцию открыл ректор академии М. Иовчук. С докладами и сообщениями выступили Л. Якименко, Д. Марков, Ю. Кузьменко, В. Борщуков, И. Черноуцан, А. Устинов, Ч. Гусейнов, С. Петров, Г. Дьяконов, М. Поляков, Ю. Борев, Е. Сидоров, М. Пархоменко, А. Михайлов, М. Числов, И. Голик, В. Гусев, Ф. Кузнецов, В. Балешов, А. Сайфуллаев, В. Воронов, К. Бобулов, А. Глушко.

В Сухуми состоялось собрание писательского актива. Выступивший на собрании секретарь правления СП СССР Ю. Верченко рассказал об организационно-творческих мероприятиях Союза писателей СССР. Затем выступили Н. Папаскири, Ш. Цвижба, А. Гогуа, И. Тарба, К. Ломиа и другие. В работе актива принял участие секретарь Абхазского обкома КП Грузии М. Ш. Хварцкия.

УЛ. ГЕРЦЕНА, 53

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

В Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева под председательством Е. Рябчикова прошел вечер «Писатели Москвы — рабочим и инженерам». Слово о работе Московской писательской организации произнес секретарь правления А. Медников. Говоря о том, какое значительное место занимают в сегодняшнем литературном процессе произведения о рабочем классе, он подчеркнул, что писать на рабочую тему вовсе не означает писать только об индустриальном труде. Читателю нужно показать мир, окружающий рабочего человека, с точки зрения самого рабочего...

А потом рабочие и инженеры комбината «Трехгорная мануфактура», заводов «Динамо», электровакуумных приборов, «Памяти революции 1905 года», 2-го часового слушали стихи Ю. Друниной, М. Лисянского, Д. Ковалева, других московских поэтов. А. Филатов читал свою новую поэму «Пролетарка» — о девушке, служившей в Смольном почтальоном, машинисткой и связной.

Каково же было удивление многолюдной аудитории, когда поэт представил свою героиню и из рядов президиума поднялась худенькая женщина в строгом платье — Мария Александровна Иванова. Член КПСС с 1918 года, участница взятия Зимнего, а ныне член парткома завода «Памяти революции 1905 года», руководитель секции лекторской группы Краснопресненского райкома партии, ответственный секретарь ревизионной комиссии Всесоюзного общества «Знание», кандидат экономических наук. Дочь питерского токаря, она олицетворяет собой живую историю послереволюционного рабочего класса.

В антракте мы встретились с Марией Александровной. Она стояла в окружении своих товарищей.

— Встречи писателей с заводскими коллективами становятся прочной традицией, — сказала М. А. Иванова. — Писатели получают возможность глубже изучить жизнь людей труда, их запросы, психологию, черты характера... Для рабочих же каждая такая встреча — стимул для духовного обогащения. Хочется побольше узнать, прочитать, увидеть.

Н. ЛАРИНА

КОНКУРС «ЛГ» НА ЛУЧШИЙ ОЧЕРК

большой электровоз, управляемый миловидной женщиной. Платформы вплотную подходят к первой печи. Доставлено пятьдесят или шестьдесят тонн скрапа — только малая часть того, что требуется для полновесной плавки.

По широченной рельсовой колее, беспрестанно сигналя звонками, боком движется завалочная машина. По высокой железной лесенке поднимаюсь наверх, в кабинку машиниста. И здесь мне захотелось побывать! Молодой машинист Павел Чернобровин включает контроллеры, начинает загружать печь. Сталевар Савченко стоит неподалеку, у правого обреза, и не сводит глаз с машиниста. Молчит. Не машет руками. Подгоняет своего напарника только взглядом. И так красноречив его взгляд! Давай, Паша, давай! От тебя, дорогой, от одного тебя, зависит, уложимся мы в график или нет. Два часа двадцать минут в твоем распоряжении. Ни одной минуты больше. Я, брат, обниму и расцелую тебя, курносого, если ты сегодня сэкономишь десяток минут. Давай, милый, давай!

Павел Чернобровин ни разу не взглянул на сталевара, не повернул к нему головы. Но он почувствовал, понял все... Первую порцию шихты завалил раньше положенного времени. Вторую... Третью... Потратил два часа. Если бы не было задержек с доставкой шихты, Павел уложился бы в полтора. Потеряно тридцать минут. И это еще хорошо. Бывает хуже. Плавка, как записано в графике, в среднем выдается через 11 часов 30 минут. Опытные сталевары говорят, что можно уложиться в 8 часов...

...И вот сталь закипела. Через синие очки хорошо видно, как по всей площади плавильной ванны бурлят, клокочут фонтанчики жидкой стали.

Всегда нестерпимо жарко на рабочей площадке, но сейчас особенно. Колонны, поддерживающие крышу цеха, стальные листы, которыми обшит кабинет сталевара, пульт управления, плиты под ногами и все железное так нагрелось, что нельзя дотронуться.

Сверху, из таинственного сумрака железных конструкций, на тонюсеньком тросике на рабочую площадку вдруг спускается чайник. Обыкновенный алюминиевый, изрядно помятый. Я смотрю на него с недоумением. Но у Савченко он не вызывает удивления. Сталевар снимает чайник с тросика, наполняет его ледяной газировкой и отправляет наверх — изнывающему от жажды крановщику.

К печи быстро, озабоченно подходит мастер Семенов. Хмуро смотрит сквозь синее стекло на кипящую сталь. Иван Иванович — в годах. Грузный. Но чрезвычайно подвижный, энергичный. В смену он, вероятно, пробегает по цеху десятки километров. Все, что делается в мартене, плохое и хорошее, отражается на его лице. Пользуясь случаем, спрашиваю:

— Как дела со скрапом, Иван Иванович?

— Плохо. Очень даже плохо. Не получаем материалы, а выбиваем, выдираем с боем, с руганью, с угрозами. Работаем со страшным напряжением. Опасаемся прорыва.

— И в этом виноваты шихтовики?

— Не только. Сталевары тоже не ангелы. Не подошли вовремя к печке, не проверили как следует нагрев металла и выпустили холодную плавку. В результате — «козел». За последнее время на первом блоке «закозлено» семь ковшей, на втором — пять. Двенадцать остродефицитных посудин вышло из строя. Н-да! Не ангелы...

Покосился на Савченко.

— Слыхал, Анатолий? Это и тебя касается.

Сталевар поднимает руки кверху.

— Грешен и я, Ван-Ваныч.

Огненный факел печи ураганно гудит. Тысячи фонтанчиков кипящей стали похожи, кажется мне, на гибких кобр с грозно поднятыми головами.

Савченко, защищая лицо рукавицей, смотрит в печь через глазок. Поворачивается в сторону завалочной машины, резко свистит. Это, очевидно, условный сигнал. Да, так и есть. Павел Чернобровин начинает «скачивать» шлак. Подхватил хоботом-штоком порожнюю мульду, проделал в ложном пороге завалочного окна неглубокую канавку — и на рабочую площадку, в специальный люк хлынул поток шлака, белый и жидкий. Савченко свистит машинисту завалочной машины и дублирует сигнал голосом.

— Хватит, Паша! Уже сталь пошла... Вместе со шлаком... Давай гати!

...По мере приближения выдачи плавки лицо Анатолия становится все серьезнее, озабоченнее. Проверили температуру жидкой стали термопарой. Тысяча пятьсот шестьдесят градусов. Но есть более точный прибор. Второй подручный сталевара принес откуда-то огромный стальной шест, так называемый шомпол.

— Толя, пошуруй!

Десятиметровый толстый шомпол окунули в кипящую сталь, помешали ее как следует и вытащили. Жидкий металл обрезал конец шомпола. Это значит, что температура стали свыше 1600 градусов. Прекрасно. Плавка готова.

Под сталеразливочные желоба поданы ковши. Савченко бросил на их дно несколько алюминиевых чушек. Это сильный раскислитель. Его добавляют в последнюю очередь.

Теперь сталеразливочный пролет стал рабочим центром сталевара и его подручных. Володя притащил на плече четыре трубки для кислородного прожига лётки. Голубоватой кислородной струей прожгли огнеупорную толщу лётки. Жидкая, как молоко, сталь ручейком вырывается наружу. С каждым мгновением он ширится, растет и, наконец, превращается в двойной поток. Один падает в левый ковш, другой — в правый. Оранжевый дым вырывается со дна ковшей и клубится под крышей цеха.

Савченко с подручными Воледей и Васей стоят в сторонке на мостике и молча, с просветленными лицами смотрят, как сталь наполняет ковши. Все опасности, все трудности теперь позади.

А работа в цехе идет своим чередом, по графику. Вторая печь производит завалку шихты. Третья заливает чугун. Шестая тоже выдает плавку. Тринадцатая готовится к выдаче.

Плавка на плавку непохожа. Как и люди...

Первую, самую первую плавку сорок с лишним лет назад выдавали опытный, способный сталевар М. Пирогов и его подручный Я. Ханжин. При них неотступно был инженер-сталеплавильщик М. Ягнюк. Варили они сто тонн превосходной по тому времени стали. И первая печь была тогда хороша, наилучшая в стране, в Европе и, пожалуй, за океаном. Съем стали с одного квадратного метра площади пода мартена составлял тогда едва ли одну полную тонну. Сейчас Савченко с того же метра снимает более десяти тонн... Во времена Пирогова производство стали на Магнитке было убыточным. Затраты Савченко на каждый рубль товарной продукции, как говорят экономисты, несколько превышают сумму в 60 копеек: иногда чуть меньше, иногда — больше. Чистая прибыль — 34 копейки. Выпуск стали на одного рабочего Магнитки при Пирогове был 335 тонн. Во времена Савченко он увеличился в десять с лишним раз. Пирогов зарабатывал... Хватит! Подсчитывать можно бесконечно — и все в пользу Савченко.

Два сталевара — это две эпохи.

...В ту смену весь цех выполнил план. Выполнил! Несмотря на задержки с доставкой железного лома, раскислителей и порожних ковшей.

Что же в конце концов такое есть сталевар? Ведущий рабочий металлургического производства? Или человек с руками рабочего и головой инженера? Или мастер технического искусства?

Это не праздный и вовсе не простой вопрос, как поначалу кажется. На него и металлурги отвечают неодинаково. Умудренный сталеплавильщик, инженер, бывший начальник цеха мартена № 2 Илья Костенко, не раз побеждавший в соревнованиях, убежден, что работа сталевара — это искусство. Есть и люди, утверждающие обратное. Один магнитогорец в разговоре со мной так сформулировал свою точку зрения:

— Не боги горшки обжигают. Не люди семи пядей во лбу варят сталь, а обыкновенные сталевары. И не какие-нибудь там их особенные творческие способности или отсутствие оных определяют работу печи. Все решают обыкновенное трудолюбие сталевара, его уменье, добросовестность, увертливость и, конечно же, организация рабочего места и своевременное, в нужных количествах снабжение всем необходимым: стальным ломом, жидким чугуном, ковшами, заправочными материалами, водой, газом, мазутом и прочим. Тот сталевар, который все это имеет, без особенного труда выбивается в передовые. Сталевар—это, если хотите, кашевар. Есть гречка, огонь, масло — будет и каша.

Я, конечно, не согласился с ним. Я считаю, что сталевар, даже когда он обеспечен всем необходимым и ему никто и ничто не мешает, всегда работает творчески: по утвержденным инструкциям и чуть-чуть отступая от них, только в сторону улучшения, в полном согласии с установленной технологией, но и с добавкой собственного, не раз проверенного успешного опыта, полностью доверяясь многочисленным автоматическим приборам, но еще и интуитивно, на глазок, на ощупь, приказывая своим подручным, но и советуясь с ними, целиком полагаясь на себя, но и с оглядкой на ближайшего соседа по рабочему месту, на сменного мастера, на инженера, на умные книги, посвященные сталеварению, на промахи плетущихся в хвосте и на победы впередсмотрящих. Такой сталевар перешагнул черту, отделяющую рабочего от инженера.

...Возвращаюсь к себе в тихие Березки, подвожу итог своим сегодняшним наблюдениям. Как ни хорош Савченко, но он не должен заслонять мне завод, его рабочую армию. Таких, как он, на Магнитке немало. Раньше был победителем Савченко, а теперь вот другой металлург, Локотилов, обогнал своего соседа (узнал я и такую новость). Завтра и его кто-нибудь обгонит. Коллектив — в вечном обновлении, в постоянном движении вперед.

НАПРЯЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ

В. ТЕРЕН

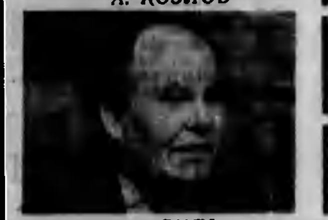
В. СОБКО

В. МОРУГА

П. ЗАГРЕБЕЛЬНЫП

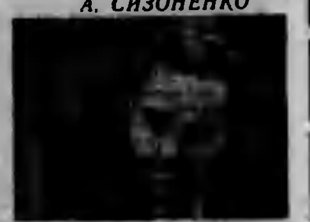
Я. БАШ

А. КОЗЛОВ


М. РУДЬ

Е. ПЕТРОВ

А. СИЗОНЕНКО


М. СЕМЕНОВ

Ю. БЕДЗИК

П. ТЕЛЯТНИКОВ

На одной из самых высоких точек Киева, неподалеку от тенистого парка, стоит старинное заводское здание. Это «Арсенал» имени В. И. Ленина — один из крупнейших заводов Украины, который уже перешагнул порог двухсотлетия. Свою славу «Арсенал» обрел в годы Октября, одним из первых на Украине подняв в январе 1918 года знамя восстания.

В 1923 году коллектив завода избрал Владимира Ильича Ленина почетным токарем-металлистом:

«Мы, рабочие-арсенальцы, заявляем, что всегда с тобой и руководимой тобой Российской Коммунистической партией. В ознаменование дня твоего рождения и для более тесного сближения с дорогим Ильичем мы общим собранием постановляем включить тебя в списки рабочих нашего завода почетным токарем-металлистом, токарем цеха Красного Киевского Арсенала».

В годы Великой Отечественной войны арсенальцы сражались в первых рядах защитников Родины.

Арсенальцы успешно выполнили обязательства, взятые на себя в третьем году девятой пятилетки. Завод и его коллектив, славный своими революционными и трудовыми традициями, всегда вызывали к себе интерес деятелей литературы и искусства, о чем свидетельствуют многие известные произведения — от кинофильма «Арсенал» А. Довженко до героической оперы «Арсенал» композитора Г. Майбороды, поэта А. Малышко и драматурга А. Левады.

У Киевской писательской организации давно сложились дружеские отношения с арсенальцами. Писатели на заводе — частые гости. Здесь они появляются со своими новинками и замыслами, здесь проходят «обкатку» их произведения.

В «круглом столе» на Киевском ордене Ленина заводе «Арсенал» принимали участие: заместитель секретаря заводского комитета ЛКСМУ Василий МОРУГА, рабочие и инженеры Александр КОЗЛОВ, Евгений ПЕТРОВ, Михаил СЕМЕНОВ, Петр ТЕЛЯТНИКОВ, Виктор ТЕРЕН, писатели Яков БАШ, Юрий БЕДЗИК, Павло ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ, Микола РУДЬ, Александр СИЗОНЕНКО, Вадим СОБКО.

П. ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ. Я не выскажу еретической мысли, если замечу, что при всем многообразии тем, поднятых в мировой литературе, насчитывающей более чем 2000-летнюю историю, тема труда ни в одну из эпох не становилась ведущей. Образ человека труда — рабочего, крестьянина — в прошлые времена мало привлекал внимание писателей. Вот почему советских писателей с полным основанием можно назвать первопроходцами. А идти первыми, идти во главе литературного процесса нелегко и непросто.

Поворот литературы к рабочей теме закономерен. В центре героических событий современности стоит рабочий класс, от которого зависит не только экономическая мощь нашей страны, но и духовный, культурный прогресс. Поворот литературы к рабочей теме начался в нашей стране в 20—30-е годы, и сегодня «Цемент», «Гидроцентраль», «Время, вперед!» имеют прекрасную плеяду «потомков». Ныне, когда вся наша страна от Карпат до Камчатки превратилась в строительную площадку, писатель не имеет права отставать от человека труда. Время настойчиво требует от нас новых книг — ярких, остроконфликтных, где процессы научно-технической революции были бы отражены с исчерпывающей полнотой.

В. МОРУГА. Павло Загребельный верно подметил, что в теме труда наши писатели — первопроходцы.

Рабочие хорошо знают, как трудно первым осваивать новую продукцию, но все-таки книг о рабочем классе должно быть и может быть больше. Пробежишь взглядом по полкам библиотеки, и сразу станет ясно, что такой книги, как, скажем, созданный в конце двадцатых — начале тридцатых годов «Роман Межгорья» Ивана Ле, в современной украинской литературе нет.

А между тем научно-техническая революция быстро меняет облик рабочего, расширяет сферу его духовных интересов, открывает перед ним неизвестные прежде перспективы и порождает одновременно массу серьезных конфликтов. Конфликтов роста, которые таит в себе технический прогресс.

Здесь путеводным компасом должна стать хорошая книга. Именно она поможет сформировать нравственный характер рабочего. Вот почему литератор не имеет права видеть себя вне научно-технической революции, вне событий, стоящих в центре нашей жизни.

Конечно, нас, тружеников «Арсенала», удивляет, что о нашем заводе, расположенном в сердце Киева, нет еще настоящей художественной книги... А какие у нас люди работают, какое богатство типов и характеров! Шесть Героев Социалистического Труда... Около тысячи арсенальцев уже трудятся в счет летних месяцев 1974 года. Рабочие Донченко и Филиппов — «крестные отцы» нового почина — пятидневное задание в четыре дня! Вот традиции «Арсенала» в действии. За всем этим — часы и дни напряженного труда, отношения людей, конфликты... В тридцатых годах Горький предложил создать историю заводов и фабрик. Тогда было куда меньше литературных сил. А сейчас?

А. КОЗЛОВ. Требование написать песню или книгу о каждом отдельном заводе мне кажется вряд ли осуществимым... Есть иные пути создания яркого художественного образа. Примером тому могут служить пьесы ленинградца И. Дворецкого «Человек со стороны» и свердловчанина Г. Бокарева «Сталевары», идущие на сценах Москвы и других городов. Хотелось бы, чтобы на театральных подмостках столицы появилась подобная пьеса и киевлянина...

Ссылки на трудности, вызванные тем, что мы впервые осваиваем рабочую тему, после таких книг, как «Битва в пути» Галины Николаевой, да и книг самого Павла Загребельного, уже никого удовлетворить не могут.

П. ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ. Это хорошо, что наш обмен мнений начался с конфликта. Пожалуй, мне придется согласиться с тем, что писатели должны работать больше и лучше.

Е. ПЕТРОВ. Давайте взглянем на дело еще шире. Я работаю в механическом цехе. У нас есть распространитель литературы. Что у него спрашивают? Классику и зарубежную литературу! Обидно! Плохо [illegible] информация о [illegible] таких произведениях, как дилогия «С точки зрения вечности» и «Переходим к любви» П. Загребельного или роман «Благить» Ю. Бедзика, я узнал от своих друзей. Библиотека делает много для нас, устраивает читательские конференции, обсуждения, литературные вечера, но всего этого мало. Современную книгу о рабочем классе нужно двигать в массы активнее.

И еще... Думаю, что в первую очередь нам нужны книги о молодежи: есть немало молодых людей, которые порой не знают, к чему приложить свои силы. На рабочих местах их удержать трудно. Никто не знает, как это сделать. А между тем мы испытываем большой урон от текучки кадров...

В. СОБКО. Замечание Павла Загребельного о новаторстве нашей литературы в разработке темы труда не может вызвать возражений.

Скажу несколько слов по поводу возникшего спора. Я написал много романов на рабочую тему, разрабатывал в них и нравственные, и технические проблемы, но пришел к выводу, что в конечном итоге успех зависит от создания полнокровных человеческих характеров. Чем привлекает нас герой пьесы «Человек со стороны» Чешков? Верностью психологических наблюдений, искренностью, жизненностью. Он несет в себе черты новой, социалистической психологии, а трудиться он мог бы и на кондитерской фабрике.

Еще один момент мне хотелось бы отметить. Нельзя «идеализировать» человека только потому, что он рабочий. Да, рабочий класс в целом несет в себе все лучшие черты, все самое прекрасное, но индивидуумам, увы, присущи те или иные недостатки. Поэтому нужно смелее вскрывать конфликты, противопоставлять точки зрения, заглядывать в будущее. Вот в чем мне видится залог успеха.

М. СЕМЕНОВ. Я присоединяюсь к мнению Вадима Собко о том, что характер человека — основа произведения. У нас много об этом говорят, но из-под пера, бывает, выходят серые, скучные поделки, торопливые, скользящие по поверхности жизни. Читаешь иногда очерк о каком-нибудь старом рабочем — и просто диву даешься: жизнь вроде прожил человек [illegible] большую, [illegible] интересного в очерке [illegible]... Я не могу [illegible] с м[illegible] Александра Козлова, [illegible] кажется нере[illegible] ние книг об [illegible] водах и фабриках. Напротив! Такие книги надо обязательно написать...

> **На «Арсенале» писателю нетрудно найти интересных людей. Их немало. Вот хотя бы Федор Васильевич Грабарь. Он — участник революционного восстания 1918 года. В те тревожные дни молодой кузнец соединил свою судьбу с юной Пашей из рода арсенальских кузнецов Марьяничевых. Прожили они светлую жизнь, воспитали отличную смену. Чтобы хоть бегло познакомиться с династией Грабарей, нужно запастись немалым терпением: сын Николай Федорович — начальник участка, его жена — старшая табельщица, одна их дочь — техник, другая, старшая, — техник-конструктор, ее муж — сборщик. И это только одна ветвь, а есть еще и вторая, и третья... Однажды в гостях у семьи Грабарей побывала группа киевских писателей. Исключительно интересной получилась эта встреча, прошла она в непринужденной, чисто домашней обстановке, даже не за круглым столом, как принято говорить, а за продолговатым. Знакомство с такими людьми, как эта славная рабочая династия, не может пройти бесследно для литератора.**

Ю. БЕДЗИК. Мы здесь собрались обсудить проблемы, связанные с разработкой рабочей темы. Я не отвлеку, если кратко расскажу свою биографию?

На фронте был минометчиком, потом учился в университете, закончил аспирантуру, работал в издательстве, в газете, на киностудии. Много писал о войне, о студенчестве, об интеллигенции. Названия романов говорят сами за себя — «Полки идут на переправу», «Альма матер», «Честь мне дороже», «Сильные мести не жаждут...». И так случилось, что на одной читательской конференции меня увлекло выступление револьверщицы Любы Петленко. На следующий день я пришел на завод «Большевик» и уже больше не расставался с ним. В последнем романе «Блакить» описаны события и люди, хорошо мне известные, хотя вещь эта отнюдь не документальная. Просто без серьезного знакомства с заводом, с рабочими и инженерами (некоторые из них стали моими друзьями) я, разумеется, никак не мог бы написать роман.

П. ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ. И Бедзик, и Семенов правы. Основой художественного образа любой описываемой ситуации должны быть правдивость и конкретность.

В. ТЕРЕН. Мне [illegible] книгу, в которой [illegible] романтичные [illegible] рабочих. Ведь [illegible] нашего времени [illegible] свою жизнь с рабочим классом, и не воспевать их нельзя. Разумеется, нельзя не замечать недостатков, но и [illegible] называемой «идеализации», нужно твердо помнить, что мы идем по правильному пути и люди наши прекрасны и умом, и сердцем, а об отрицательных моментах нашей действительности написано уже достаточно.

Я. БАШ. Не скрою, что не так уж часто удаются подобного рода разговоры. Меня сейчас задела за живое откровенность и моих коллег-писателей, и рабочих-читателей... Вся моя комсомольская юность была связана с индустриальными стройками. Я был свидетелем того, как начинали осваивать рабочую тему Ф. Гладков, И. Микитенко, А. Безыменский... Я это говорю к тому, что за свою жизнь накопил кое-какой опыт и могу сравнить. Если выпадала свободная минута, мы садились за книгу, да не обязательно за учебник. Резонанс от выхода книг Федора Гладкова, Мариэтты Шагинян, Ивана Ле, мне кажется, был в те времена куда большим, чем сейчас. И не только потому, что это были высокоталантливые произведения... К ним проявляли самое заботливое, пристальное внимание и литературная критика, и люди, отвечающие за распространение книг.

П. ТЕЛЯТНИКОВ. Конечно, писателям, вышедшим из среды рабочего класса, легче и проще освоить тему. Они, как говорится, впитали ее с молоком матери. Но жизнь движется так стремительно, что поспеть за ней вовсе не просто. Сегодняшний завод совсем не тот, что был 20—30 лет назад, и люди, работающие на нем, сильно изменились. Тем интереснее писать сегодня о людях производства. И труднее.

Наверное, литературный успех во многом зависит от общественного климата, который создается вокруг произведений на ту или иную тему.

Почему до сих пор, несмотря на критику, экраны наших кинотеатров просто затоплены фильмами «про шпионов», хотя только некоторые из них поднимаются до уровня настоящего произведения? Фильмов же о рабочих, об их трудовых буднях куда меньше. А рабочая тема сегодня у нас — главная!..

М. РУДЬ. Именно рабочему классу принадлежит главная роль в строительстве коммунизма. Он в значительной мере и определил развитие исторического процесса. Но рабочее происхождение, формальная причастность к труду еще ни о чем не говорят. У человека должны быть рабочая совесть, рабочая честь, психология рабочего человека — [illegible] жизненный материал. Романтизм не в том, чтоб замалчивать недостатки.

Научно-техническая революция выдвигает перед нами целый ряд проблем. Например, такую. Один из моих героев, живший в старой [illegible], сейчас строит завод в [illegible]. Каким [illegible] видится образ этого человека? Что нового появилось в нем? Он стал не только шире и [illegible] мыслить, но и [illegible] глубоко, более кардинально стал решать проблемы и конфликты, квалификация его выросла, он изучил иностранные языки, вырос в подлинного проводника технического прогресса. А рядом с ним другой рабочий остановился на месте, а остановившись, незаметно для себя ушел в мещанский быт, думает только о сегодняшнем дне. Разве романтичность первого может померкнуть от подобного соседства?..

А. СИЗОНЕНКО. Мне было интересно послушать не только наших читателей-арсенальцев, но и моих коллег. Не часто мы собираемся для такого разговора. Писатель, для того чтобы работать плодотворно, должен постоянно быть связанным с трудовой средой, знать жизнь рабочих, их быт, их проблемы. Вернувшись недавно после пятнадцатилетнего перерыва на завод, я увидел, что многому нужно учиться заново. Техника ушла далеко вперед, конфликты изменились. И теперь я подолгу бываю на верфях, чтобы наверстать упущенное.

Второй вопрос — это то, что один из выступавших здесь арсенальцев назвал привычным для себя термином «качество продукции». Произведение антихудожественное не имеет никакой цены, оно не нужно рабочему читателю, как, впрочем, и любому другому читателю. Мы должны следовать заветам Горького — нашим девизом должна быть высокая художественность плюс глубокое знание социалистической действительности.

* * *

Мы привели лишь некоторые фрагменты из разговора, который проходил недавно в читальном зале библиотеки «Арсенала». Не было никакого заранее придуманного «сценария», просто сюда пришли украинские прозаики, творческие интересы которых тесно связаны с рабочей тематикой. Так что разговор был обоюдно интересен — и писателям, и читателям-арсенальцам. Произошел откровенный обмен мнениями, не претендующий, разумеется, на то, чтобы считаться исчерпывающим. Были высказаны разные точки зрения. Но общей в этой беседе была заинтересованность всех ее участников в том, чтобы литература глубже включалась в тот созидательный процесс, которым живет вся страна.

К. ГРИГОРЬЕВ,
Ю. ЩЕГЛОВ,
специальные корреспонденты «Литературной газеты»

КИЕВ

Обсуждение магистральной темы советской литературы было начато критиком Б. Анашенковым в новогоднем номере «ЛГ». Потом были опубликованы статьи писателей М. Колесникова (№ 6) и А. Медникова (№ 7). Сегодня мы рассказываем о «круглом столе» «ЛГ» на эту тему в Киеве и публикуем статью критика В. Шапошникова.

ГРАНИ РАБОЧЕЙ ТЕМЫ

В. ШАПОШНИКОВ

НОВЫЕ ДОВОДЫ В СТАРОМ СПОРЕ

В ЭПОХУ НТР невозможно создать полнокровный образ современника вне его трудовой деятельности, в отрыве от его непосредственных профессиональных забот. Вот почему герой нашего времени по большей части предстает перед читателем не в парадном костюме, а в рабочей спецодежде, а «типические обстоятельства», в которых он действует, — стройки, цеха заводов, палубы траулеров, лаборатории НИИ...

В. Анашенков совершенно прав, когда пишет, что современный рабочий герой многолик, сложен как личность, связан с самыми различными сторонами жизни. Критика же — снова нельзя не согласиться с автором статьи «Грани рабочей темы» — подходит зачастую к этому герою со старыми мерками.

Однако, сделав целый ряд интересных наблюдений над текущим литературным процессом и предъявив немало справедливых претензий к писателям и критикам, освещающим рабочую тему, Б. Анашенков задает вопрос: «Надо ли причислять к рабочей теме произведения... которые и материалом, и художественной плотью, и героями не только не отвечают привычным представлениям о теме, но как бы и противостоят им?» И отвечает: «Надо!..»

Это не более чем риторика. Ибо относить произведение к рабочей теме лишь на том основании, что герой его где-то «вкалывает», числится на каком-то предприятии, примерно то же самое, как если бы мы отнесли, допустим, «Героя нашего времени» к «военному» роману, руководствуясь соображениями, что Печорин носит военный мундир и служит где-то в полку.

В этом вопросе я разделяю точку зрения М. Колесникова и А. Медникова («ЛГ», № 6 и № 7). Принадлежность того или иного произведения к рабочей (производственной, индустриальной) теме можно определять лишь по тому, насколько глубоко автор сумел проникнуть в суть проблем, порождаемых данной сферой производства, насколько полно сумел он передать все многообразие социальных, нравственных, психологических взаимоотношений, складывающихся между людьми в процессе их трудовой деятельности.

Но обратимся к самим произведениям. Для начала позволю себе еще раз процитировать Б. Анашенкова:

«В предельном «очеловечивании», в гуманизации подробностей производственного быта, всей атмосферы заводской жизни, в ее приближении к читателю и заключен, думается, секрет притягательности для читателя новой волны прозы, раскрывающей мир производства». Здесь, как мне кажется, Анашенковым подмечена одна из любопытных тенденций, которая дает о себе знать в произведениях многих, особенно молодых авторов. Тенденцию эту условно можно определить так: нравственное начало на базе производственной сферы. Попытаемся разъяснить, что это означает, на конкретных примерах.

ФИЛОСОФСКИЙ ПЕРЕКУР

«Нравственный климат», «социально - нравственная проблематика», «нравственно-этическая направленность» — вот главные искомые величины, которые прежде всего пытается обнаружить критика в каждом художественном произведении. Спрос же, как известно, рождает предложение. И вот уже многие авторы смело берутся за разработку всевозможных социально-нравственных и нравственно-психологических проблем.

Делается это подчас весьма просто. Работает, к примеру, на каком-нибудь важном объекте бригада строителей, трудится на совесть, не отвлекаясь ни на какие пустяки, ни на какие посторонние разговоры. Да у рабочих, собственно, и времени нет, чтобы попусту точить лясы. То есть как так нет, спохватывается тут автор, — ведь если эти ребята будут только работать да работать, читатель ничего не узнает ни об их духовном облике, ни об их запросах и взглядах на жизнь. И, не мудрствуя лукаво, автор объявляет своим героям нечто вроде «философского перекура», чтобы они и передохнули немного, и получили возможность раскрыть перед читателями все богатство своего внутреннего мира...

Молодой прозаик Евгений Гущин в повести «Правая сторона» (Западно-Сибирское книжное издательство, 1973) рисует будни таежного заповедника.

Первые главы повести Е. Гущина берут за живое своей беспощадной документальностью: чувствуется, автор знает жизнь заповедника не по наездам, и мытарства его героев-лесников знакомы ему не понаслышке. Однако, познакомив читателя с состоянием дел в заповеднике, автор будто начинает беспокоиться: а не слишком ли он увлекся производственной стороной жизни героев? И вот уже повесть «заряжается» целой обоймой конфликтов, носящих исключительно «нравственно-психологический» характер.

Выясняется, например, что жена лесничего Ивана Рытова — приезжая горожанка, и жизнь в заповедной глухомани ей порядком осточертела. Иван же, наоборот, не мыслит себе жизни вне заповедника. И тогда жена ставит условие: или она, или заповедник. Вот вам и готов один из «вечных» конфликтов: одержимый, преданный своему делу молодой специалист и жена-мещанка, не разделяющая ни увлечений его, ни взглядов.

Другой сугубо нравственный конфликт строится на столкновении Ивана Рытова с его родным дядей. Дядюшка этот, злостный браконьер, пытается использовать служебное положение племянника в корыстных целях.

Есть в повести и конфликт «на почве любви». В основе его — сложные взаимоотношения между помощником лесничего Артемом Стригуновым и секретаршей Ритой.

Вскоре конфликты эти начинают играть в повести ведущую роль, оттесняя на задний план все остальные проблемы. Но как бы ни были интригующи эти коллизии сами по себе, — они все-таки кажутся весьма надуманными по сравнению с теми действительно реальными трудностями и бедами в жизни заповедника, о которых так правдиво рассказал автор в первых главах. Узкопроизводственные «мелочи» оказались, таким образом, весомее проблем чисто нравственных—не парадокс ли?

Из сказанного вовсе не следует: дескать, напрасно некоторые авторы отрываются от «земных» проблем и лезут в заоблачные выси «вечных» тайн. Пренебрегать «вечным», «сугубо нравственным», конечно же, не следует, иначе произведению, действительно, грозит участь стать беллетризованным руководством к той или иной профессии. Однако делать это нужно так, чтобы «вечные» вопросы были действительно достойны их нетленной ценности. У Е. Гущина достойное отражение получила лишь производственная сфера, «вечные» же проблемы оказались исполненными совсем на другом уровне.

«ТОНКИЕ» НАМЕКИ И «ТОЛСТЫЕ» ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Впрочем, бывает еще хуже, когда производственная сфера служит автору чем то вроде надежной упаковки, куда он «прячет» какую-нибудь тривиальную житейскую историю.

Повесть Анатолия Липницкого «Авария» («Дальний Восток», № 4, 1973) — об энергетиках, людях одной из важных профессий. И поначалу складывается полное впечатление, что автор решил посвятить свое произведение проблемам, всецело связанным с данной отраслью хозяйства.

Работник энергоуправления Борис Николаевич Воробьев командирован в заполярный городок Старычан, чтобы расследовать причины частых аварий, происходящих на здешней электростанции. Воробьев приходит к выводу: старую электростанцию, ставшую фактически музеем допотопной техники, нужно закрыть, а город подключить к высоковольтной линии. Но этот вывод идет вразрез с мнением главного инженера управления Зубова, который настаивает на реконструкции Старычанской электростанции. С этого момента персонажи повести располагаются, как на шахматной доске: по одну сторону — сторонники реконструкции, по другую — ее противники.

...Но вот на авансцену выходят двое — инженер Вреднев и сотрудница проектного института Моргунова. Оба приезжают в Старычан в командировку также по поводу электростанции. И здесь автор поддается искушению «размочить» сухой производственный конфликт адюльтерным. Между Бредневым и Моргуновой возникает мимолетный роман, невольным свидетелем, и как выясняется позже, и «жертвой» которого становится Воробьев: вернувшись из командировки и не застав жену дома, он, полный подозрений, устраивает ей скандал...

Беда, как известно, одна не ходит: «за действия, противоречащие решениям энергетического управления», Бориса Николаевича отстраняют от занимаемой должности. Правда, через некоторое время все разрешается наилучшим образом: обком поддерживает точку зрения Воробьева, и его восстанавливают на работе, ссора с женой улаживается. И когда герой уезжает расследовать очередную аварию (уже на другом объекте), жена со слезами на глазах говорит ему: «А у нас?.. Кто расследует нашу аварию?»

Концовка повести, что и говорить, символическая. Только не слишком ли это накладно — рисовать монументальную производственную катастрофу ради того, чтобы «срифмовать» ее с банальной супружеской ссорой? Вполне допускаю, что автор не ставил перед собой такой цели и все вышло непреднамеренно, но только производственные сцены в повести оказались действительно чем-то вроде грандиозного пролога. Да и сама эта аналогия — авария производственная и авария семейно-бытовая — слишком примитивна и нарочита, чтобы стать «ключом» к разрешению серьезных нравственных проблем.

ПОЛЕЗНЫЙ УРОК

Любопытный эксперимент провел молодой писатель Анатолий Черноусов. Свою повесть «Практикант» («Сибирские огни», № 1, 1973) он посвятил одной сугубо производственной проблеме: что такое штурмовщина, чем она вызвана и как с ней бороться? Автор заставляет своего героя — студента-практиканта Андрея Скворцова — взяться за разрешение этой проблемы. Будущий инженер настолько увлекается ею, что все другие вопросы отходят для него на задний план. Даже любовь к славной заводской девчонке Наташке почти не отражается на душевном «балансе» героя. Андрей, каким он выведен в повести,— истинный сын великой эпохи НТР, человек беспокойный и одержимый. С чисто юношеским максимализмом он ставит перед собой цель — не только докопаться до истоков штурмовщины, но и ликвидировать ее в масштабах всей страны...

Однако, поставив перед собой, как было уже отмечено, задачу чисто утилитарную, А. Черноусов в ходе своего «расследования» сумел затронуть и целый ряд серьезных проблем общесоциального и морального плана. В повести, например, очень остро поставлен вопрос: имеет ли право человек носить высокое звание рабочего лишь на том основании, что человек этот носит рабочий комбинезон, и не забывают ли отдельные рабочие о своей принадлежности к самому передовому классу общества? Глаз писателя подмечает и существенные перемены, которые происходят в духовном и моральном облике рабочего в эпоху НТР. В этой связи антитеза — Гена-солдатик, олицетворяющий в себе все лучшее, что есть в современном рабочем, и примитивный «работяга» Мрачный Тип — представляется отнюдь не надуманной...

Социально - нравственная проблематика в повести «Практикант» возникла непосредственно в недрах производственной сферы. Не открыв в этом смысле никаких Америк, А. Черноусов тем не менее преподал своим молодым коллегам урок весьма полезный. Своей повестью он еще раз подтвердил одно из незыблемых требований искусства: нравственные глубины и социальные высоты покоряются лишь тому писателю, который, не боясь обжечься о горячие проблемы сегодняшнего дня, смело берется за их постановку и разрешение.

Я намеренно заострил внимание лишь на одной из затронутых проблем, лишь на одной из тенденций современной «производственной прозы», ибо в обсуждении подняты проблемы, действительно требующие максимума духовных усилий.

НОВОСИБИРСК

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ

«АВРОРА»: ОБОЗРЕНИЕ ПРОЗЫ

Л. БАХНОВ

СТАНОВЛЕНИЕ ХАРАКТЕРА

«АВРОРА» — один из самых молодых журналов в нашей стране, и адресован он в [illegible] очер[illegible] сти. И надо сказать, за довольно непродолжительное время своего существования журнал успел завоевать популярность в самых разнообразных ее кругах.

Со страниц журнала звучат и голоса писателей, чьи имена широко известны, и голоса молодых, часто впервые заявляющих о себе литераторов. В прошлом году на страницах «Авроры» выступили Эльмар Грин, Василий Шукшин, Сергей Воронин, Аркадий Адамов, Глеб Горышин, Василий Белов, Виктор Конецкий. Произведения таких авторов уже создали определенный уровень прозы журнала. Широкая публикация начинающих — это тоже показатель, но уже другого рода: редакция ведет активный поиск новых творческих сил и заинтересована в их росте.

«Аврора» — журнал молодежный, и проблематика его связана преимущественно с жизнью нашего молодого современника. Он — вчерашний школьник или студент — сегодня оказывается лицом к лицу с жизнью. В ней будет все — и трудности, и преодоления, и удачи, и обманчиво легкие дорожки, и он, молодой человек, должен сделать выбор. Из множества решений и сложится его судьба.

Закалят ли трудности его характер или он спасует перед ними, сломается? Сумеет ли устоять перед соблазном пойти по пути наименьшего сопротивления? Короче — выдержит или не выдержит он испытание жизнью?

А испытания порой выпадают очень серьезные. Герою документальной повести Юрия Скопа «Роман со стрельбой» (№ 12)* чемпиону XX Олимпийских игр пришлось столкнуться и с предвзятостью, и с откровенной несправедливостью. Целых пять лет добивался он своего восстановления в сборной Союза. Побивал рекорды, завоевывал первые места — а ведь какого напряженного, каждодневного труда это стоило! — но отказ, отказ, отказ... Очень многие, уверен, опустили бы в такой ситуации руки.

Жизнью испытывается я герой О. Махолина Яковлев (№ 6). Правда, он герой очерка. Но разве сегодняшний очерк — это в наше время сплошь да рядом не начало завтрашней прозы, когда образ реального человека вырастает в образ художественный, а единство проблем создает нравственную атмосферу, [illegible] дений [illegible] лев [illegible] путь от мастера на буровой до главного инженера управления. Трудно ему было? Очень. Порой положение [illegible] безвыходным [illegible] мучить, [illegible] получается, и все-таки не сдаться — для этого надо иметь и волю, и характер...» — замечает автор очерка. А это ли не нравственное испытание?

В очерках «Аврора» часто обращается к людям рядовых профессий. Их, этих людей, объединяет то, что труд для них — первейшая духовная потребность. Таковы оператор крупного современного предприятия В. Орлов (№ 9), девушка-пилот Л. Белеменко (№ 2), расточник В. Большов (№ 4).

Все это — реально существующие люди. Не сусально-благополучные «герои производства», а настоящие, живые, со всеми сомнениями, ошибками, но умеющие во что бы то ни стало добиться своего, и эти качества роднят их с героями собственно прозы «Авроры».

Для тех и других испытание жизнью — чаще всего испытание нравственное. Экзамен на духовную состоятельность. Проверка готовности служить своему делу. Сделанный однажды выбор может оказаться решающим в их судьбе.

Герой повести Станислава Родионова «Расследование мотива» (№№ 1—2) сделал свой выбор: стоять за свои убеждения до конца. Судить или нет главного инженера крупнейшего предприятия в городе за случайно совершенное убийство? Все, буквально все против суда. И только молодой следователь Рябинин считает: суд необходим. Рябинину чуть ли не приказывают закрыть дело. Но он непреклонен.

Итак, мы видим положительного героя. Героя волевого, целенаправленного, не сдающего свои позиции ни при каких обстоятельствах.

Но вот что происходит дальше. Окончательно потерявшийся прокурор просит у первого секретаря райкома прямых указаний.

«Руководствуйтесь законом, — отвечает тот. И тут же с намеком спрашивает: — Суд же не обязательно Ватунского посадит?»

«Уверен, что не посадит», — ответил Рябинин.

Выходит, копья ломались из-за пустой формальности — быть или не быть суду? Я вполне допускаю, что по своим моральным качествам Ватунский достоин снисхождения. Но ведь речь идет не о юридических тонкостях, [illegible] победа Рябинина оказывается на самом деле более призрачной, чем поражение его противника.

По своему характеру и по логике повести Рябинин, сделавший нравственный выбор, должен был довести свою линию до конца. Очевидно, в данном случае мы имеем дело просто с непродуманностью самой сути конфликта. Но как бы то ни было, нам трудно принять Рябинина как героя безоговорочно положительного, каким он, без сомнения, был задуман.

Перед сложным выбором поставлен и молодой физик Вяземцев в рассказе Геннадия Черкашина «Сделка» (№ 3). Он должен решить, продолжать ли борьбу (возможно, бесплодную) за свое изобретение в провинциальном городке или, отказавшись от нее, уехать в большой город и работать в перспективном НИИ, может быть, заведовать лабораторией. В отличие от Рябинина молодой физик отказывается от борьбы, совершает маленькое, но предательство. И тут в расплату за малодушие он получает сразу два удара. На международной выставке видит «мучительно знакомую энергетическую схему» — схему того самого прибора, над созданием которого он тщетно бился. Это первый удар. За ним следует второй: в лаборатории Вяземцева заменяют Анохиным — человеком, который продолжал работу над их общим изобретением и довел ее до конца.

Рассказ Черкашина, конечно же, несет благородную нравственную идею. Однако неудача Вяземцева выглядит в значительной мере случайной. Автор, а не жизнь наказывает героя «Сделки». Поэтому рассказ производит впечатление умозрительной и излишне назидательной истории, не говоря уже о вторичности сюжета.

С темой нравственного выбора в «Авроре» соседствует и другая, столь же естественная для молодежного журнала, — тема осмысления героем своего существования.

Павел Бухалов из повести Николая Кузьмина «Житейское» (№ 5) вроде бы не склонен задумываться над смыслом жизни... Он — из породы неприкаянных. После армии его словно ветром понесло по Союзу: Средняя Азия, Сибирь, Чукотка, Карелия... Так он мотался, пока не попал в поселок Надеждино. Шестилетний мужичок с ноготок, деловой, по-взрослому рассудительный и в то же время сорванец, каких мало, неукротимый Колька Кораблев в чем-то оказался родствен Павлу и привязал его беспокойную душу сначала к себе, а потом к своей матери, Ольге.

И существование для Павла обретает иной смысл: жить надо не ради себя, а ради других, в данном случае ради этих двух, так нуждающихся в нем людей.

А вот развязке повести веришь с трудом. К Ольге возвращается муж. Законный. И снова несется Бухалов неизвестно куда. А почему? Разве любящая женщина и мать так просто откажет себе и сыну в любви? И все это — «ища в хилом, неверном плече (мужа. — Л. Б.) спасение и защиту от себя самой же».

Как видим, герою «Авроры» приходится решать довольно типичные проблемы. Типичные — как для жизни, так и для литературы. Но в молодежном журнале они обретают особый смысл, обнажается их суть как исходной точки становления характера, а то и жизненного пути.

Но вот произведение другого рода. Ситуация в нем, можно сказать, фантастическая. Так же как и в упомянутых вещах, в повести Константина Курбатова «Вчера ошибок не будет» (№№ 9—10) проводится положительная нравственная идея, утверждается положительный идеал. Но утверждается способом «от противного» — отрицанием.

Дело в том, что Гремислав Карпухин, герой этой повести, — подчеркнуто отрицательный герой. Такова его функция.

...Будничным вечером за кружкой пива Карпухину были возвращены десять лет жизни. Из двадцатичетырехлетнего мойщика частных автомобилей он снова превратился в четырнадцатилетнего школьника.

Гремислав Карпухин — громкое имя и довольно заурядная фамилия как бы подчеркивают необоснованность притязаний героя — человек, сердитый на жизнь за все подножки, которые она ему подставляла и подставляет. Вот у него «гаишник» отобрал права. «Всего-навсего из-за того, что я забыл включить сигнал поворота... — объясняет Карпухин. — У других, наверное, обошлось бы, в крайнем случае рублевку штрафа заплатили».

И вообще: мечтал стать летчиком, а сделался мойщиком. «В жизни вообще, если б знал, где упадешь, то заранее б соломки подостлал», — с горечью говорит герой повести.

Случилось невероятное: ему предоставлена реальная возможность «подостлать соломки». И тут выясняется: все, что Карпухин рассказывал нам вначале, происходило лишь приблизительно так.

Повторяется история с уже упомянутым инспектором ГАИ. В той, первой, жизни Карпухина остановили действительно из-за сигнала поворота. Но, кроме того, в кузове у него оказались ворованные доски, которые он за тридцать рублей взялся подвезти одному типу, кроме того, от него пахло спиртным, и, кроме того, он пытался дать взятку милиционеру. За это и поплатился правами.

В новой жизни Гремислав Карпухин не отказывается «левачить», «сорвать куш». «Я срывал, — говорит Карпухин. — Направо и налево. Но с головой». Вместо тридцати рублей запросил за доски сорок, а вместо робкой десятки сунул «гаишнику» четвертной. Так Карпухин лишился прав вторично.

Герой Курбатова не способен вырваться из круга мелочных истин, бытовых схем, к которым он с готовностью сводит все богатство жизни. Духовный мир, мир «чистых побуждений» воспринимается им как условность, придуманная людьми исключительно для приличности. Он совершенно искренне не может понять, в чем же его вина: ведь каждый, убежден Карпухин, стремится потеплее устроиться, загрести побольше...

Автор, разоблачая своего героя, беспощаден к нему.

Рябинин, Вяземцев, Бухалов, Карпухин... Позитивно ли, негативно, но эти образы подсказывают нам черты, необходимые главному герою прозы молодежного журнала. Правда, к сожалению, только черты, сказать же, что это он и есть, мы пока не можем. Однако достигнутый общий уровень прозы, талантливый авторский актив «Авроры», присущее ему активное стремление к поиску дают все основания надеяться, что в недалеком будущем молодой герой, достойный нашего времени, предстанет на страницах журнала в полный рост.

* Здесь и далее рассматриваются произведения, опубликованные в журнале «Аврора» в 1973 году.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Г. А. МЕДЫНСКОМУ — 75 лет

В связи с 75-летием со дня рождения Григория Александровича Медынского секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по детской и юношеской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас с 75-летием. Все Ваше творчество, вся Ваша общественная деятельность посвящены борьбе за торжество идеалов коммунистической нравственности, советской морали. Признание и любовь читателей по праву завоевали Ваши книги «Марья», удостоенная Государственной премии СССР, «Честь», «Повесть о юности», «Трудная книга», «Пути и поиски» и другие, в которых Вы воспеваете человеческое благородство и поступки, освященные гуманнейшим законом социалистического общества: человек человеку друг. Вы поднимаете голос писателя-гражданина против всего, что чуждо этому закону, противоречит нормам и принципам нашей жизни.

Большое внимание уделяете Вы проблемам воспитания подрастающего поколения, выступаете страстным пропагандистом идей выдающихся советских педагогов. От всей души желаем Вам, дорогой друг, здоровья, большого творческого счастья».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

■

...На одной из многочисленных фотографий, которые получил наш юбиляр от своих благодарных читателей-воспитанников, есть такая дарственная надпись: «Медынскому Григорию Александровичу — большой души человеку, который в трудное для меня время сделал все от него возможное, чтобы я стал человеком. С сыновней благодарностью — Витя Петров».

Трудно, пожалуй, найти другого писателя, который столь увлеченно и самозабвенно — вот уже несколько десятилетий — вкладывает свой нелегкий труд, большой талант, знания, упорство и волю в дело нравственного воспитания нашего молодого поколения. Почти полвека создает писатель Медынский свою главную Трудную Книгу Жизни. Ее первые очертания были уже видны и в светлой героической «Марье», и во вчерашних крестьянах из «Самстроя», и в прозрачно-чистой «Повести о юности», не говоря уже о «Чести», и книжках «Не опуская глаз» и «Повелевай счастьем». Окончательно она сложилась уже в итоговой «Трудной книге» — мудрой и во многом полемичной книге о великой ценности и сложности жизни, о трудном искусстве жить, о непростых и порой противоречивых людских отношениях, о личности и обществе, о силе добра и подлинном гуманизме — о путях воспитания человека коммунистического общества.

Широта и острота взгляда, масштабность, правдивая и смелая постановка самых «трудных» и сложных проблем жизни, нравственных и социально-педагогических, общественных и личных, в сочетании с их глубоким, поистине философским осмыслением — вот что составляет характерную особенность творчества Григория Медынского.

Почти двадцать лет я работаю с Григорием Александровичем плечом к плечу в редакционной коллегии журнала «Юность».

Все мы, его друзья и коллеги по журналу, не перестаем удивляться и — не скрою! — восхищаться многими личными качествами нашего старшего товарища.

Человек талантливый и скромный, Григорий Александрович всю свою жизнь с большим достоинством носит высокое звание советского писателя-гражданина. Его отличает ясность идейных, творческих и нравственных позиций, последовательность и принципиальность в их отстаивании и утверждении.

Григорий Александрович встречает свое 75-летие на боевом посту, с хорошим запасом новых интересных творческих замыслов. Пожелаем ему успеха в их завершении!

Сергей ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

«НАШ СОВРЕМЕННИК»: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КРИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ

Б. БУРСОВ

НЕЧТО О ВКУСАХ И МНЕНИЯХ

КАК-ТО в свободный вечер стал я перелистывать очередные номера журналов — первые в этом году.

Сразу же зацепился за статью Олега Михайлова «Верность», напечатанную в «Нашем современнике». Грустью повеяло от этого сочинения на мою душу. Ложась спать, надеялся, что все пройдет. Ан не прошло. Утром попалась на глаза знакомая обложка читаного журнала. Чтобы избавиться от смутного душевного состояния, пришлось взяться за перо. Долго не мог придумать подходящее заглавие. Наконец в голове замелькали названия небольших заметок, помещенных Достоевским в «Дневнике писателя». Все однообразные названия: «Нечто личное», «Нечто о талантах...», «Нечто о вранье» и даже «Нечто о чертях». При всем однообразии перечисленных названий — какая в них щемящая тоска! Вот что значит мастер, как бы назвал Достоевского Олег Михайлов. Ведь пишет он: «...такие мастера, как Леонардо да Винчи, Рембрандт, Рафаэль». Секрет их мастерства, по Михайлову, в общедоступности. Я с завистью подумал об авторе статьи: несколько веков спорят искусствоведы всего мира о смысле загадочной улыбки Джоконды, для него это трын-трава. Да и «Моцарт и Сальери» Пушкина, по его мнению, нисколько не сложнее басни Крылова «Стрекоза и Муравей»: главное, что оба произведения, как он решительно заявляет, «понятны массам». Столь же определенно его мнение о романсах под гармошку и Бетховене: это еще вопрос, что или кто сложнее, тут «два мира, не совпадающие и требующие каждый своего эмоционального опыта». Разумеется. Несомненно, свою статью О. Михайлов писал в ином ключе, нежели, например, Кант «Критику чистого разума», и на чтение того и другого произведения необходимы разные усилия и разное терпение.

Вспомнив о названии заметок из «Дневника писателя» Достоевского, я понял, как часто говорят герои и героини Пушкина, что «участь моя решена». Надо писать. Сразу оговорюсь: ни на что особенно я не претендую, но не могу удержаться от того, чтобы не высказать несколько замечаний о статье О. Михайлова. Меня, собственно, взволновала не статья, а метод ее написания. Ныне так много пишут и говорят о критике, что, право, мне кажется, совсем не лишним будет порассуждать на эту тему.

«Верность» — прекрасное слово. Но так ли уж необходимо было пользоваться им для заглавия критической статьи? Не слишком ли это высокопарно? Не чуется ли здесь претензия критика на собственную непогрешимость, на поучения и отчитывания других, не соблюдающих верность? Я пробовал вчитаться в статью, вдуматься в нее, уловить ее основную мысль. Тягостная задача. Критик не доказывает, не указывает, не рассуждает, но осуждает. Однако догадываюсь. У него две цели: доказать, во-первых, что право на существование имеет только общедоступное искусство, для своего восприятия не требующее какой-либо подготовки; во-вторых, что русскому искусству общение с искусством других народов, в частности западноевропейских, решительно противопоказано. Таков «эстетический кодекс» О. Михайлова; правда, когда это ему необходимо, он с необыкновенной легкостью пренебрегает и собственными эстетическими принципами.

Впервые свой критический меч обнажает О. Михайлов, начав рассуждать о Пикассо. И пала голова замечательнейшего художника. Оно и понятно: Пикассо и в самом деле не принадлежит к числу общедоступных художников. Даже такой его почитатель, как И. Эренбург, признавал это. С Эренбурга именно и начинает О. Михайлов свой большой разговор о верности. Эренбургом однажды было высказано следующее суждение о простоте и сложности искусства, приведенное Михайловым: «Можно ли упрекать писателя за его необщедоступность? Романсы на гармошке легче даются, нежели Бетховен. Непонятно и сложно пишут только бездарные, пустые люди. Каждый истинный художник стремится к простоте, но простота простоте — рознь. Простота «Моцарта и Сальери» — не простота крыловских басен. Есть простота, которая требует для своего понимания подготовки».

Сказано, кажется, вполне ясно. На мой взгляд, и совершенно бесспорно, хотя, как известно, И. Эренбург порой высказывал и далеко не бесспорные мысли. Григорович, конечно же, доступнее Достоевского. Шостакович по всем показателям сложнее, чем Дунаевский. Следует ли из этого, что Достоевский рангом ниже Григоровича, а Дунаевский превосходит Шостаковича? Думаю, что и сам О. Михайлов так не думает. Хотя бог его знает. В его статье можно встретиться с самыми неожиданными парадоксами, а главное — ей чужда всякая логика.

Я приводил слова, сказанные Эренбургом, о неравнозначности простоты Пушкина и Крылова. В них нет и намека на неприязнь Эренбурга к Крылову. Михайлов нисколько не считается с этим. Он пишет: «Простота «маленькой трагедии» Пушкина — при всем огромном различии, несравнимости произведений — не столь уж враждебна простоте басен Крылова, как это представлялось И. Эренбургу». Враждебность — какое ужасное слово в данном контексте! Зачем приписывать писателю мысли, ему чуждые, и слова, которых он не употреблял?! Даже если это всего только одно слово.

Об Эренбурге как о писателе критик пишет с явным пренебрежением и откровенным раздражением. Эренбурга, по его изящному выражению, «вряд ли упрекнешь в сложности письма». По словам Михайлова, в романах «Буря» и «Девятый вал» Эренбург «был активным популяризатором, а не творцом этого не общедоступного искусства, стремился объяснить его ценность на языке доходчивой беллетристики или острых эссе». Как это в романах можно объяснять значение романов? И почему в данном случае романы называются Михайловым не общедоступным искусством? Ага, догадываюсь: искусство романиста не было доступным для Эренбурга. Можно было попроще, если угодно, пограмотнее выразить эту мысль.

Но как бы там ни было, Пикассо не подходит Михайлову из-за своей необщедоступности, Эренбург же отвергается, напротив, как слишком общедоступный («не упрекнешь в сложности письма...»). В одном случае критик руководствовался одними доводами, в другом — совсем иными, прямо противоположными первым. Вот и попробуй поспорить с ним.

Да и — повторяю — я не спорю с Михайловым, а только выявляю критические приемы, примененные им в довольно обстоятельной журнальной статье, к тому же, весьма многотемной.

Наш критик несколько раз возвращается к Пушкину, кого-то настойчиво опровергая. При этом, я сказал бы, высказывает весьма своеобразные мысли. Приводится обширнейшая цитата из книги Вс. Н. Иванова «Александр Пушкин и его время». Смысл ее вот в чем: Пушкин воспитался как гениальный поэт, слушая в Михайловском треск «топящихся печек» да сказки своей няни Арины Родионовны. «Кругом тысячелетняя деятельная жизнь и не менее, а неизмеримо более глубокая и самобытная, чем та, которой он жил в лицее, в Петербурге, в Кишиневе, в Одессе» — так заканчивается цитата из книги Вс. Н. Иванова о Пушкине. Бедный Пушкин — он так до конца дней обожал лицей, столько блистательных стихов посвятил лицею и лицейским годовщинам! Например, такие его строки:

> В те дни, когда в садах Лицея
> Я безмятежно расцветал,
> Читал охотно Апулея...

Как раз без Апулея-то, по Михайлову, Пушкин мог великолепно обойтись, как и вообще без «заморских модных учений». В Михайловское, между прочим, Пушкин приехал, пройдя через период увлечения Байроном. В Михайловском он усердно читал «отца нашего Шекспира». Еще до поступления в лицей мальчик Пушкин великолепно изучил французскую литературу, знал на память почти всего Мольера, даже с библией был отлично знаком. Кроме того, потом уже изучал такое модное заморское учение, как политэкономия Адама Смита, что ему ставят в великую заслугу основоположники марксизма. Общение с Шекспиром и Байроном, вообще со всей всемирной литературой и культурой вовсе не заслоняло Пушкину прелести общения с Ариной Родионовной, которая, однако, как это ясно всякому разумному человеку, не могла заменить ему ни Шекспира и Байрона, ни Тацита и Монтеня. Между прочим, в Михайловское Пушкин приехал, будучи автором «Руслана и Людмилы», нескольких поэм, ряда глав «Евгения Онегина», многочисленных лирических шедевров. Одним словом, это был уже гениальный поэт.

Но Пушкин сам по себе так же мало интересует автора «Верности», как и Пикассо. При помощи Пушкина, отлученного от всемирного литературного развития, Михайлов не только развенчивает некоторых советских писателей, но и проводит свою особую эстетическую установку. Впрочем, нам далеко не безразличны манипуляции с Пушкиным, обедняющие облик нашего величайшего поэта. Михайлова восхищает «яркая судьба Пушкина, буйно, по-русски нерасчетливо, но полнокровно прожившего короткую свою жизнь». Этак, чего доброго, можно смазать трагическую гибель Пушкина, поэтизируя краткость его жизни как условие ее полнокровности.

Так вот: если Пушкин был противником модных заморских учений, кстати, при огромном интересе к заморским сюжетам, то, стало быть, это следует возвести в закон для всякого русского, да и вообще для каждого советского писателя. Пушкин, явно и недвусмысленно урезанный, дополняется И. А. Буниным, заявившим в 1912 году о вредности западного модернизма для русской литературы. В то время, как известно, однако, на Западе были не одни только модернисты, а и писатели реалистического направления или же близкие к реализму, как Ромен Роллан и Анатоль Франс во Франции, братья Генрих и Томас Манны в Германии, Бернард Шоу в Англии. Все они находились под огромным влиянием русской литературы, под влиянием Толстого, Достоевского, Чехова. Перед ними преклонялся и Август Стриндберг, о котором с такой похвалой отзывался в свою очередь Александр Блок.

Реальный литературный процесс совершенно не занимает О. Михайлова. Он стоит на своем: кто из наших писателей как-то причастен к западноевропейским литературам, тот, несомненно, представляет собой завзятого модерниста. Насквозь модернистской, в его оценке, является повесть Д. Гранина «Сад камней». Оснований для этого целых два: во-первых, она не похожа на книгу В. Овчинникова «Ветка сакуры» (оба произведения посвящены Японии); во-вторых, в чем-то близка романам и повестям В. Набокова. О. Михайлову, обильно цитирующему Набокова, надо думать, известно, что, помимо повестей и романов, Набоков написал немало критических и литературоведческих работ, да и в некоторых своих романах, например в «Даре», выступает и как литературовед. Вот я и думаю: как бы отнесся О. Михайлов к тому, если бы кто-нибудь высказался в том духе, что, начинив себя Набоковым, он, О. Михайлов, столь же тенденциозно и бездоказательно развенчивает, допустим, того же Гранина, как это делает Набоков по отношению к Чернышевскому? Я хочу сказать, что навешивание ярлыков никогда не украшает критика. Что же касается различий между книгами Д. Гранина и В. Овчинникова о Японии, то, на мой взгляд, недопустимо овчинниковской научностью и документированностью побивать гранинскую публицистичность. Само собой разумеется, что за О. Михайловым остается право любить Овчинникова и не любить Гранина. За это никто его не осудит. Но если о вкусах не спорят, то вкус критика, к тому же печатно объявленный, является уже мнением, а всякое мнение, включая и литературно-критическое, может быть оспорено. И даже, как в данном случае, должно быть оспорено.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

В. Г. ЛИДИНУ — 80 лет

В приветствии секретариата правления Союза писателей СССР юбиляру, в частности, говорится:

«В Вашем лице, дорогой Владимир Германович, мы приветствуем писателя, олицетворяющего живую историю нашей литературы. Опубликовав свои первые произведения еще в «Современнике» А. М. Горького и других изданиях той поры, Вы после Великой Октябрьской революции самоотверженно включились в ряды строителей новой культуры.

Ваше многогранное творчество на протяжении более полувека волнует читательские сердца, оно широко известно и у нас в стране, и за рубежом. Вами созданы выразительные эпические полотна: «Могила неизвестного солдата», «Великий, или Тихий», «Изгнание», «Большая река» и многие, многие другие романы и повести. За Вами прочно утвердилась слава большого мастера короткой новеллы и рассказа.

Жизнь подарила Вам встречи со многими выдающимися деятелями отечественной и зарубежной культуры, с замечательными нашими современниками. Об этих встречах Вы рассказали в своих интересных мемуарах. Все, что выходило и выходит из-под Вашего пера, отмечено печатью глубоко самобытного таланта.

Мы высоко ценим Вашу плодотворную общественную деятельность и активное участие в подготовке молодой литературной смены. Многие воспитанники Литературного института имени А. М. Горького обязаны Вам своим творческим становлением и дальнейшими успехами.

Примите наши идущие от всей души поздравления в этот знаменательный для Вас день. Крепкого Вам здоровья, новых успехов и творческих радостей».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

■

Только что вышел первый том собрания сочинений Владимира Лидина. А всего будет три увесистых тома. И войдет в это собрание лишь малая часть им написанного за многие десятилетия непрерывного и неустанного труда.

Двадцатилетним юношей В. Лидин стремительно и уверенно вошел в литературу. И довольно быстро обрел свое место в ней. В конце 20-х годов он — уже известный писатель, и в 1928—1930 годах выходит его первое собрание сочинений в шести томах.

Примечательная деталь. В то первое собрание сочинений не вошло ни одно из ранних его сочинений, оно вобрало в себя лишь те вещи, которые были написаны в самые последние годы. Нынешнее собрание тоже не отражает всего пути Лидина: в него включены произведения преимущественно последних двух десятилетий.

В. Лидин — всегда в движении, в пути. Он постоянно как бы опережает самого себя. Он ненасытно жаден к новым явлениям нашего общественного бытия, и потому так неистощимо его воображение. Возможно, потому и Лидина мало занимает вчерашний день его собственной писательской биографии. Куда более озабочен он раздумьями о дне завтрашнем.

Автор семнадцати романов и больших повестей, В. Лидин владеет почти всеми жанрами прозы. Но особенно привязан он к рассказу. А в последние десятилетия работает исключительно на этом поле. Им написано более семисот рассказов. И он предстает в них как мастер, которому подвластны все тайны этого многотрудного жанра.

Рассказ у нас в чести. Его жалуют не только издательства, но и журналы и даже газеты. И всюду В. Лидин — желанный автор. Его рассказы малы по объему и просторны по содержанию. В них энергично пульсирует пытливая мысль. В. Лидин вглядчив и памятлив, в судьбах и характерах своих героев он замечает такие детали и приметы, которые позволяют [illegible] обобщить [illegible] нашей [illegible]. Основой [illegible] та лидинских рассказов служит обычно самый обыденный [illegible], то ни было намерения заинтриговать читателя. И, однако же, эти рассказы обладают той властью над читателем, какая свойственна истинному искусству.

В писательском и духовном облике В. Лидина много граней: он рассказчик и мемуарист, журналист и солдат, прошедший через огонь трех войн, страстный собиратель книг и рукописей, а еще он — мудрый и строгий наставник молодых литераторов, профессор Литературного института имени Горького. И во всех этих ипостасях В. Лидин предстает человеком редчайшей душевной щедрости, доброты и расположенности к людям.

В свои восемьдесят лет Владимир Германович Лидин продолжает неутомимо стоять на писательской вахте. Ему ненавистна мысль о покое и отдыхе, о юбилейной суете и «подведении итогов». Сегодня на его рабочем столе, как всегда, кипа корректурных листов, и из дома его не выветривается запах свежей типографской краски.

Хорошего настроения ему, неистовому труженику, и неизбывной крепости духа. Да будет еще много его новых книг!

С. МАШИНСКИЙ

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

НАИВЫСШАЯ ТОЧКА БОЯ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Юрия БОНДАРЕВА

«— ХОЧУ жить сто лет, нарожу назло себе и всем десять детей. Ты представляешь, десять очаровательных мордочек за столом, у всех белые головки и измазанные кашей рты? Знаешь, как на коробке «Корнфлекса»?» Так говорила лейтенанту Кузнецову Зоя, санинструктор Зоя Елагина, и ее темные блестящие глаза улыбались. Они стояли в метельном декабре в окопе на истерзанной немецкими танками и самоходками сталинградской земле, среди ночного безмолвия временной передышки. Зоя, пережившая вместе с полком нечеловеческое напряжение многочасового недавнего боя, натиск тысяч смертей, мечтала о будущем, шутила, ласково, жалостливо вглядываясь в опаленные и обмороженные лица своих «милых мальчиков» — артиллеристов батареи. А через несколько часов они принесли в тот же окоп на окровавленной шинели ее маленькое тело — «она лежала на боку, по-детски туго собравшись калачиком, как будто спала»... Смерть — несправедливая, слепая, чудовищно-противоестественная — отделила Зою теперь от общей судьбы оставшихся в живых бойцов батареи, а их, ее товарищей, обездолила и осиротила. Так, на пронзительной, трагической ноте, в романе «Горячий снег» обрывается жизнь одной, может быть, самой привлекательной, самой яркой из героинь Юрия Бондарева. И гибелью Зои, этого светлого лучика в смерче боя, олицетворяющей чистоту, нравственную прочность, великую женскую жертвенность, врачующую нежность и незащищенность, писатель вновь подчеркивает неизмеримость цены, заплаченной советским народом «в той великой и правой войне»...

Одну из своих книг, заметки о литературном труде, Ю. Бондарев назвал «Взгляд в биографию». Но и все остальные его книги — в той или иной мере — отраженная через «художественную призму» искусства часть собственной жизни, душевного опыта своих ровесников, нравственного мира современника.

Неоспоримы суждения тех критиков, которые обозначают творчество Юрия Бондарева как «исповедь поколения», «биографию поколения», представляют писателя говорящим по праву «от имени поколения». Все это так: ведь и сам Ю. Бондарев писал, что «каждый неравнодушен к своему поколению и хочет напомнить о нем с ревнивой любовью». В своих литературно-критических и публицистических работах он замечает: «мысль о том, что я еще так мало рассказал о близких по жизненному опыту мне людях, постоянно беспокоит меня». Писатель привел в свои книги этих людей, героев, в которых эпоха строительства социализма воспитала принципиально новые черты: беззаветную любовь к Родине, революционную одержимость, веру в будущее, самоотверженность, чувства коллективизма и интернационализма.

Творчество Юрия Бондарева отмечено при этом особенностью взгляда на человека в пространстве и времени. Из биографии поколения тех, кто встретил Великую Отечественную войну восемнадцатилетним, кто после победы вступил в мирную жизнь, имея за плечами всех-то «университетов» «десять классов и четыре года войны», писатель отбирает самые суровые, исполненные драматизма и мужества страницы. В жизненной реальности, проблемах времени и общества, в том, что было со «страной, или в сердце было в моем», он ищет ситуации, где противоборство идей, нравственных законов жизни, обстоятельств бытия, противостояние характеров и страстей человеческих достигает как бы «наивысшей точки боя». Перелом в этой борьбе — в чью он будет сторону? возвышается ли при этом человек? совершенствуется ли общество? — вот что занимает писателя, вот за чем он следит в действиях и судьбах своих героев, не подсказывая и не «подыгрывая» им.

В книгах Юрия Бондарева идет непрерывный яростный бой. Бой жизни со смертью, человечности — с жестокостью, любви — с ненавистью, самоотверженности — с корыстью, преданности — с предательством, оптимизма — со скепсисом.

Отбор материала, вбирающего в книгах Бондарева узловые моменты жизни нашего общества, сразу ставит писателя перед задачей воссоздавать действительность без скидок и недомолвок. И вместе с тем этот материал требует от художника преобразования правды жизни в правду искусства, доведения ее, по выражению самого писателя, до нравственного осознания правды.

Расстояние между двумя точками измеряется, как известно, прямой. Путь художника от самого первого, несовершенного рассказа до публикации, принесшей писателю наибольшее творческое удовлетворение и широкое признание читателей и критики, не изобразишь и в сложнейшей диаграмме: «кривая» творческого роста даже в тех «точках», куда она порой опускается с высоты «пика» подлинного успеха, в сущности, тоже знак определенного вклада в личный писательский арсенал творческого опыта, тоже поступательное движение к постижению художественной истины, к сигнальным огням мастерства, ибо не «поддавшийся» материал учит взыскательности, выдержке, мужеству отсекать лишнее, требует поиска более тонкого творческого инструмента.

От лирических рассказов и новелл «почти пейзажного рисунка» шел писатель к первой повести «Юность командиров», повести, на которой испытывал и наращивал свою «боеготовность» к осваиванию более глубоких пластов жизни, изображению судеб людей и движения их характеров. И вот новый качественный рывок, повесть «Батальоны просят огня» — может быть, одна из наиболее совершенных повестей писателя, органично сочетающая яркую литературную форму, выверенную композицию с остро драматическим, пронизанным героическим пафосом жизненным содержанием. И вновь поиски. Чтоб затем, в повести «Последние залпы», бой под Касно был не просто еще одним боем, еще одним эпизодом войны, но чтоб была высвечена новая драма жизни, и в этом свете можно было бы зорче всмотреться в человека...

Ни у одного художника «кривая роста» и не выглядит этакой крутой, уверенно взмывающей ввысь параболой: путем проб и ошибок идет постоянный поиск, нащупывание, разведка новых тем, форм, в которые наиболее полно и рельефно отольется правда эпохи, смысл ее деяний, и происходит усовершенствование, оснащение художественных средств, с помощью которых замысел писателя самым верным путем придет к сердцу и разуму читателя. Так и у Ю. Бондарева, к примеру, жгучесть социально-нравственного материала «Родственников» не получила на плацдарме небольшой повести полного, углубленного, свойственного манере писателя психологического обоснования. Писатель переполнен эмоционально, его гражданское чувство обострено в этой далеко не семейной драме. В повести есть некоторая перенасыщенность конфликтов. А ведь еще в «Последних залпах» справедливо замечал Дима Новиков: «Надо ненавидеть молча». Но повесть «Родственники» писалась до романа «Горячий снег» и, может быть, ее издержки обернулись определенным уроком для писателя. В романе соразмерны — и с точки зрения эстетики, и правды жизни — все краски, и звуки, и чувства. Характерный для Ю. Бондарева прием контраста здесь, в этой полифонии жизни, особенно необходим и используется мастерски. Так вот, обогащенный опытом, писатель делает существенный шаг в своем мастерстве.

Все или почти все главные произведения писателя — повесть «Юность командиров», «Последние залпы», «Батальоны просят огня», «Родственники», романы «Тишина», «Горячий снег» — написаны о войне или уходят в нее истоками судеб героев. Значит ли это, что книги писателя можно назвать «военными» повестями и романами, а самого Юрия Бондарева — «военным писателем»? Война прошла через судьбу страны и стала самым мощным потрясением и в его жизни. Он начал ее в Сталинграде, в победу встретил на земле Чехословакии. На войне он увидел человека на грани жизни и смерти, в самых крайних ситуациях, в моменты бескомпромиссного нравственного выбора и потому не может не рассказывать в своих книгах о неисчерпаемости духа и человечности советского солдата. Но он и на войне жил среди мирных людей, которых настигла война, всенародная беда, которую они вместе одолевали в тяжкой битве. Не истории военных операций, не ход сражений под Сталинградом, под Касно или на Днепре пишет художник, а человека перед лицом военных испытаний, обязанного в самых жестоких обстоятельствах оставаться человеком советским.

Такими и встают в произведениях Юрия Бондарева советские люди: они не «сверхчеловеки», не бесстрастные и неколебимые роботы войны, не сказочно-неуязвимые витязи. Это пахари и конюхи, вчерашние десятиклассники и школьные учителя, студенты и рабочие... Они очень разные — мягкие, добрые, волевые, грубые, интеллигентные, малограмотные, образованные, мужественные, дерзкие, несмелые...

На войне они страдают, любят, тоскуют о доме, матерях, женах, детях, любимых, они строят планы на жизнь «после войны». Человеческие биографии их командиров не сверкают кристальной незамутненностью, не спрямлены, не являют собой «жития», пример для подражания нижестоящим чинам. Нет, это тоже биография ЛЮДЕЙ, и потому и их коснулись и бытовые, и иные драмы жизни: там, дивизионный комиссар Веснин разведен с женой, без него растет дочка; у командующего армией Бессонова пропал без вести сын, отец не знает, что он — в плену... И об этих своих личных невзгодах вспоминают герои «Горячего снега» там, на «кипе», в напряженные часы вражеского танкового удара. Они продолжают оставаться людьми, настигнутыми войной и выполняющими теперь свой человеческий долг.

Люди подвига, герои Бондарева никогда не произносят этого слова, боясь фальши. Алексей Греков («Родственники») даже смущен, когда ему напоминают об этом: «Подвиг — понятие громкое»... А старший сержант Уханов («Горячий снег»), светлоглазый парень, озорной и дерзкий в бою (этот удивительно емко, подлинно воссозданный автором народный образ), так понимает подвиг: «Запомни, Рубин, я тоже от границы топаю, знаю, почем фунт пороха. Но даже если мы все до одного поляжем здесь, истерик не допущу!.. Немцев-то все же мы зажали возле Волги, или это не так? Война есть война — сегодня они нас, завтра мы их!.. Главное — суметь подняться, кровь с морды вытереть и самому ударить. И мы все-таки ударили, Рубин? Другая драка пошла. Не обручальное колечко фрицам подарили на память».

Орлов, Касымов, Ерошин, Жорка — они сражаются, совершая, казалось бы, невозможное и оставаясь при этом достоверными, конкретными, живыми людьми из плоти и крови. Вот почему, умирая в книгах, они остаются с нами, в нашем сердце.

Кузнецов, Новиков, Кондратьев, Ермаков — какие распространенные имена выбирает писатель для своих персонажей, словно подчеркивая этим всеобщность, массовость героизма и стойкости народа в войне.

Образ воюющего народа встает со страниц произведений Юрия Бондарева. И когда из массы людей, наводящих переправы, расстреливающих в упор вражеские танки, преодолевающих под огнем вплавь реки, падающих с криком страдания от пуль и осколков, писатель вдруг выбирает то одного, то другого героя и приближает его к нам — мы так близко, так явственно видим его лицо, слышим его голос, вместе с ним страдаем или загораемся благородным возбуждением «огненной сплетенности боя». Искусство пластичности слова, которым владеет писатель, позволяет читателю «приближаться к непостижимому» — сопереживать героям, перевоплощаться в них, жить жизнью книги. И вот уже рядом с юным ездовым Сергуненковым, вжимаясь в черный снег, ползем и мы по открытому полю, чтоб подорвать гранатой самоходку, и лейтенант Сергей Овчинников не один встречает свой смертный час, крича в лицо гитлеровцам слова ненависти, и вместе с санинструктором Шурочкой слышим и мы, как просит тяжело раненный Кравчук: «Ну, заплачь хоть, а? По мне заплачь...», и это и в наши глаза, как в глаза капитана Новикова, смотрит через перекрестие прицела беспощадное дуло близкого немецкого танка...

«Бесконечный ветер жизни» приносит в судьбы героев Бондарева новые испытания, и преодоление, и обновление. Жизнь «после войны», о которой они мечтали в окопах, вместе со сладостным ощущением заслуженного отдыха, гордости победителей, несет еще и заботы, и тревоги. Сергей Вохминцев, Костя Корабельников («Тишина»), Алексей Греков сохраняют бойцовские качества, нравственную бескомпромиссность и в этой вполне мирной жизни. Они вернулись с войны с вопросом «как жить?». И начинать приходилось «все сначала, с детских штанишек». Нужно было искать свое место в новой, «гражданской» жизни. Еще есть с кем и с чем сражаться бывшим солдатам и офицерам, есть что переустраивать в тишине завоеванного мира. Быковым, Грековым, Свиридовым, Уваровым приходится еще давать бой, и бой подчас неравный. Но герои Ю. Бондарева вооружены чувством исторической перспективы и оптимизма. «Не может оно стоять. Время — оно умнее нас... А синяки, брат, скоро пройдут! Скоро!..» — уверенно убеждает Костю Корабельникова немолодой рабочий, опытный шофер Федор Плещей в марте тысяча девятьсот пятьдесят третьего. А спустя годы переживший трудные времена старый коммунист и ученый Евгений Павлович Николаев в повести «Родственники» по праву подхватит: «Да, немытые стекла не должны подвергать сомнению красоту огромного дома, который всей историей суждено нам построить. Именно нам — модель дома, образец для человечества».

Ученик Константина Паустовского, Ю. Бондарев столь непохож на своего учителя, как может и обязана одна творческая личность отличаться от другой. Но, думается, Юрий Бондарев следует своему учителю в непременном условии художественного творчества — в углубленном, пытливом, любовном наблюдении жизни и постижении ее подробностей, накоплении их в своей эмоциональной памяти. Хочется напомнить здесь строки из «Золотой розы», которые реализует в своей писательской практике и Юрий Бондарев. Вот эти строки: «Каждая минута, каждое брошенное невзначай слово и взгляд, каждая глубокая или шутливая мысль, каждое незаметное движение человеческого сердца, так же как и летучий пух тополя или огонь звезды в ночной луже, — все это крупинки золотой пыли. Мы, литераторы, извлекаем их десятилетиями, эти миллионы песчинок, собираем незаметно для самих себя, превращаем в сплав и потом выковываем из этого сплава свою «золотую розу» — повесть, роман или поэму».

Известна кропотливая работа Ю. Бондарева над словом, ритмом, интонацией фразы. В его фразе все органично, емко, она несет всегда не только информационную, но и эмоциональную, но и «сверхзадачу» всей вещи: «С белесого неба стремительно падала на переправу тяжелая тень, оскаливаясь пулеметными вспышками». Или: «Орудие косо чернело в этой яме, щит пробит, накатник снесен. Затвор открыт, повис, круглое отверстие казенника зияло, как кричащий о помощи рот». Вот они — мгновения войны, возвращенные через четверть века талантом художника.

...Минувшим летом в городе Тольятти на беседе Юрия Бондарева с рабочими треста «Куйбышевгидрострой» мне случилось быть свидетелем встречи писателя с одной из его читательниц. Это была редкая читательница. Работница треста Елизавета Петровна Хлебникова знала произведения Юрия Бондарева так глубоко и говорила о его героях с такой долей личного, доброго пристрастия к их судьбам, подчас подсказывая самому автору подробности той или иной дорогой ей сцены, что мне вдруг подумалось: эта женщина из поколения, чей опыт принес писатель в свои книги, может по тому же праву, от имени «поколения читателей», судить о том, что принесли его книги людям, как помогли они современнику познать самого себя, оценить содеянное им.

Где-то на юго-западе, куда устремлялись от Тольятти волжские воды, лежала легендарная земля — «Сталинград», где сражался более тридцати лет тому назад Юрий Бондарев, где стояли насмерть его товарищи, вернувшиеся теперь в жизнь героями его книг. Где старший сержант Уханов сказал: «Нам приказано жить»...

Не знаю, где и как волжанка Елизавета Петровна встретила войну, не знаю подробностей ее биографии. Но мягкий голос, добрый взгляд, темные улыбающиеся глаза, наконец, ее преданность бондаревским героям вдруг напомнили мне Зою Елагину, санинструктора двести четвертого артиллерийского полка...

«Хочу жить сто лет...».

Н. ПОДЗОРОВА

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

«НЕ ПЕРЕВЕСТИ ЛИ НА РУССКИЙ?»

Статья члена-корреспондента Академии наук СССР Н. Т. Федоренко «Не перевести ли на русский» («ЛГ», № 5, 1974), поставившая чрезвычайно важный вопрос о языке нашей литературоведческой и искусствоведческой литературы, о необходимости более тщательного отбора употребляемых в ней иностранных слов и терминов, вызвала широкий отклик у наших читателей. Редакция получает много писем, в которых читатели продолжают начатый статьей разговор, делятся своими мыслями. Сегодня мы публикуем некоторые из этих писем, представляющие разные точки зрения.

НАУКА ДЛЯ НЕМНОГИХ?

НЕ МОГУ не выразить признательности «Литературной газете», опубликовавшей проблемную статью Н. Федоренко «Не перевести ли на русский?». Не сомневаюсь, что многие уже давно ждали тех слов, которые с подлинной ответственностью ученого и мастерством полемиста сказал автор статьи. Найдутся, конечно, и такие, которые будут утверждать, что, последовательно развивая основную мысль статьи, мы придем к необходимости переименовывать «крекер» в «столовое печенье». Однако борьба за «чистоту» языка отнюдь не предполагает маниакального преследования иностранных слов. Я могу не знать какого-либо слова, термина и посмотреть его в словаре, но когда, читая ту или иную фразу, я не узнаю строя родной речи (а именно такие примеры приводит Н. Федоренко), это уже тревожно.

Литературоведение грозит превратиться в науку для специалистов. Видится такая картина: катится по русской литературе литературоведение в виде некоей конструкции, пока еще не определимой в своих параметрах. А в этой конструкции интенсивно интерполированы славно сконтаминировавшиеся мистагоги, передающие друг другу информацию на присущем им сакрально обособленном языке. А на конструкции этой эксплицирован текст: «Уйдите, непосвященные!» И несчастный, чающий приобщиться святых тайн филологии, бежит за этим феноменом и кричит: «Возьмите меня, я хороший!». Но даже если его и возьмут, погибнет, чудак, без подготовки, не справится с возложенным на него доверием...

А ведь до сих пор считалось, что литературовед должен быть посредником между произведением и читателем. Если одно из главных дел поэта, как говорил Блок, — упорядочить явления внешнего мира, внести в мир новую, свою гармонию, то задачей литературоведа становится — услышать эту гармонию и описать ее в иных категориях. Причем описать не для себя, не для себе подобного, а для другого, других. Так что мне кажется, что в работе исследователя - литературоведа есть сторона, так сказать, эстетическая — обращенная к произведению, и этическая — обращенная к читателю. Слово литературоведа должно являться своеобразным, прошу прощения, медиатором между словом художника и словом читателя. Оно должно внутренне соотноситься с тем и с другим. Но язык, образцы которого демонстрирует Н. Федоренко, не устанавливает, а разрушает всякие связи — как с произведением, так и с теми, для кого это произведение создается. Он герметически замыкается в себе самом и перестает выполнять те функции, которые возлагаются на литературоведение: оно теряет свой просветительский пафос.

Н. ИГНАТЬЕВА, библиотекарь

ЧУВСТВО МЕРЫ

АВТОРЫ первого большого словаря русского языка, Словаря Академии Российской (1-е изд., 1789—1794; 2-е изд., 1806—1822) при слове «актер» напечатали: «зри лицедей», при слове «аристократия» — «зри вельможедержавие»; «батарея» — «зри бойница»; «геодезия» — «зри землемерие, межевание»; «диаметр» — «зри поперечник»; «процент» — «лихва, рост, сверщики» и т. д.

Академики, составители словаря, никак не хотели толковать, то есть признать новые слова, появившиеся уже давно в русском языке.

Несомненно, Белинский придерживался мнения, что: «...употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, — значит оскорблять и здравый смысл и здравый вкус» (из статьи Н. Федоренко). Но ведь именно Белинский очень точно определил свое отношение к языковым новшествам.

«...Что же делать, — писал Белинский в 1841 году в статье «Сто русских литераторов», — если писатель познакомился с идеею чрез иностранное слово? — приискать в своем языке или составить соответствующее слово? — Так многие и пытались делать, но немногие успевали в этом. Слово круг вошло и в геометрию как термин, но для квадрата не нашлось русского слова... а заменить хорду веревкою никому, кажется, и в голову не входило... Да и следует ли жалеть об этом? Какое бы ни было слово — свое или чужое — лишь бы выражало заключенную в нем мысль, — и если чужое лучше выражает ее, чем свое, — давайте чужое, а свое несите в кладовую старого хламу».

В своей статье Н. Федоренко приводит в основном примеры вторжения в русский язык не иноязычных, но интернациональных слов. Разве для английского языка слово «трансплантация» более близко, чем для русского? Для обоих языков это итог сложения латинских элементов. Если англичанин говорит о посадке растений, он, подобно русскому, может выбирать между латинским корнем «plant» и родным (германским) «set». Кстати, слово «планта» употреблялось русскими еще в XVIII веке вместо «растение». Если англичанин хочет сказать «через, пере-», он может прибегнуть не только к латинскому «trans», как русский (транспорт, транскрипция, транзакция), но к родным «through, over» и т. п. Вместе с тем англичанину, изучающему русский язык, трудно без понимания корня «садить» (родственного родному «set») разобраться, почему по-русски слово «пересадка» может относиться к растениям и пассажирам. «Трансплантация» и «пересадка» — это синонимы с тонкими различиями в оттенках значения, и надо знать, где и когда их применять.

Попытаемся подсчитать, сколько иностранных слов появилось в приведенных Н. Федоренко примерах. Греческого происхождения их накопилось 42 (таких, как «методологический», «эстетический», «логика» и т. п.). Как видно, все подобные слова настолько освоены русским языком, что заменять их не надо и невозможно. Со словами латинского происхождения дело обстоит несколько иначе: из 62 слов (три гибрида с приставкой «анти») вызывают сомнение 12, иначе говоря, 50 тоже давно вошли в русский словарь и получили большое распространение. В число 12 входят редкие, но вполне «приличные»: «элигизм», «сциентизм», «популизм», «эксплицировать». Более тяжеловесные — это «интерперсонализация», «референциальный», «деэскалация», «антиэскалация», «контрэскалация» и, наконец, три труднопроизносимых (или переносимых) — «антиинституционный», «неинституционализированный», «институционализироваться».

Но ведь они плод фантазии одного-двух незадачливых литераторов или бессмысленное подражание таким же «изобретательным» зарубежным новаторам. Остальные примеры, то есть главным образом сочетания слов, вызывают тревогу не отдельными своими членами, а именно нагромождением заимствованной лексики. А это уже вопрос индивидуальный, имеющий отношение к стилистическому чутью и вкусу исследователя.

Я. И. ПОРЕЦКИЙ, доцент Минского госпединститута иностранных языков

ЧТО ТАКОЕ «ДИСПЛЕЙ»?

КОРОТКОЕ сокращение «АСУ» в наше время едва ли требует расшифровки. «Век систем», как иногда называют нынешний этап научно-технической революции, вызвал к жизни не только вычислительную технику, но и целую вереницу примыкающих к ней новых понятий. И ни один язык не может устоять против вторжения новых терминов.

Но вот что настораживает. Многие из нас нередко не дают себе труда подыскать русский эквивалент иностранного термина, а просто пересаживают его в русский язык, не вдаваясь в его происхождение и не задумываясь над звучанием. Вот сравнительно свежие примеры.

Что такое электронно-вычислительная машина — известно теперь не только специалистам. Но если в технической среде пока еще довольствуются кратким «ЭВМ» или разговорным «машина», то нетерпеливые журналисты стали писать «компьютер».

Несомненно, имеется нужда в адекватном русском слове взамен неуклюжего «эвэм» или «цэвээм». Но ведь «компьютер» — это английское произношение латинского словообразования «компутор» (от «компутацио» — вычисление). Зачем же внедрять в русскую речь, кроме латинского корня, еще и английскую фонетику? Давайте говорить «компутор», если уж ничего лучшего нет.

Вспоминается, что нынешнее «телетайп» в тридцатые годы у нас произносилось и писалось правильно: «телетип». Нужно ли повторять ошибку?

Однако выразительные «самолет», «самосвал», «вертолет» вытеснили «аэроплан», «думпкар», «геликоптер». На смену «компутору» мог бы прийти с а м о с ч е т.

В современных АСУ применяются приборы для «диалога» человека и компутора. Представьте себе диалог с глухонемым: два человека сидят рядом с карандашами в руках и объясняются письмом и рисунками на листе бумаги.

Прибор для диалога человек — компутор устроен, в сущности, так же. Вместо бумаги — экран кинескопа (примерно такой же, как в телевизоре). Карандаш для собеседников общий — электронный луч, пишущий по экрану. Лучом попеременно управляют компутор и человек, пользующийся «световым пером» или клавиатурой типа пишущей машинки.

В среде наших специалистов такой прибор издавна называется «индикатор» или «рабочее место оператора» — скажем прямо, не очень удачно. Однако с недавних пор у нас стал применяться американский термин «дисплей», совершенно чуждый славянской фонетике. Он все чаще мелькает в статьях, докладах и, более того, пытается утвердиться в стандарте. Неужели и здесь нет ничего лучшего? Давайте посмотрим.

На русский язык слово «display» лучше всего переводится, как «показ» или «отображение». Это последнее значение обычно и употребляется среди наших специалистов, давно работающих в этой отрасли. У американцев же «дисплей» означает еще и весь прибор для диалога, в котором есть не только «отображение», но и запись от светового пера или клавиатуры. Поэтому название «дисплей» для прибора в целом неверно по существу.

Что же можно предложить взамен «дисплея»? Может быть, подойдет г р а ф о в и з о р — греко-латинское словообразование, аналогичное телевизору и передающее обе функции прибора.

Многие предложат что-либо лучшее. Но «дисплею» в русском языке не место.

Б. АНДРИАНОВ, кандидат технических наук

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Г. Е. РЫКЛИНУ — 80 лет

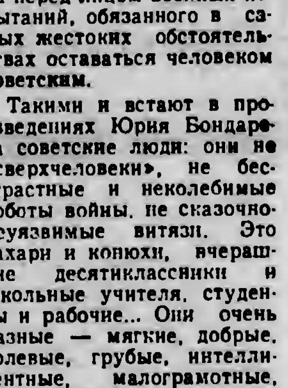
В связи с 80-летием со дня рождения Григория Ефимовича Рыклина секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас с 80-летием. Завидная творческая судьба выпала на Вашу долю, одного из основоположников советской сатирической прозы. Мы хорошо помним Ваши талантливые фельетоны на страницах «Правды», «Крокодила», «Известий», «Литературной газеты», мы знаем Ваши жизнерадостные юмористические сборники. С беспощадной силой разят наших недругов Ваши фельетоны на международные темы. Обладая острым зрением партийного публициста, постоянно оттачивая свое мастерство, Вы и сегодня радуете нас своими творческими достижениями.

Желаем Вам, дорогой друг, крепкого здоровья, бодрости и успехов на благо нашей советской литературы».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

С. Н. РОСТОВСКОМУ — 70 лет



В связи с семидесятилетием Семена Николаевича Ростовского секретариат правления Союза писателей СССР направил ему приветствие, в котором говорится:

«Шлем Вам, талантливому публицисту, самые сердечные приветствия. Как в нашей стране, так и за рубежом широко известны Ваши статьи и книги, подписанные именем Эрнста Генри. Сочетая страстный темперамент бойца с пытливостью ученого, Вы вскрывали наиболее острые моменты международной политики. Ваша публицистика служила и служит беспощадному разоблачению международных реакционных сил, в особенности фашизма и неофашизма. Лаконизм, точность Вашего стиля, богатая эрудиция высоко оценены читателями.

Желаем Вам доброго здоровья и больших творческих радостей».

■

Эрнст Генри печатается более полувека: в журналистику он пришел юношей. Автор работ, глубоко анализирующих противоречия «послеверсальской» Европы, он изучает мир не по туристскому Бедекеру. Застенки Моабита, польской «дефензивы», злоба поднимающего уже милитаристский кулак фашизма — вот отметины в журналистском паспорте Э. Генри.

Впрочем, он еще не Эрнст Генри. Этим именем Семен Николаевич Ростовский в середине тридцатых годов впервые подпишет две известные книги: «Гитлер над Европой» и «Гитлер против СССР». В них — беспощадный анализ «третьего рейха», его политики и макиавеллиевских планов. Э. Генри выступает во всеоружии марксистской мысли. Книги прочитаны миллионами, на разных языках — и пытливым сибирским комсомольцам, и Альбертом Эйнштейном, высоко оценившим труд анонимного в ту пору Эрнста Генри.

Потом мы узнали его близко, нашего славного, веселого товарища по Союзу писателей, лауреата премии Воровского 1961 года. Узнали, что он никогда, ни на час не выпускал из рук пера, сражался и находил своего исторического противника — фашизм, какой бы личиной тот ни прикрывался.

Эрнст Генри выпустил много книг. Я хотел бы назвать самую недавнюю, фундаментальную: «Заметки по истории современности». Мы отмечаем 70-летие Э. Генри — что ж, с календарем не поспоришь! — но в этой книге и резкость молодости, и пытливость молодости, молодая ярость и молодая вера в будущее человечества. Откуда эта молодость? Старый ли закал виноват? — не знаю, но Эрнст Генри — это хорошо и надолго.

Александр БОРЩАГОВСКИЙ

■ ■ ■

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Сердечно благодарю писательские и общественные организации, колхозы и совхозы, друзей и читателей, поздравивших меня с шестидесятилетием и высокой правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

Леонид ИВАНОВ

Разрешите через «Литературную газету» сердечно поблагодарить всех друзей, читателей, общественные организации, поздравившие меня с 60-летием и высокой правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

Аркадий КУЛЕШОВ

Разрешите мне через «Литературную газету» выразить сердечную признательность всем, кто поздравил меня с шестидесятилетием и правительственной наградой — орденом «Знак Почета».

Я. ХЕЛЕМСКИЙ

Степан ЩИПАЧЕВ

Жизнью живой

История чаще не книгой
с почившею в ней стариной,
а жизнью живой многоликой
является передо мной.

То шапкою Мономаха
мелькнет, то сквозь злые ветра
под ядра рванется без страха
в высоких ботфортах Петра.

То разинской вольницей свищет
в приволжских просторах степных,
то запросто с нею Радищев
трясется на перекладных.

То, множа седины летами,
хотя не беря их в расчет,
она над альпийскими льдами
суворовской шпагой блеснет.

Не молкнуть подоблачным
кликам,
пусть вьюги тот век замели...
Я вижу ее многоликой,
историю русской земли.

Я вижу ее и босую:
то в лямке она — бурлаком,
то девкою, что за борзую
променяна крепостником.

Проходит и народоволкой
с решимостью в светлом лице,
и, страхами сбитому с толку,
не спится царю во дворце.

Потом и на это готова:
мужает уже у станков,
у домен, прозрев от листовок,
маевок, марксистских кружков.

Потом, как победа поруку,
на дни, на года, на века,
она над знаменами руку
простерла с броневика.

А после рубины гранила
для звезд, и по ним узнают
ту правду ее, что сроднила
республик большую семью.

■

Есть что-то, что вспомнить легко ль,
что жизнью заверено всей.
Не память встревожит, а боль,
как вспомнишь ушедших друзей.

Твардовский, Хикмет, Смеляков.
В груди имена и других.
Цветами российских лугов
усыпана память о них.

Печали людской не щадя,
смерть в избранных целила взгляд.
Уж многие на площадях
одетые в камень стоят.

Все так же со всею страной
Фадеев — с утра до утра.
Над дерзкой его сединой
летят молодые ветра.

И Яшин в родном городке —
пускай невысок пьедестал, —
явившись туда налегке,
над днями, над вьюгами встал.

Лета и лета впереди.
Но сколько бы лет ни прошло,
им думами бороздить
каменное чело.

В краю озер

Дымясь, на сочную отаву
в низинах выпала роса,
и звезды августа по праву
отяжелили небеса.

Земля в озера здесь влюбилась.
И ночь склонилась к ним, светла,
как будто зеркало разбила,
собрать осколки не могла.

Яблони

Остры топоры. Но боле —
с годами забыта беда —
им, нежным, железной боли
не чувствовать никогда.

А если иные попросят,
чтоб тяжесть держать помогли,
им, встретив душистую осень,
в подмышки упрут костыли.

Их с ливнями девственной синью
садовник трудом породнил,
чтоб воздух страны не бензинный,
а яблочный привкус хранил.

Но с песней под той синевою
сдружить и асфальт я готов.

■

Вот только бы осень листвою
мела по нему от садов.

Молодость

Пусть под Пермью это,
пусть под Оршей
дух бензинный горьких трав
но горше.

В жизнь, в работу тракторист
влюблен,
от железа, от земли силен.

В Дом культуры ходит вечерами.
Самодеятельность — он
в программе.

Молод, весел. Дни его пропахли
солнцем, травами, простором
пашни.

И любимой у его груди
хорошо. И жизнь — вся впереди.

■

Пускай — кто не знает! —
не просто
быть вровень с эпохою ростом,
ученый ты или поэт,
держи перед нею ответ!

Глеб ГОРБОВСКИЙ

Надпись на могиле пилота

«Остаюсь на земле».
Эта надпись настолько внезапна.
На могиле пилота, как естественный голос — строка.
И не дрогнет пропеллер
у времени в ласковых лапах
на могиле пилота,
одетой в мучные снега.
И хотя на снегу
снег к могиле тропою не вился,
ни царапины не было: разве что — птичий пунктир,
он лежал на земле,
на которой когда-то родился,
на которой сумел полюбить этот вздыбленный мир:
этот снег, этот лес,
этих птиц заводной балаганчик,
это мудрое небо
и грустных под старость людей...
«Остаюсь на земле», — очень правильно сказано,
мальчик.
Жаль, что ты поспешил...
(Этот век лобовых скоростей!)
Жаль, что нету цветов,
понимаешь — зима тут...
Все еще впереди! (Это я говорю о весне...)
...И вращался пропеллер,
обнявшись с землею крылатой,
и светились, как рыбы,
иные миры в глубине.

■

Проснулся и слышу в редеющей мгле:
— Зачем ты, зачем ты на этой земле?
Зачем-почему, отвечай на вопрос,
на этой земле ты родился и рос?
...Хотелось швырнуть в предрассветную рань
колючее слово — дремучую брань!
Спросите, мол, наших папаш и мамаш,
зачем-почему... Это подвиг не наш.
Хотелось поведать в рассветную муть
о разных болячках, что втиснулись в грудь,
о горьких обидах и прочих вещах...
Но грянуло утро, и ропот зачах!
Ударило солнце по струнам своим,
и сгинул туман, и рассеялся дым.
И вспыхнули в выпуклом поле цветы,
а в вогнутом озере — искры воды!
...Зачем я родился? Отвечу, изволь.
Чтоб радовать землю!
Немалая роль...
Чтоб каждое утро, куда я иду,
столикую славить ее красоту,
трезвонному горлу внимать!
И чиста
любовь моя к ней
навсегда, навсегда...

Волны Неруды

Когда на земле еще не было слова
и свет по ночам подавался от молний,
над родиной жизни, над всею основой
уже грохотали поэзии волны!

Дышало лишь солнце, и протуберанцы
играли, чаруя безгрешную землю,
а тело поэзии в будущем танце
уже начинало вращаться над всеми!

И тело поэзии — в грезах ли, в грудах —
в каком бы обличье оно ни являлось,
уже называлось и гордым, и мудрым,
и Пабло Нерудой оно называлось...

И жил океан, сотрясая подножье
жилища поэта... И свет его окон
был тоже астрален и вечен, и все же —
он был на земле зацветающей соткан!

...Я не был на каменном бреге Неруды.
Не знаю, куда его спрятали тело,
но волны Неруды — туда и оттуда —
свое неумолчное делают дело.

■

Парусиною тучи трещат на ветру.
Я куда-то иду по степному ковру.
Словно кто-то из круга меня, из толпы
взял и вытолкнул в гулкое поле — судьбы!
...Половецкие копья торчат, как лесок.
Заструились монголы меж трав, как песок...
Современные гунны вошли в ковыли,
чтобы — вплоть до волос —
раствориться в пыли.
Обгоняют меня, обтекают волной...
Хорошо мне идти после них — тишиной.
Да и кто им велел, кто их звал на Москву?
Я войной не ходил, потому и живу.
Потому и глотаю рассветную рань.
...Вот овальное солнце ступило на грань.
И лежит на земле, как на круглом столе.
Растворимся и мы. Но — не так, не во зле!
Не терзая живых, не слепя, не круша!
На ладонях у солнца — растает душа...
...Так веди меня, степь, от утра до утра.
Сквозь батыеву рать — пропускай трактора!
Сквозь лохматые флаги рокочущих туч
пусть пронзает меня — воскресающий луч!

АРХИВ «ЛГ»

«УВИДЕТЬ МИР В ГРЯДУЩЕМ БЫТИИ...»

Из писем Михаила Исаковского

Огромную переписку со своими читателями вел замечательный советский поэт Михаил Васильевич Исаковский. Сегодня мы публикуем его письма к доценту Полтавского педагогического института имени В. Г. Короленко, кандидату филологических наук В. МАСИКУ.

Помнится (это было в 1953 году), мне, студенту филфака Воронежского университета, писавшему дипломную работу о поэзии М. Исаковского, попалась в руки статья Ив. Розанова «Михаил Исаковский», опубликованная в седьмой книжке журнала «Октябрь» за 1945 год. Статья была интересной и содержательной. Однако, как мне показалось, автор ее ошибочно полагал, что раннее стихотворение Исаковского «Просьба солдата» (1914) было написано им в подражание А. Кольцову, «кольцовским размером».

Между тем по своей ритмико-мелодической основе и сюжету это стихотворение больше напоминало популярную народную песню «Степь да степь кругом». О своих сомнениях я решил написать Исаковскому. Ответ от Михаила Васильевича пришел незамедлительно, на четвертый день. Он писал:

Конечно, я знал Кольцова и в детстве пытался писать «кольцовскими размерами». Но ведь «кольцовские размеры» я мог воспринять не только от Кольцова, но и взять их из народных песен непосредственно. В частности, мне кажется, что размер стихотворения «Просьба солдата», как равно и содержание (сюжет) этого стихотворения, пришли ко мне не из поэзии Кольцова, а из народной песни «Степь да степь кругом». В этой песне рассказывается, как в «степи глухой умирал (или замерзал) ямщик» и как он товарищу «отдавал наказ». В «Просьба солдата» примерно такая же ситуация. Солдат умирает и через своего друга, который пишет письмо на родину, «отдает наказ» своему отцу, своей жене.

Вообще же говоря, с той поры, о которой идет речь, прошло так много времени, что сейчас трудно установить — как и что было на самом деле...

29 апреля 1953 г.

С этого письма и установилась у меня с поэтом многолетняя переписка. С некоторыми из его писем мне хотелось бы познакомить читателей.

Общеизвестна, например, живая и непосредственная связь поэзии Исаковского с народно-песенным и сказочным искусством. Нити этой связи уходят в раннее детство поэта. На это не раз указывали исследователи творчества Исаковского, но мне хотелось глубже и конкретней разобраться в этом вопросе. Я написал Исаковскому. Вот что он ответил:

Я действительно еще в детстве знал несколько сказок и довольно большое (сравнительно) количество песен. Как Вы сами можете понять, я не заучивал специально ни песен, ни сказок. Они запоминались сами собой.

Сказки мне рассказывал отец. Правда, знал он их немного, но то, что знал, передал и мне. Сказку «Царь, поп и мельник» (впоследствии переложенную мною в стихи) я впервые узнал от отца. Помню и другую сказку, в которой также фигурировал поп. Краткое содержание сказки такое:

Скупой поп нанял нового работника. Перед тем как идти на работу в поле, работнику дали завтрак. Как только работник позавтракал, поп и говорит ему:

— Слушай, Иван, может, ты заодно и пообедаешь? А то поле-то далеко, пока придешь оттуда на обед да дойдешь обратно, глянь-ка сколько времени зря пропадет. Лучше уж тебе поесть сейчас, а не приходить с поля в обед...

— Что ж, это можно, — ответил работник.

Работнику дали обед. Вот он доедает его, а поп и говорит:

— Знаешь, Иван, ты бы заодно и поужинал, чтобы вечером матушку зря не беспокоить. Да и не надо тебе будет завидно (т. е. пока светло) торопиться домой. Работай себе до полной темноты...

— Ну что же, можно и поужинать, коли так, — ответил работник.

Вот он поужинал, вылез из-за стола, перекрестился на образа и полез на печку.

— Иван, Иван, — закричал поп, — что же ты на печку лезешь? Ведь на работу надо идти!..

А Иван и говорит:

— Да кто же, батюшка, после ужина на работу ходит? После ужина спать ложатся добрые люди.

Залез работник на печку и захрапел. А попу и сказать нечего.

Вообще говоря, все сказки, которые я слышал от отца, были о попах и мужиках (или работниках), о барах и мужиках и т. п. Причем, конечно же, в этих сказках мужики и работники всегда оказывались умней бар и попов и потому всегда оставляли последних в дураках.

Некоторые сказки (например, сказку о Бове-королевиче) я читал в книжках. (Это были лубочные издания, главным образом Сытина.)

По лубочным же изданиям я узнал и некоторые песни. Из нашей местности много народу ездило в Москву на заработки. Из Москвы иногда кто-либо привозил песенник. Вот такие песенники я читал неоднократно. Из них я запомнил такие песни, как «Липа вековая», «Шумел, горел пожар московский», «Не пора ль, Пантелей, постыдиться людей» (стих Никитина), «Умер бедняга в больнице военной», «Кочегар» («Раскинулось море широко»). Вероятно, оттуда же я знал и песню «Трансвааль, Трансвааль — страна моя». Эта песня была очень широко распространена в деревне, вероятно, году в 1911, 12 или 13. Из песенников я знал и другие песни, но сейчас не могу вспомнить, какие именно. Но, конечно же, там были «Коробейники», «Раз полосыньку я жала», «Ах, зачем эта ночь», «Зачем ты, безумная, губишь» и т. п.

Помимо этих песен, я знал и много других, тех, которые пели на гулянках, на деревенских праздниках и свадьбах. Из них вспоминаются: «Выходила Саша за новые ворота», «Аленький ты мой цветочек, зачем же ты так рано завял», «По долу гуляет казак молодой» (или, может быть, не по долу, а по Дону), «Сиротою я росла, как былинка в поле», «Раскудая моя доля, до чего случай довел», «Смирна была беседушка, где батюшка пьет», «Потеряла я колечко», «Кругом я, девка, осиротела» (пелось так: «Кругом я, девка, сиротела»).

Опять-таки я перечислил здесь лишь то, что пришло на память. Остальное как-то позабылось.

Что касается текстов этих песен, то, право же, воспроизвести их сейчас полностью я не в состоянии.

Насколько помнится, мать моя пела очень редко. Во всяком случае песни я знал не от нее, а скорее от сестер или от других девушек нашей деревни. Вообще говоря, у нас не было принято, чтобы бабы (т. е. замужние женщины, особенно уже пожилые) и мужики пели песни. Песни пели, главным образом, девки (тогда так говорили). Пели также и молодухи. Девки пели обычно протяжные песни. Парни пели тоже, но то были, главным образом, частушки (иногда пели частушки и девки, но это было не столь характерным).

Частушек я знал тоже много.

Из песен, которые пела моя мать, я сейчас помню только одну. Это — «Чудный месяц плывет над рекою». Помню, что это был наш престольный праздник (Рождество богородицы — 8 сентября по старому стилю), гости сидели за столом (дело было вечером). Выпивали, закусывали. А потом мать запела «Чудный месяц». Остальные подпевали...

30 мая 1959 г.

В 1958 году на страницах нашей печати шел оживленный разговор о традициях В. Маяковского и о путях новаторства советской поэзии. Кое-кто из критиков, став на формальную точку зрения, видел продолжение традиций Маяковского лишь в следовании его поэтической системе и пытался на этом основании «отлучить» от «главаря» советской поэзии некоторых поэтов (в том числе и Исаковского), писавших «традиционным» стихом. Сравнивая поэтов только со стороны «голой» поэтики и забывая об идейной направленности и пафоса их творчества, критики допускали грубую методологическую ошибку и как бы ставили «китайскую стену» между Маяковским и другими «хорошими и разными» поэтами. На иных творческих позициях стоял Исаковский. В частности, в одном из своих писем он писал:

О традициях Маяковского. Тут, как говорится, со стороны виднее. Однако нужно учесть то обстоятельство, что Маяковский был одним из зачинателей советской поэзии, он первый как бы указывал поэтам — по какому пути они должны идти, как они должны работать и пр. И в этом смысле его поэзия, возможно, оказала влияние на мою работу, как и на работу многих советских поэтов, хотя они и писали «по-своему», т. е. не в той манере, как писал Маяковский.

29 апреля 1953 г.

Значительно позже, в апреле 1967 года (в это время поэт готовил к изданию 4-томное собрание своих сочинений), он прислал мне машинописный автограф новой редакции своего стихотворения «Командарм» с припиской:

Эти стихи были впервые напечатаны в смоленской газете «Рабочий путь» 15 янв. 1928 г. Позже (но точной даты я не помню) они появились в «Литературной газете». После этого я их долго нигде не публиковал...

Если у Вас будет возможность разыскать первоначальную редакцию этого стихотворения, т. е. ту, которая печаталась в «Рабочем пути» (1928) и в «Литгазете», то сравните ту редакцию с этой. В настоящую редакцию внесено много исправлений... Стихотворение это отчасти интересно потому, что в нем есть выражения, сходные с тами, которые можно встретить в поэме Маяковского «Во весь голос». Это, разумеется, не значит, что я что-либо заимствовал у Маяковского (мои стихи были написаны и напечатаны намного раньше, чем «Во весь голос»), но все же сам по себе этот факт может представлять некоторый интерес.

Апрель 1967 г.

Действительно, строки стихотворения: «...как солдаты на параде — мои стихи стоят передо мной», «Я выстроил их здесь — поэзии полпред», «Из строя вывожу я целые колонны», «...Чтоб завтра вновь и вновь формировать дивизий поэтических когорты», — несомненно, перекликаются с отдельными строками и мотивами поэмы Маяковского «Во весь голос».

В июне 1959 года, отвечая на мой вопрос о своем понимании народности писателя в связи с проходившей в то время дискуссией на эту тему в «Литературной газете», он писал:

Я не мастер формулировать различные теоретические положения, поэтому позвольте мне ответить на Ваш вопрос, сославшись на некоторые примеры.

По-моему, с полным правом Шолохова можно назвать народным писателем, а Твардовского народным поэтом. Почему?

Во-первых, потому, что и тот и другой хорошо знают свой народ, его думы, дела, стремления и чаяния; что в своих произведениях и тот и другой дают широкую картину народной жизни, отображают наиболее характерные черты этой жизни, наиболее характерные события. Это — что касается содержания.

Во-вторых, потому, что для большого — широкого и глубокого — содержания Шолохов и Твардовский нашли достойную форму, соответствующую содержанию. В частности, их произведения написаны отличным, красочным, самобытным, народным языком. (В скобках замечу, что подлинный народный язык того или иного произведения никоим образом нельзя смешивать с тем, когда некоторые литераторы сюсюкают, подделываются под народный язык, подражают ему, имитируют его. Это уже не народный язык, а язык лженародный, фальшивый.)

В-третьих, потому, что произведения Шолохова и Твардовского получили самое широкое распространение. Кажется, нет у нас ни одного читателя, который бы не знал их. Шолохова и Твардовского не просто читают и знают, но их любят, и эта любовь, можно сказать, всенародна. Конечно, то, что я сказал «в-третьих», зависит от «первого» и «второго», т. е. от того, насколько значительно содержание, насколько талантливо оно выражено, насколько высоки идейно-художественные качества написанного. Тем не менее, и это «третье» нужно обязательно учитывать, когда речь идет о народности литературы. В самом деле, как же может быть писатель народным, если его не знают, не любят, если он известен лишь небольшому кругу читателей?

16 июня 1959 г.

Как-то я послал с дарственной надписью Михаилу Васильевичу четвертый номер журнала «Подъем» за 1962 год, где была опубликована моя статья «Слово и мысль поэта». Никаких вопросов я ему на этот раз не задавал. Тем не менее Исаковский сказал несколько слов о поэтическом разделе журнала:

Журнал я немножко полистал. И увидел, что там напечатано огромное количество стихов — стихи, кажется, 25 авторов.

Мне думается, что для одного номера это многовато. Но дело тут, конечно, не в этом номере. Дело в том, что в последнее время в газетах, в журналах, по радио мы каждый день «представляем» все новых и новых поэтов. Делается это чаще всего без должного отбора, без необходимой строгости. И, понимаете, в поэзии получается настоящая инфляция. Если так дело пойдет и дальше, то стихов никто читать не будет. Ведь это же закон, что если чего-нибудь слишком много, то это «что-нибудь» страшно обесценивается.

Тут нужен другой подход. Выдвигать и популяризировать надо не всех подряд, а только тех, кто действительно талантлив. В. И. Ленин в одном из своих писем — в письме о Демьяне Бедном — говорил, что подлинный талант — это вещь редкая (я передаю своими словами). А у нас получается, что таланты растут, как грибы. По-моему, это неправильно.

Вот видите, увлекся и заговорился.

Всего Вам хорошего.

4 декабря 1962 г.

Так и было всякий раз. Поэт не мог не «увлечься», когда речь заходила о поэзии. Ни болезнь, ни творческая и общественная занятость, ничто не мешало поэту поддерживать творческие контакты и дружеские связи с людьми.

30 декабря 1972 года в газете «Правда» было опубликовано последнее прижизненное стихотворение Михаила Исаковского «Никто мне в детстве не дарил игрушек». Это — глубоко лирическое, волнующее раздумье поэта о судьбах Родины и народа, о себе, о страстном желании «увидеть мир в грядущем бытии...». Поэт, которому никто в детстве «не дарил игрушек», подарил людям целый мир своей поэзии, отдал без остатка любовь и теплоту своего чуткого, щедрого сердца.

В. МАСИК

ВДОХНОВЕННАЯ ПЕСНЯ КАРАКАЛПАКА

Моя родная Каракалпакия сегодня — цветущий край. От сохи — к могучей технике, от сплошной безграмотности — к свету знаний, вершинам современной науки и техники, от чадящей коптилки — к Тахиаташской ГРЭС, от нищенских дехканских хозяйств — к зажиточным совхозам и колхозам, от кобыза — к симфонии — таков более чем полувековой путь моей родины в братской семье советских народов.

Сейчас, когда в Москве начинаются Дни каракалпакской культуры, еще вдохновеннее звучат стихи наших поэтов, сложивших к этому празднику свои новые песни над водами Амударьи и Арала, — о крае молодости, о дружбе и созидании. И самая искренняя, самая взволнованная из этих песен посвящена нашей партии, великому Ленину, советскому народу.

Ибрагим ЮСУПОВ,
председатель правления СП Каракалпакии

Тулепберген МАТМУРАТОВ

Тысячелетняя дружба

Я — каракалпак тысячелетний.
Тысячу, быть может, раз уже
юрта моя рушилась... Наследник
поднимал ее, скорбя в душе.
Сквозь круше, отдушину, бывало, —
отчего? — с трудом я понимал, —
столько горя в юрту проникало,
что и счет на тысячи тут мал.
Я — каракалпак тысячелетний,
я о том поведать вам могу,
как из самой грозной тучи летней
сшил себе клобук на страх врагу.
Долго я блуждал сряди потемок
в жгучей жажде света и тепла —
Бируни великого потомок:
в черной шапке, а душа светла.
На пуховиках не почивая,
мой народ судьбу свою искал.
Шла его дорога кочевая
по пескам пустыни, мимо скал.
Был он и обижен, и унижен,
от тысячелетнего пути
он устал, одной надеждой движим:
наконец пристанище найти.
Брел при свете дня, во тьме кромешной,
брел, не поворачивая вспять,
тысячу, должно быть, раз, не меньше,
умирал и воскресал опять.
...Я, каракалпак тысячелетний,
тысячи путей прошел не зря:
тем теперь прекрасней и заветней
свет неповторимый Октября.
Нас навек с Россией побратали
Ленин, правда, верность Октябрю.
С берегов Аму, из Каратау
на Москву с любовью я смотрю.
Я, каракалпак тысячелетний,
встретив обновленную зарю,
«партия», «моя Россия», «Ленин»
с радостью ребенка говорю.
Пусть наш праздник бесконечно длится!
Нас ничем разъединить нельзя.
Не столетней дружбой нам гордиться,
а тысячелетнею, друзья.
Вместе мы — великая держава,
вместе мы сильнее во сто крат.
Нашей нерушимой дружбе слава!
Будь здоров, любимый старший брат!

Кенесбай РАХМАНОВ

Моему народу

Я опоздал тебя хвалить:
что я с моею жизнью малой?
А оправдать иль обелить —
и не найду, за что, пожалуй.
Ведь, скажем прямо и не робко,
твоя душа белее хлопка.

Богатства не копил ты впрок:
«Лишь руки пачкают доходы».
И я усвоил твой урок:
всегда быть щедрым на расходы.

Немного у тебя берез.
Пески иных земель бесплодней...
Проклятье прошлому из слез
и слава твоему сегодня!

Улмамбет ХОЖАНАЗАРОВ

Россия

Россия, ты — дорога добрая
в мир будущего, в новизну,
душа широкая и теплая,
гимн, возвещающий весну.
Ты — знамя века беспокойного,
сестра заветнейшей мечте.
Люблю Россию по-сыновьи я
в ее суровой простоте.
Люблю за все, что сердцем вверено
ей, матери семьи большой,
за то, что нам явила Ленина —
гиганта с русскою душой.
С Россией жизнью быть повелено,
высокой жаждой чистоты.
И нет мне красоты без Ленина,
нет без России красоты.
Зовет Россия звонко, молодо
в простор несбывшегося дня.
Мне без нее темно и холодно,
и жажда мучает меня.
России, Ленина значение
я понял, верный ученик,
когда постиг я свет учения,
тьму неучения постиг.
Был тот великий миг значительней
всех обретений и утрат.
И Ленин стал моим учителем,
и старшим братом — русский брат.
Иду вперед дорогой правильной,
надежной дружбою храним.
Мир недробим: он цельный,
праздничный,
и знамя Ленина — над ним.
За доброту непобедимую,
за каждый свой счастливый шаг
Россию, нашу мать любимую,
всем сердцем чтит каракалпак!

Перевела с каракалпакского Римма КАЗАКОВА

Евгений ГРОМОВ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЕГОРА ПРОКУДИНА

НАВЕРНОЕ, каждый, кто посмотрит новый фильм писателя и режиссера Василия Шукшина «Калина красная», будет сравнивать его с песней, пропетой искренне и трепетно.

В фильме удивительно нежно и мужественно запечатлена русская неброская природа: широкие поля, задумчивые леса, тихие воды, ласковые березы. Проникновенно переданы атмосфера и быт русской деревни (натурные съемки велись в Вологодской области, около Белозерска). А люди, живущие там, знакомы, близки и неожиданны. У каждого своя «изюминка», свой жизненный нерв. Об исполнителях ролей трудно говорить как об актерах: так все они — и сам В. Шукшин, Л. Федосеева, А. Ванин, И. Рыжков — непосредственны, органичны, естественны.

Столь же естественна и поэтична цветовая палитра фильма. В ней доминируют два цвета: белый — надежды и покоя, красный — борьбы и тревоги. Даже не верится, что «Калина красная» — дебют режиссера в цветном кино. Мастерство В. Шукшина приобрело новую силу и весомость, под стать ему и соавторы — оператор В. Заболоцкий и художник И. Новодережкин.

Удивительна в своей простоте и трагической сложности жизненная история, которую поведал с экрана Василий Шукшин, — история, как бывший рецидивист-уголовник, став честным человеком, погиб от пули своего старого бандитского дружка.

...Да, есть все основания сопоставить фильм с песней, с народной песней, в которой мягкая лирика соседствует с надрывной тоской, озорное веселье — с тихой грустью. О фильме хочется писать в поэтически-взволнованной интонации — эмоциональное потрясение от него сильное и стойкое. Навеянные им образы надолго остаются в памяти.

Но все-таки фильм «Калина красная» не только, а может быть, и не столько песня. Это серьезнейшее философское размышление, выраженное в форме лирической исповеди героя.

Отсидев пять лет в тюрьме, матерый вор Егор Прокудин решил в свои сорок лет попробовать начать жить заново. Именно попробовать. Слишком много зла совершил Прокудин в жизни, и слишком цепкие корни пустило оно в его душе, чтобы он мог вот так просто захотеть и сразу же стать иным. Но и мыкаться неприкаянным по свету, тосковать по воле за колючей проволокой ему надоело. А тут еще всколыхнули его душу трогательные письма «заочницы» Любы Байкаловой, молодой деревенской женщины, у которой жизнь тоже не задалась: муж оказался горьким пьяницей.

Впрочем, не к Любе сперва отправляется Егор, а в город, где обитают его «кореши».

Воровской притон. Потасканные размалеванные девицы, развязные парни с наглыми физиономиями, их вожак Губошлеп (актер Г. Бурков) с неприятным щербатым ртом. Гитара, водка, шампанское — «малина». Егору, известному в банде под кличкой Горе, здесь рады. Одна из девиц, Люсьен, виснет у него на шее. Губошлеп многозначительно напоминает, как однажды выручил Егора из беды. Его угощают и снабжают деньгами. Егор тут «свой».

Но свой ли? В. Шукшин, пожалуй, даже с излишним нажимом спешит подчеркнуть, что Егор — другой. Совестливый, колеблющийся, открытый. Случайный гость в этой пестрой компании темных людишек с бегающими глазами. И надрывная пляска Люсьен (Т. Гаврилова), когда она своими каблуками словно растаптывает собственную судьбу, берет его за живое. Куда я попал? Зачем я здесь? — читаем мы на его лице.

«Опять ты за старое, Горе?» — грозно спрашивает Губошлеп, держа руку в кармане с пистолетом.

Этот эпизод имеет несколько значений. Мы догадываемся, что и прежде Егор вызывал подозрение банды, что подспудно давно зрело в нем желание разорвать с нею. Но не это главное. В фильм входит тема, составляющая основу его поэтики: человек и прошлое. И рассматривается она в двух ипостасях.

Став преступником, Егор Прокудин взял на себя увы, определенные обязательства перед теми людьми — нет, волками, в стае которых был принят. И это не легко отбросить. Воровское прошлое Егора довлеет над его настоящим. Довлеет еще и потому, что сам он запутался в сетях пороков. Легкие деньги, доступные женщины, вечный риск и азарт развратили его, иссушили душу.

Но у Егора есть и другое прошлое. И оно ожило в нем под влиянием Любиных писем. Это прошлое — страна березового ситца, по которой он привык шлепать босиком. Запахи земли, травы, сена, мирный, хоть и тяжелый, сельский труд. Вот к этим истокам и задумал возвратиться — попробовать возвратиться — Егор Прокудин, чтобы жить в просторном деревянном доме, и чтобы рядом была любящая женщина — жена, и чтобы иметь право каждому прямо смотреть в глаза. Егор хочет жить по закону — не только юридическому, но и нравственному.

Эти два закона порою разрывались в прежних фильмах Василия Шукшина, что с особой наглядностью проявилось в карти- не «Ваш сын и брат». Сейчас Воеводин [illegible] открыты за три [illegible] в течение [illegible] вернуть [illegible] Поступок [illegible] но ведь [illegible] Степан [illegible] своим близким [illegible] жизнь — [illegible] не только [illegible] дать и реабилитировать героя. В. Шукшин волей-неволей проходил к абстрактно-ригористическому толкованию характера Степана.

Этого ригоризма нет в фильме «Калина красная». Нет и не может быть счастья тому, кто строит свою жизнь вопреки закону и социалистической морали, слитых в нашем обществе в неразрывное целое. Преступая закон, Егор Прокудин оказывается виновным и перед обществом, и перед самим собой, и перед матерью, любовь которой попрал...

Сцена, когда Егор вместе с Любой приезжает в отчий дом, — одна из сильнейших в фильме. Мучительно жалко его старуху мать, забытую всеми. Слушая ее печальный рассказ, Егор промолчал, не открылся матери. А потом — эмоциональный [illegible] рыдание без слез, почти истерика...

Тяжело расплачиваться за грехи свои. И не только воровское, но и [illegible] деревенское прошлое, перед которым он так виноват, будоражит Егора, заставляет бросаться из одной крайности в другую, совершать глупости и несуразности.

Надолго [illegible] Любы, он отправляется в город. Приодеться, [illegible]. Устроить нечто экстраординарное. Но в городе ему грустно и неуютно. Скучна «оргия», задуманная Егором и организованная официантом местного ресторана. Глухи люди, с которыми он пытается завязать знакомство.

Городские эпизоды фильма могут быть [illegible], поверхностно истолкованы как попытка противопоставить город нетленной красоте деревни. Но это совсем не так. Прокудин выступает не представителем деревни, а официант, его присные и тем более жулики из банды Губошлепа — не представители города. В. Шукшин с любовью показывает незамысловатый и в то же время такой светлый и поэтичный быт маленького городка. Разумеется, в нем живут разные люди — хорошие и плохие. Подделывающийся под «жоржика» с золотых приисков Егор получает то, что заслуживает. Для милой девушки с почты он — развязный нахал, она его и одернула по заслугам. Для участников «оргии» он — полублатной ухарь с толстым карманом, которого не грех и потрясти.

Незачем искусственно усложнять и без того непростой фильм В. Шукшина. Его мысль вполне верная и психологически оправданная. В деревне прошло детство Егора Прокудина — самая светлая пора его жизни. И там он ищет точку опоры, там хочет начать жизнь заново.

Не вынес бы Егор бремя искупления, если бы рядом с ним не оказалась Люба Байкалова. Эта простая русская женщина, как и вся ее семья, олицетворяет в фильме прекрасные душевные свойства нашего народа. Нет-нет! В. Шукшин далек от «почвенничества», в котором его иногда упрекают. Он отнюдь не любуется каждым поступком Любы и других деревенских жителей, и он не выдает их слова и суждения за некое откровение.

На селе живут многие разные люди. В том числе, [illegible] и пьянчуги, и хулиганы, и лодыри. Известная ограниченность свойственна даже старшим людям. Им можно пожелать и большей культуры в быту, мягкости в обращении, интеллигентности. Но у них есть главное — нравственный стержень: сама собой разумеющаяся любовь к Родине, душевность, отзывчивость, трудовая закалка. Они поверили в Егора, и он поверил в себя.

Поверил в Егора и директор совхоза. Образ этот был задуман интересно, он необычен для Шукшина. Пожалуй, есть в нем что-то от инженера Черных, роль которого исполнял В. Шукшин в фильме С. Герасимова «У озера». Руководитель нового типа — [illegible], трезво мыслящий, деловой, решительный. Но разговор Егора с директором как-то скомкан, смят.

Невнятно прописан и образ женщины-следователя в аффектном исполнении Жанны Прохоренко. Шукшин не то подсмеивается над ее жестковатыми манерами, не то симпатизирует ей. В общении с ней Егор выглядит нескладным, ранимым. Но эта ранимость уже вполне выявилась в других эпизодах.

Что же, и в песне бывают менее удавшиеся строки.

В заключение хочется еще раз выразить восхищение замечательными актерскими работами, прежде всего самого В. Шукшина и Л. Федосеевой, которые заставили нас зажить тревогами, радостями, болью своих героев — колючего, угловатого, озлобленного Егора и отзывчивой, чуткой Любы с ее всеисцеляющей нежностью.

...В финале Егор Прокудин пашет первое свое поле. Мирный будничный труд. Егор обрел душевный покой. Но кратким был его день на пашне. Губошлеп не простил Прокудину измены воровскому «закону».

Этим скорбным финалом Василий Шукшин полемически резко заострил тему человека и его прошлого. Жизнь быстротечна. Жизнь сложна. Жизнь требовательна. А совершаемые ошибки бывают и непоправимы. Легче упустить птицу счастья, чем поймать ее и сохранить.

«Калина красная» — фильм — предостережение и напоминание, фильм — поэтическое раздумье о долге, счастье, о смысле жизни.

«Калина красная». Егор — В. Шукшин, Люба — Л. Федосеева.

БИБЛИОТЕКА СТРАНИЦЫ

ШЕКСПИР НА ЭКРАНЕ

«ТРУДНО себе представить лицо сегодняшнего кинематографа и его историю без фильмов, созданных на основе творений Шекспира», — пишет известный советский кинорежиссер Сергей Юткевич в своей новой книге «Шекспир и кино». И, действительно, Шекспир оказался весьма удачливым поставщиком либретто для кино. Больше половины его пьес — 24 трагедии и комедии — было экранизировано. Уже немое кино использовало его пьесы, потом их приняло кино звуковое и, наконец, цветное. Правда, не всегда Шекспира ставили целиком и всерьез. Случалось, его даже пародировали (особенно часто «Гамлета»). Иногда использовали только тему или центральную ситуацию, нередко переносили действие в наш век — словом, манипулировали, как хотели. Но больше было серьезных работ, создатели которых задавались трудной задачей — воспроизвести на экране всю значительность шекспировского видения трагедий и комедий жизни.

Некоторые пьесы особенно привлекали внимание деятелей кино. «Гамлет» насчитывает во всех вариантах, включая бурлески, около 30 экранизаций. 30 фильмов было снято по «Отелло», зафиксированы 24 постановки «Макбета», 15 — «Юлия Цезаря», 12 — «Антония и Клеопатры». Из комедий более всего повезло «Укрощению строптивой» — 18 экранизаций, начиная с немого фильма Дугласа Фербенкса и Мэри Пикфорд и до цветного звукового с Ричардом Бартоном и Элизабет Тейлор. На «Венецианского купца» приходится 13 фильмов и 10 — на «Сон в летнюю ночь».

Тема «Шекспир и кино» имеет много аспектов. Некоторые наиболее острые и злободневные получили яркое освещение в книге С. Юткевича. Автор отнюдь не претендовал на то, чтобы изложить всю историю экранизаций Шекспира. Оставив эту задачу другим исследователям, он посвятил книгу принципиальным вопросам, связанным с экранизацией Шекспира. Однако это не теоретический трактат, а собрание живо и остроумно написанных эссе о фильмах Лоуренса Оливье, Орсона Уэллса, Григория Козинцева, Франко Дзеффирелли, Акиры Куросавы и других менее известных и менее удачливых экранизаторов Шекспира. Хотя каждый очерк имеет своего «героя» и свои темы, тем не менее книга обладает несомненным внутренним единством. Оно определяется центральным сюжетом: в чем состоит верность воспроизведения Шекспира на экране?

С. Юткевич не дает однозначного ответа на этот вопрос. Он рассматривает творческий опыт крупнейших мастеров, раскрывая, как творческая индивидуальность каждого обогащала арсенал художественных средств кино для воплощения Шекспира на экране. Не все приемлется автором в равной мере. Он в меру критичен и полемичен, но всегда уважительно относится и тем, с кем спорит. Эта уважительность проистекает из того, что спор ведется творческий.

Высоко оценив С. Юткевич «Гамлета» и «Короля Лира» Г. Козинцева, прекрасно раскрывшего современное преломление шекспировского гуманизма у советского режиссера и тонко показав мастерство его кинообразности. Благородство, с каким С. Юткевич пишет о другом, — лучшая аттестация, какую ему можно дать как художнику и как критику. Когда этика совпадает с эстетикой, последняя приобретает убедительность и привлекает.

Влюбленный в Шекспира, как признается С. Юткевич, он далек от педантизма и прививает читателю понимание права художника театра и кино на свою, оригинальную трактовку драматических шедевров. Но оригинальность не может и не должна вступать в конфликт с неумирающей гуманистической основой творчества Шекспира. Поэтому С. Юткевич оспаривает упадочные трактовки Шекспира, подчеркивая, что возражает он не против отступлений от шекспировской фабулы, а против отрицания жизнелюбия Шекспира, проявляющегося даже в его трагизме. Именно эта заставляет его отвергнуть как противоречащие духу Шекспира трактовки «Гамлета» в фильмах «Дальнейшее — молчание» (1958) западногерманского режиссера Хельмута Койтнера и «Офелия» (1961) француза Клода Шаброля.

С. Юткевич остроумно называет «чистописанием» фильмы, внешне следующие сюжету Шекспира, но чуждые истинного драматизма и острого чувства современности, примером чего может служить фильм «Ромео и Джульетта» Ренато Кастеллани. «Академизм» фильма особенно нагляден при сопоставлении его с живой, динамичной картиной Франко Дзеффирелли о любви «тинэйджеров» эпохи Возрождения.

Книга С. Юткевича написана с отличным знанием предмета. Эрудиция автора обширна, но не обременительна для читателя. Скорее, наоборот. Ссылки на сочинения ученых и критиков, на произведения разных искусств помогают поставить киношекспириану в круг современных художественных интересов вообще.

Нечасто приходится читать книги об искусстве, написанные так художественно и с таким литературным мастерством. Естественно, что подобная работа требует и соответствующего полиграфического оформления. Издательство «Наука» отказалось на этот раз от присущей ему строгости, выпустив книгу, которую приятно держать в руках и рассматривать.

Художник В. Валериус создал эффектное и современное оформление: оно выглядело бы еще лучше, если бы печать кадров из кинофильмов была более четкой и чистой. Книга об искусстве сама должна быть произведением искусства. В главном так оно и есть. Читатель получил хороший подарок, а советское киноведение обогатилось ценной работой.

А. АНИКСТ

МАЛЕНЬКАЯ РЕЦЕНЗИЯ

НЕСКОЛЬКО МИНУТ В ЦИРКЕ

Признаюсь, я люблю ходить в цирк и после «Полосатого рейса». Тот огромный заряд бодрости, оптимизма, хорошего настроения, которым снабжает яркая цирковая программа, не подарят даже самый лучший эстрадный концерт, самая смешная кинокомедия.

Я вижу большое достоинство новой работы ЦСДФ — фильма «Сегодня и ежедневно» — прежде всего в том, что авторам (сценарист Л. Лось, режиссер В. Мусатова) отлично удалось труднейшее: воссоздать на экране удивительную атмосферу циркового представления.

Этот фильм — познавательный и меткий рассказ о московском дворце циркового искусства на Ленинских горах.

Это и встреча с прекрасными артистами — жонглерами, воздушными гимнастами, клоунами, магами и волшебниками.

Это и всегда вызывающие у человека добрую улыбку дрессированные медведи, собаки, лошади, даже петух.

Черно-белые кадры старой кинохроники и многоцветный сегодняшний день...

После просмотра я посмотрел на часы — неужели прошло только семнадцать минут?!

Евгений ЛЕОНОВ, народный артист РСФСР

Кадр из фильма «Хлеборобы»

Анатолий АНАНЬЕВ

ДОРОГА К ПШЕНИЧНОМУ ПОЛЮ

ПРОФЕССИЯ хлебороба — самая древняя на земле. И самая почетная и трудная. Трудная потому, что человек здесь имеет дело не только с землей, которую надо возделывать и возделывать так, чтобы она ежегодно приносила урожай, но и со стихией — дождями, засухой, ранними и поздними заморозками, снежными и бесснежными зимами, в общем, со всем тем, чем он за прожитые тысячелетия еще не научился управлять. Самая главная мечта хлебороба — получать ежегодные устойчивые урожаи. И мечта эта в наши дни все более и более превращается в реальность. В самых тяжелых климатических условиях, какими были прошлое и в особенности позапрошлое лето, труженики села успешно справились с поставленной перед ними задачей. И справились успешно потому, что земледелие наше ведется на научной основе, хозяйства ежегодно получают более мощную технику, наращивается производство удобрений, усовершенствуются агротехнические приемы, улучшаются планирование и руководство сельским производством.

О новом хозяйственнике, о новом типе председателя колхоза в свое время хорошо рассказал Георгий Радов в своих очерках «Председательский корпус». Очерки эти не только продолжили замечательные традиции в «деревенской» теме Валентина Овечкина, но и прибавили к облику людей современной деревни новые черты.

Радов знает деревню, любит ее и хорошо пишет о ней. Именно потому следует приветствовать обращение писателя к документальному кино. По его сценарию режиссером В. Коноваловым и операторами В. Макаровым, А. Бяликом, В. Извековым отснят документальный полнометражный фильм «Хлеборобы» (ЦСДФ). Год работала авторская группа над этой картиной, и работа их заслуживает всемерного одобрения.

Забегая вперед, хочу сказать, что подобные итоговые документальные киноленты нужны так же, как, может быть, ежемесячные журналы: их надо снимать ежегодно, превратив в своего рода киноальманах, который в конце концов стал бы летописью славных, героических дел хлеборобов.

В фильме «Хлеборобы» прежде всего привлекает серьезность постановки вопросов, которые возникают перед хозяйствами, и серьезность, с какою решаются эти вопросы. Так, еще до недавнего времени бичом земледелия во многих районах нашей страны была ветровая эрозия почв. Налетавший ветровой шквал в несколько часов поднимал в воздух измельченный и высушенный палящим солнцем самый плодородный слой почвы и уносил его на десятки и сотни километров. Черным бурям были подвержены земли Кулундинских степей, распаханные целинные и залежные земли в Казахстане и кубанские черноземы. После того как возникает на экране желтый разлив пшеничного поля, после этого радостного кадра, как бы сразу вводящего зрителя в атмосферу крестьянского труда, начинается рассказ о том, какими нелегкими путями приходится порой идти хлеборобу к тому заветному дню, когда он увидит звенящее колосьями, готовое к уборке хлебное поле.

Целинная земля, уже прославившая себя высокими урожаями. Но... что это? Выжженные солнцем посевы и грустные фигуры людей, наблюдающих, как черным взвихренным облаком уносится эта плодородная пахотная земля с полей. Повалены телеграфные столбы, порваны провода, снесены крыши с изб. «Эрозийная буря длилась несколько часов, — говорит диктор, — а вывела из оборота тысячи и тысячи гектаров земли. В тот год четыреста целинников покинули совхоз...» Но остались энтузиасты, остались мужественные люди во главе с первым директором совхоза Емельяненко и главным агрономом Игнатовичем. Надо было теперь что-то делать с этой землей, восстанавливать ее плодородие. Но как? На консилиум из Целинограда был приглашен академик Александр Иванович Бараев. Мы видим его на опустошенном, сером, безжизненном поле вместе с совхозными хлеборобами. И выход был найден — так возник почвозащитный комплекс, получивший затем применение и на Кулунде, и в других засушливых районах нашей страны.

Содружество науки и практики показано и в кадрах, посвященных Всероссийскому совещанию ученых и хлеборобов, съехавшихся на Кулунду, уже не только на помощь, но за опытом борьбы с эрозией почв.

Фильм «Хлеборобы» не только познавательный: он как бы вобрал в себя историю борьбы, историю поисков и открытий в самых разных сферах сельского производства. Тут и новая техника, и новые агротехнические приемы обработки земли, и обновленный быт деревенского человека, и новый хозяин земли — механизатор, тот главный человек в производстве, от умения и старания которого зависит все: и как будет вспахано поле, и сроки посева и уборки. Механизатор — это уже не крестьянин и не колхозник в том понимании, как он виделся нам прежде: механизаторы — это рабочий класс, возникающий на селе, и вполне правомерно, что именно ему отводится в фильме главенствующая роль. Но многое зависит и от специалистов, и от умелого руководства хозяйством. И этот вопрос не обойден в фильме.

Фильм и пафосен, и драматичен. Неповторимы кадры о замечательном ученом — о Павле Пантелеймоновиче Лукьяненко, который создал высокоурожайные сорта пшеницы «Кавказ» и «Аврора». Этот ученый-селекционер был верным другом земледельцев. Он работал над усовершенствованием своих пшениц до самой последней минуты жизни. «В ночь на тринадцатое июня, — рассказывает диктор, — Павел Пантелеймонович выехал в поле, вышел из машины, зашагал и упал в свою пшеницу...» Страна лишилась выдающегося ученого. Выведенные им сорта получили мировое признание.

Как засухи, так и дожди оборачиваются иногда настоящим бедствием для хлеборобов. Хлеба полегают, не успев налить колосья, и решением этой проблемы тоже заняты ученые и хлеборобы. Вместе с прославленным Первицким мы как бы осматриваем поле такой полеглой пшеницы. «Планы были большие, — говорит Первицкий. — Обязательство взяли. Виды на хлеб были хорошие. И никто не предполагал несчастья. Но оказалось, что, кроме ржавчины, корневой гнили, которая возникает от перенасыщения влаги в почве, нас поджидала еще одна неожиданность — густая и высокая масса хлебов полегла. Корни стали пропадать, не давая достаточного питания растениям, и как результат — зерно оказалось щуплым, неполновесным». Но хозяйство все же получило в тот год по 35 центнеров с гектара. Неудача?! По счету Первицкого, неудача, потому что он ставит перед собою иные, еще более высокие задачи. «А вообще-то, — как говорит диктор (и с этим нельзя не согласиться), — 35 центнеров — это цифра, о которой еще мечтают многие и многие хлеборобы страны».

Познавательное и историческое значение фильма бесспорно. Но, кроме того, это еще и рассказ об удивительной красоте нашей земли.

Хлеборобы добились в минувшем году высоких урожаев. Многие республики, края, области были удостоены высоких правительственных наград. На вручение ордена Дружбы народов Украине приехал Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Проникновенно звучат с экрана его слова о том, что достижение украинскими хлеборобами в 1973 году замечательного рубежа — продали государству миллиард пудов зерна — успех, которым по праву будет гордиться советский народ. Эти слова благодарности можно отнести ко всем труженикам нашей державы. Ибо хлеб — это основа основ жизни.

ЗАРУБЕЖНОЕ КИНО

«САМЫЙ ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК, КАКОГО Я ТОЛЬКО ЗНАЮ»

«Самый хороший человек, какого я только знаю» — теме сочинения, которое предлагает написать учащимся вечернего техникума молодая учительница. Люди, сидящие за партами и аккуратно заполняющие тетради, уже взрослые, у каждого свои сложные судьбы, памятные встречи. Сочинение на заданную тему становится для многих взволнованной житейской исповедью.

Новый болгарский фильм «Самый хороший человек, какого я только знаю» поставлен Любомиром Шарландиевым по сценарию Янины Михайловой. Главную роль учительницы сыграла известная актриса Невена Коканова. Ее героине приходится не только воспитывать своих взрослых учеников, но и самой учиться у них.

Эта работа Н. Кокановой на недавнем XII национальном фестивале новых болгарских фильмов отмечено премией за лучшую женскую роль.

На снимке: кадр из фильма.

«КАРТЕЗИУС»

В ближайшее время итальянское телевидение покажет двухсерийный фильм режиссера Роберто Росселлини «Картезиус», посвященный жизни выдающегося французского философа, физиолога и математика XVII века Рене Декарта. В последние годы Росселлини целиком посвятил себя работе над телевизионными популярно-просветительными фильмами. На «малом» экране с успехом были показаны его картины «Железный век», «Людовик XIV», «Сократ», «Паскаль».

Вот что рассказал Росселлини о своей новой работе корреспонденту еженедельника «Темпо»: «Моя задача — информировать зрителя и делать это как можно проще, скромнее. Я показываю вещи такими, какие они есть, не истолковывая их по-своему и не приукрашивая, ибо знаю, что истина остается единственной и неоспоримой. Необходимо лучше знать наше прошлое, историю человека, его завоеваний, его мысли, ибо наша культура — продукт всех предшествующих культур. Вот почему эти мои фильмы — всего лишь скромный вклад в борьбу против невежества».

На снимке: кадр из телефильма Росселлини «Картезиус». Крайний справа — Декарт, роль которого исполняет артист Уго Кардеа.

«БУМАЖНАЯ ЛУНА»

Место действия — Соединенные Штаты. Время — 30-е годы нашего века — период экономического кризиса, депрессии, безработицы. По дорогам страны колесит человек без определенных занятий — Моузес Прей, — в поисках заработка пустившийся в мошенничество. Во время одной из мошеннических проделок ему за небольшое вознаграждение поручают отвезти дальней родственнице девятилетнюю осиротевшую Эдди. Смышленая, не по годам развитая девчонка-сорванец становится очень дорога одинокому Моузесу.

Таково содержание нового фильма «Бумажная луна» молодого американского режиссера Питера Богдановича, признанного одним из самых многообещающих кинорежиссеров своего поколения. Причину успеха картины большинство рецензентов видят в отказе Богдановича от ультрамодных тенденций современного западного кино — увлечения жестокостью и сексом, в возврате к реалистическим традициям лучших мастеров прошлых лет.

Финал фильма — своего [illegible] немец Эдди и ее малосимпатичной родственнице. Расставание дается обоим нелегко. Моузес снова один на пустынной дороге. И вдруг он замечает на обочине знакомую фигурку — Эдди поджидает его с тоскливой мольбой в глазах...

Главные роли в фильме исполняют Райан О'Нил, известный по участию в нашумевшей картине «Любовная история», и его 9-летняя дочь Татум, чей дебют в кино высоко оценен критикой.

На снимке: Райан и Татум О'Нил в ролях Моузеса и Эдди.

ДЕЛОВЫЕ КОНТАКТЫ

ПАРИЖ. ДЕНЬ ТОРГОВОЙ ПАЛАТЫ

До девяти утра деловые кварталы Парижа пахнут кофе и свежеиспеченными булочками: конторский люд проглатывает в кафе свой первый завтрак. К девяти, словно по школьному звонку, кафе пустеют: клерки и секретарши разбегаются по канцеляриям, банкам, страховым компаниям, а улицей прочно и надолго завладевает бензинный чад.

Авеню Франклина Рузвельта расположено именно в таком деловом квартале. Здесь в доме 22 находится секретариат Франко-советской торговой палаты.

Сегодня день начинается с заседания Административного совета, которое ведет президент Франко-советской торговой палаты Ролан Нюнжессер. Это видный политический деятель — вице-председатель Национального собрания Франции. В повестке дня — вопрос о главных направлениях деятельности Франко-советской торговой палаты в 1974 году с учетом 10-летней Программы сотрудничества между Советским Союзом и Францией в области экономики и промышленности, науки и техники, подписанной в Москве в прошлом году.

В своем выступлении г-н Нюнжессер отметил, что эти отношения являются «одним из основных факторов разрядки напряженности в Европе и определенной гарантией сохранения мира во всем мире».

— Какова характер деятельности Франко-советской торговой палаты? — спрашиваю я генерального секретаря палаты Пьера Чудновски.

— Франко-советская торговая палата является коммерческой организацией, — говорит господин Чудновски. — Она действует на паритетных началах и имеет совместный бюджет. Со времени ее основания в 1968 году главная цель палаты — содействие расширению и углублению торгово-экономических отношений и научно-технического сотрудничества между Францией и СССР. Работа палаты проходит в тесном контакте с торговым представительством СССР во Франции и Французским центром внешней торговли. Главное направление нашей деятельности — информация о потребностях и возможностях рынков обеих стран. Кроме того, палата содействует установлению прямых контактов между фирмами и организациями Франции и Советского Союза...

Генерального секретаря палаты прерывает телефонный звонок из Марселя. Представитель фирмы, производящей монтаж доменной печи на строящемся металлургическом комбинате, справляется о возможности поставки определенных видов советского оборудования. Пьер Чудновски дает подробную информацию по вопросу, интересующему фирму, которая, кстати говоря, является активным членом Франко-советской торговой палаты.

Положив телефонную трубку, мой собеседник рассказывает, что в число постоянных членов Франко-советской торговой палаты только с французской стороны входит свыше 350 промышленных и торговых фирм, банков, компаний.

— Но, разумеется,— говорит господин Чудновски,— достигнутый уровень нашего сотрудничества — далеко не предел...

К концу рабочего дня курьер приносит в кабинет генерального секретаря палаты телеграмму от президента крупной промышленной фирмы. Фирма обращается с запросом о возможности приобретения в Советском Союзе качественной стали определенных сортов.

— Наша задача, — говорит господин Чудновски, — дать фирме подробную информацию по ее заявке, а лучше всего установить прямой контакт фирмы с советскими организациями, поставляющими за границу такого рода продукцию. Большим подспорьем в этой работе является действующий в палате центр советской научно-технической информации...

...Рабочий день закончен. Спускаюсь в лифте вместе с сотрудниками палаты. Лица многих из них мне уже знакомы. Выхожу на улицу и погружаюсь в бензинный чад делового квартала Парижа, чуть разбавленный в это время терпким запахом анисовки: конторский люд пьет перед ужином традиционный аперитив...

Олег ШИРОКОВ,
собственный корреспондент ТАСС — специально для «Литературной газеты»
ПАРИЖ

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ

КамАЗ — ВЗГЛЯД ИЗ-ЗА ОКЕАНА

В Нью-Йорке выходит из печати книга, посвященная КамАЗу. Ее подготовил коллектив авторов из «Чейз Уорлд информейшн корпорейшн» (ЧУИК) — дочерней компании одного из ведущих американских банков «Чейз Манхэттен». Предисловие предвосхищает могущий возникнуть у читателя вопрос: «Почему это вдруг ЧУИК решила посвятить КамАЗу данную монографию?»

Прежде всего потому, что человека из делового мира, на которого и рассчитана книга, не могут не поразить масштабы: по производству КамАЗ превзойдет все американские заводы тяжелых грузовиков, вместе взятые.

КамАЗ, разъясняется далее в книге, не только важнейшая стройка пятилетки, но одновременно и первая большая стройка «эпохи после холодной войны», стройка с участием иностранных фирм.

В книге отмечается, что в соответствии с Директивами XXIV съезда КПСС перед создателями КамАЗа была поставлена задача идти в ногу с авангардными достижениями техники и использовать все мировые новшества. Для КамАЗа будет закуплено машин и оборудования на крупные суммы. Заключены контракты на сумму 260 миллионов долларов, которые предусматривают поставки оборудования непосредственно из США.

Авторы подчеркивают разумность и выгодность советско-американского сотрудничества для обеих сторон. «КамАЗ, — пишут авторы, — начинает оказывать заметное влияние на экономическую жизнь Соединенных Штатов». Леонард Вуд, председатель объединенного профсоюза рабочих автопромышленности, заявил: «В целом речь идет для нас о 160 тысячах рабочих мест, и в наших национальных интересах получить этот контракт».

В книге оцениваются перспективы развития советского автотранспорта, выгоды американо - советского экономического сотрудничества; в ней приводятся документы и тексты примерных контрактов, диаграммы и схемы. В ней есть также рисунки и фотографии, рассказывающие о красоте прославленных еще Шишкиным мест, где строится завод-гигант.

Появление в Соединенных Штатах книги о КамАЗе — само по себе хороший показатель серьезной заинтересованности американских деловых кругов в сотрудничестве с нашей страной.

Соб. корр. АПН и «Литературной газеты»
НЬЮ-ЙОРК. (По телефону)

СЕМЬ ДНЕЙ В ФЕВРАЛЕ...

НАКАНУНЕ СОБЫТИЯ

ПРОСТЫЕ ВОПРОСЫ ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ

В лондонском зале «Фэирфилдс холл» шел предвыборный митинг. Сменяя друг друга, ораторы поднимались на трибуну и громкими, хорошо поставленными голосами обличали соперников, обещали всяческие блага английскому народу, призывали поддерживать только их партию.

Не сцене бушевали страсти, но публика реагировала на них довольно равнодушно. Да и зрителей было не много — человек 80, не больше. «В чем причине такого равнодушия?» — спросил я свою хорошую знакомую Изобел Финни, с которой мы вместе пришли в «Фэирфилдс холл».

— Я, — сказала г-жа Финни, — была уже на нескольких предвыборных митингах, пытаясь выяснить, насколько оптимально будет новое правительство содействовать разрядке напряженности и, в частности, укреплять отношения с социалистическими странами. Но ответа на этот вопрос я так и не получила. Лидеры буржуазных партий занимаются в основном перепалками друг на друга. А перепалки, которые ни к чему не приводят, уже давно надоели англичанам...

Имя Финни еще недавно ничего не говорило англичанам, а теперь о ней пишут газеты, у нее берут интервью местные и зарубежные журналисты, ее записывают на радио. Известность пришла к этой хрупкой, средних лет женщине прошлой осенью, когда она организовала, по сути дела, первую в истории страны выставку-продажу картин современных советских художников, которая пользуется большим успехом.

— Раньше, — рассказывает г-жа Финни, — я была членом консервативной партии, но постепенно все больше разочаровывалась в ее программе. Готовясь к выставке, я ездила в Москву, познакомилась с вашей страной, вернувшись, окончательно решила выйти из партии тори. Вы знаете, когда я рассказала дома о Советском Союзе, моя дочь воскликнула: «Ты стала прямо коммунисткой!» Нет, членом компартии я не стала, но многие ее идеи теперь поддерживаю. И в любом случае считаю, что какая бы из партий ни пришла к власти, она должна будет пресекать антисоветские выходки, энергичней развивать связи с Советским Союзом, в том числе в области культуры...

Слова Изабел Финни навели меня на мысль узнать у других англичан, простых избирателей, которые были в этот день в «Фэирфилдс холл», чего они ждут от выборов. Вот некоторые ответы.

Джон Гривс, рабочий теплоэлектростанции:

— Может быть, после 28 февраля правительство, учтя предыдущие ошибки, прекратит наконец травлю рабочих? Чего только не делали консерваторы в последние месяцы, пытаясь настроить население против бастующих шахтеров: перевели промышленность на трехдневную рабочую неделю, сократили подачу электроэнергии, даже пошли на досрочные выборы! А результат получился прямо противоположный: рабочие не только Англии, но и других стран стали на сторону горняков. Нужно, чтобы власти уважали законные права профсоюзов, удовлетворяли их справедливые требования...

Дороти Бивис, домохозяйка:

— Меня всегда поражало, как быстро, победив на выборах, консерваторы или лейбористы забывают о своих обещаниях. Помню 1970 год: тогда консерваторы пришли к власти в значительной степени благодаря тому, что газеты называли «бунтом домохозяек». Некоторые из нас поверили Хиту, заявившему, что он «одним ударом» остановит рост цен, и проголосовали за него. Но и в последние 3,5 года цены все стремительнее скачут вверх. Я уже не помню, когда в нашем доме было достаточно мясе и свежих фруктов...

Взглянув на трибуну, на которой очередной оратор, прижав руку к сердцу, что-то проникновенно говорил, Дороти Бивис вздохнула:

— Весь вопрос в том, будут ли наши политики на деле, а не на словах заботиться о простом народе...

Михаил ОЗЕРОВ,
собственный корреспондент ТАСС — специально для «Литературной газеты»
ЛОНДОН. (По телефону)

Лондон. Демонстрация в защиту прав трудящихся

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ШТРИХ

УЖЕ НЕ НУЖЕН...

Не прошло и нескольких дней, как Солженицын попал в «свободный мир», и в западной прессе уже можно найти немеки не то, что в «изменившихся обстоятельствах» его персона вряд ли будет вызывать тот же интерес, что и прежде. Одним из первых высказываний такого рода было выступление на страницах крупнейшей американской газеты «Нью-Йорк таймс» бывшего помощника президента США Уильяма Сефайра, который заявил:

«Я первый в своей среде испытываю дурные предчувствия по поводу Александра Солженицына.

Когда на Западе люди, придерживающиеся самых разнообразных убеждений, наперегонки кидаются, чтобы заключить кого-то в объятия как своего героя, неизбежно возникает подозрение, что объект всех этих восторгов слишком уж идеален, чтобы поверить в его подлинность.

Либералы превозносят Солженицына за то, что у него оказалось столько врагов в Советском Союзе, за высокую храбрость, которую продемонстрировал этот человек...

Консерваторы превозносят его не только за то, что он борется за права человека, но и за то, что напоминает американцам о «безбожном коммунизме», который все еще жив и силен в Москве...

Писатели превозносят его как выдающийся образец высоконравственного публициста, высокого мечтателя из числа тех, к кому в свое время было впервые применено выражение «двигатели и потрясатели», романиста и историка, который вносит свой вклад в формирование последствий тех событий, о которых он пишет.

Не удивительно, — отмечал У. Сефайр, — что Солженицын, заручившись всеми этими авуарами, приобрел статус «наиболее благоприятствуемого писателя». Его готовность на мученичество, мастерство, с каким он реклемирует собственные невзгоды (как и невзгоды других, кто, очень может быть, не желает подобной рекламы), его титул лауреата Нобелевской премии и его положение, дававшее ему возможность изнутри рассказывать о том, что происходит в Советском Союзе, — все это способствовало превращению Солженицына в героя, в рыцаря без страха и упрека.

Но теперь, когда он оказался за пределами Советского Союза и лишился возможности изображать себя святым мучеником, пьедестал, который мы ему создали, быстро даст трещины».

Автор раскрывает, что это за «трещины в пьедестале»: политические деятели, которые до сих пор превозносили Солженицына за «борьбу против угнетения», могут обнаружить, что возможности использовать этого «религиозного технократа» в качестве символа «восторженного отношения к демократическим принципам» Западе уже исчерпаны. С другой стороны, западная печать отныне не сможет применять в качестве «критерия для оценки его литературных трудов... обстоятельства, в которых они были написаны, и в нем самом будут видеть больше Мейлера*, нежели Достоевского с его глубоким пониманием человеческой природы».

«И тогда закрутится карусель, — предсказывает Сефайр. — Кое-кто из дотошных биографов (Солженицына) сможет рассказать нам, что он обладает большей раздражительностью, большим фанатизмом и куда меньшей блаженностью, чем обычно отождествляется в нашем представлении со святостью. И вот сегодняшний источник интеллектуального вдохновения может завтра обернуться бывшим героем, который лишь всем досаждает и страшно надоел».

Прорицание Сефайра начало сбываться раньше, чем предполагал сам автор. Солженицын выступил в Цюрихе с обвинениями против западных журналистов. В ответ английская «Гардиан» одернула «вольнодумца».

«Александр Солженицын,— пишет газета, — наконец-то дал волю своему растущему возмущению западной печатью: он опубликовал заявление, в котором обвинил эту печать в ребячливости, безответственности и лжи.

Этому высланному русскому писателю было достаточно менее чем недельного внезапного столкновения с некоторыми заурядными явлениями западного общества, чтобы испытать чувство отвращения.

Можно утверждать, что Солженицыну следовало бы отнестись ко всему этому спокойно; разве не должен быть он благодарен чуть ли не всецело западной печати?

Его заявления из Москвы предавались гласности безгранично. Не довольствуясь этим, он всячески старался использовать западную печать в Москве; он созывал пресс-конференции, когда только считал необходимым, а в остальное время отказывался встречаться с корреспондентами, когда те хотели увидеться с ним.

Некоторые из его интервью западной печати были полностью сфабрикованы. Он передавал корреспондентам письменные заявления в виде вопросов и ответов, а это такой метод, с которым не стел бы обычно мириться ни один репортер ни в одной стране мира.

Результат, к сожалению, был такое, что Солженицын вообразил, будто прессе всегда будет в его распоряжении и всегда будет придерживаться его норм».

Все это отныне кончилось. Солженицын, которого, напоминает «Гардиан», выбросили из советского общества, должен придерживаться западных норм, должен следовать всем обычаям новой среды, в которой он отныне будет находиться. Смысл этого завуалированного намека тот же, что и в прямом предупреждении «Нью-Йорк таймс»: Солженицын может стать «бывшим героем, который лишь всем досаждает и страшно надоел».

* Норман Мейлер — известный американский писатель, вокруг которого западная пресса зачастую поднимает сенсационную шумиху.

ГРИМАСЫ «СВОБОДНОГО МИРА»

КАК РОЖДАЮТСЯ «ЗВЕЗДЫ»

Когда 9 февраля в США появилась новая газета «Нэшнл стар» («Национальная звезда»), это событие вызвало некоторое любопытство, поскольку читатель привык к тому, что газеты в Америке чаще умирают, чем рождаются. Этому любопытству способствовали и пять миллионов долларов, потраченных на предварительную рекламу. К тому же редакция обещала выпускать «газету нового типа», которая будет «самой занимательной в Америке».

Судя по первому номеру, занимательности ей действительно не занимать. Она, например, сразу объясняет читателям, «как сделать миллионы». Я, разумеется, не удержался от искушения и узнал, что «для женщины кратчайший путь к обладанию миллионами — брак с миллионером». Поскольку этим советом я воспользоваться не мог, стал читать другие. Оказалось, что сейчас самый быстрый путь к богатству — это стать звездой рок-н-ролла. Недавно, например, 27-летний Дон Макклин за год стал миллионером, написав и исполнив песенку «Американский пирог».

Многие читатели, разочаровавшись, найдут утешение в статье о том, как сэкономить на еде и накормить четверых на четыре доллара, — виртуозное достижение при нынешних ценах.

Здесь же фото Жаклин Онассис в нью-йоркском театре и Аристотеля Онассиса в ресторане. Неподалеку — ваш гороскоп. Есть и викторина на тему «Много ли вы знаете о боге?». Поскольку сейчас все в Америке смотрят фильм «Изгоняющий дьявола», газета печатает статью о путях избавления от нечистой силы.

Обилие разнообразных сведений рассчитано на широкий обывательский вкус. Например, о хождении по улицам. Газета рекомендует после сумерек этим не заниматься, а если уж пришлось, то (цитирую) «держитесь подальше от подворотен, идите по мостовой: там грабителю трудней до вас добраться».

В редакционной статье утверждается непоколебимая вера в преимущества американского образа жизни по сравнению с любым другим. Рядом на этом же развороте — беседа с журналистом из Техасе Доном Райном, специализирующимся на уголовной хронике. Он присутствовал на 189 смертных казнях и теперь делится впечатлениями. Самое впечатляющее — его вывод о том, что казнят обычно тех, у кого нет денег на хорошего адвоката. А у кого они есть, те почти всегда имеют возможность откупиться и избежать электрического стула.

Бульварная печать, пережданием которой является и «Нэшнл стар», навязывает своим читателям обывательские вкусы и мещанские интересы. Пичкая людей бесполезной или, наоборот, чересчур утилитарной информацией, газета отлетает от гражданственности, политических обобщений и действий.

Газета, возможно, окажется полезной как иллюстрация к американскому образу жизни и к тому, что при нем ценится, а что грошо не стоит.

Основатель газеты Руперт Мэрдок — известный в газетном деле миллионер, владеющий восьмьюдесятью газетами и одиннадцатью журналами в Англии, Австралии и Новой Зеландии. Ему принадлежит одна из наибульварнейших газет мира — английская «Ньюс оф уорлд» с тиражом 6 миллионов экземпляров. Теперь он решил попробовать силы и на американском рынке, начав с «Нэшнл стар». Его принципы: ужасы (преступления), слезы (умиления), слюни (сентиментальности), «полезные советы» и, конечно, профессиональный спорт. Имеет значение и оформление дешевого информационного винегрета: сенсационные заголовки и стиль, рассчитанные на читателя, при чтении шевелящего губами. Месяца через четыре, заявил Мэрдок, выяснится, закрепится ли его «Стар» в Америке.

Г. ГЕРАСИМОВ,
собственный корреспондент АПН и «Литературной газеты»
НЬЮ-ЙОРК

ОГРАБЛЕНИЕ БЛЮМЕНФЕЛЬДА

Известно, что никто в мире не умеет так ловко и вдохновенно фантазировать и выдавать несбыточные обещания, как рыболовы-любители и... кандидаты от буржуазных партий накануне выборов. Последние обещают обычно много: починить городской водопровод, построить еще один кегельбан, запретить порнографию в младших классах гимназии и даже снизить налог на собак. Эрик Блюменфельд, кандидат от ХДС на пост бургомистра Гамбурга, выборы которого состоятся в начале марта, пошел еще дальше: он поклялся в случае своего избрания выкорчевать с корнем весь преступный элемент в городе и его окрестностях.

Недо признать, что, давая это обещание, герр Блюменфельд бил, что называется, в самую точку: ведь двухмиллионный Гамбург вот уже долгие годы прочно удерживает лидерство по числу уголовных преступлений не только в своей стране, но и в Западной Европе в целом. С наступлением темноты честные люди здесь предпочитают отсиживаться за прочными засовами.

Шпрингеровская «Бильд-цайтунг», поместившая набор предвыборных обещаний герра Блюменфельда «Как мы хотим побороть преступность», не поскупилась и на газетную площадь, как бы желая намекнуть несообразительным избирателям, что решение проблемы — в их собственных руках: стоит лишь опустить избирательный бюллетень за вышеупомянутого кандидата от ХДС, как на другой же день улицы ночного Гамбурга станут не более опасными, чем площадка для детских игр.

Победит ли на выборах герр Блюменфельд, сказать пока трудно, но вот с уголовным миром ему пришлось столкнуться значительно раньше, чем он сам рассчитывал, и результат был — увы! — не в пользу кандидата. Пока будущий «истребитель преступников» поверял свои планы журналистам, его собственная квартира (усиленно охраняемая полицией) была ограблена самым нахальным образом. По иронии судьбы, репортаж о дерзком ограблении Блюменфельде был напечатан в том же самом номере «Бильд-цайтунг», что и его программа борьбы с преступностью.

При такой ситуации трудно рассчитывать, чтобы гамбуржцы всерьез поверили в то, что наобещал им кандидат от ХДС. Впрочем, и без случившегося было бы нелегко убедить избирателя, будто за недолгий срок пребывания на посту бургомистре герру Блюменфельду удается сделать то, что не удалось всей его партии за время ее 20-летнего пребывания у власти в ФРГ.

С. ГУК

ПРИЗЫВАЮТ К ПОРЯДКУ

Вот что рассказывает итальянский еженедельник «Эуропео» об одном «дисциплинарном деле»:

Недавно генуэзский судья Адриано Санса получил из вышестоящей судебной инстанции извещение о том, что против него возбуждено дисциплинарное дело. Он направил в одну итальянскую газету письмо, в котором утверждал, что только печать может гарантировать объективное судопроизводство (и что, следовательно, происходящая сейчас в Италии концентрация газет в руках нескольких крупных монополий не может не нанести ущерба юстиции).

Молодой судья Адриано Санса за свою недолгую карьеру возбудил немало дел, не угодных власть имущим. Так, взявшись за расследование незаконной практики промышленных предприятий фирмы «Монт-эдисон», сбрасывающей в море вредные химические вещества, он поставил вопрос о предании суду владельцев двух крупных нефтеперерабатывающих предприятий, поскольку выпускаемый ими бензин содержит повышенный процент свинца.

— И вот теперь, — говорит Адриано Санса, — высшие судебные инстанции требуют, чтобы я оправдался перед ними. В чем? Я испытываю страх за всю нашу юстицию и конституционные институты... Очень часто за последние годы судебные расследования по некоторым сложным и темным делам приостанавливаются. Многие из них не доводятся до конца. И лишь печать своими выступлениями иногда препятствовала закрытию наиболее скандальных дел, компрометирующих некоторых важных господ...

Вопрос. Что вы, как судья, критикуете в итальянском судопроизводстве?

Ответ. Затягивание и прекращение расследования по многим важным делам, невероятную медлительность в рассмотрении следственных материалов, отсутствие необходимых материальных средств для достойного завершения некоторых расследований. Таковы наиболее сложные проблемы итальянского правосудия.

«ЧЕМ БЫ ДИТЯ НИ ТЕШИЛОСЬ...»

Во многих магазинах Лондона родители могут купить для своих малышей оригинальный конструктор из серии «Сделай сам»: четыре коробки с пластмассовыми деталями маленькой гильотины и виселицы, а также миниатюрным набором для истязания электрическим током и другими орудиями пытон. К конструктору прилагаются две разборные куклы. Начинающий палач может отсекать у них головы, руки и ноги.

Нельзя сказать, что лондонская общественность осталась равнодушной к появлению новой детской игрушки: в газеты посыпались письма протеста. Но владельцы игрушечных магазинов вовсе не собираются снимать с продажи конструктор, приносящий им солидные доходы.

Э. ОНЕГИНА

ТЕЛЕКС

СТРАНА МОЛОДЕЕТ

В 1918 году население Монголии составляло 647.8 тысячи человек, причем более 100 тысяч были подданными других государств. Сейчас в МНР проживает 1 миллион 377.8 тысячи человек. Из них более 60 процентов — сельские жители. Дети и подростки до 19 лет составляют более 40 процентов населения страны.

Монцамо

ДЕТИ БЕЗ ШКОЛ

Генеральный секретарь министерства просвещения и культуры Бразилии полковник Памплона заявил, что четыре миллиона детей школьного возраста не посещают школы. Это вызвано нехваткой преподавателей, школьных помещений, финансовыми затруднениями во многих семьях, которые не в состоянии послать ребят учиться.

ТАСС

ДОНОРЫ ПОНЕВОЛЕ

Из-за ужасающей нищеты, в которой живет большая часть населения Никарагуа, продажа крови превратилась для тысяч людей в периодический источник заработка. Получаемую затем кровяную плазму предприниматели продают втридорога в США, Испанию и некоторые другие страны.

«Пренса» (НИКАРАГУА)

САМЫЙ НИЗКИЙ ПРИРОСТ

По данным токийского муниципалитета, за последний год население столицы увеличилось на 28 957 человек и составляет 11 804 098 человек. Это самый низкий прирост населения в Токио за весь послевоенный период. Основная причина — резкое удорожание жизни и плохие жилищные условия.

«Токио симбун» (ЯПОНИЯ)

ПО ЗАКОНУ РАСИСТОВ

Последние африканцы из племени фингo, пользующиеся правом землевладения на территории, населенной белыми в ЮАР, получили приказ о выселении. Шесть тысяч жителей должны покинуть свои дома, чтобы выполнить принятый в Южно-Африканской Республике закон об установлении определенного местожительства для различных расовых групп. Другого места для их поселения пока не предоставлено.

Ассошиэйтед Пресс

ТРЕБУЮТ ОТСТАВКИ

Когда министр иностранных дел Израиля Абба Эбан обсуждал положение на Ближнем Востоке со студентами университете в Иерусалиме, его выступление было прервано улюлюканьем, мяуканьем и криками протеста. Один студент схватил микрофон и прокричал: «Эбан, вы символизируете все, что есть гнилого в нашем правительстве». Министру пришлось повысить голос, чтобы перекричать возгласы: «В отставку! В отставку!»

Ассошиэйтед Пресс

27 февраля 1974 г. ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 9

ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ

ВПЕРЕД! Это слово стало определяющим в жизни Героя Социалистического Труда Алексея Уханова, машиниста Вологодского локомотивного депо. Передовик пятилетки является депутатом Верховного Совета СССР.

Фото Л. НИСНЕВИЧА

ПАХАРЬ, РАВНОДУШНЫЙ К УРОЖАЮ?..

[illegible] ШУРТАКОВ

Прошлое лето, как и обычно, я провел в своих родных местах, на юге Горьковской области. Мне пришлось встречаться с многими людьми — трактористами, комбайнерами, агрономами, председателями колхозов. В результате этих встреч и личных наблюдений и появились эти заметки. В них мне хочется оглянуться на прошлое лето и поразмышлять о будущем.

1.

Как-то во время уборки встретил я на улице знакомого тракториста. Разговорились. Ну и, естественно, если идет жатва, самый первый вопрос: велик ли намолот?

— Право, не скажу, — неуверенно проговорил тракторист. — То ли пятнадцать, то ли семнадцать... Но точно не скажу.

Такой ответ, признаться, меня несколько озадачил. Но мой знакомец работал в эти дни на силосовании и в конце концов мог и не знать про намолот.

Вечером того же дня мне пришлось встретиться на колхозном подворье с другим механизатором. В разговоре, к слову, я и его спросил: много ли нынешним летом выходит на круг? Парень сдернул с головы замасленную кепчонку, поскреб в затылке и ответил почти то же самое:

— Не скажу. Слышал — что-то около четырнадцати, но точно не скажу...

— Будто не ты поля по весне засевал, — не выдержал я. — Неужели тебя это не касается?

— Засевать-то засевал я, — все так же ровно и спокойно сказал парень, — а велик ли урожай — это для комбайнера важно: ему убирать!

— Но ведь если больше урожай, вместе с комбайнером и ты больше получишь.

— За что получу? — уточнил тракторист. — За уборку? Но я же сказал, да ты и сам знаешь, сам работал на тракторе — за уборку комбайнер будет получать. А за всякие там весенние культивации, за сев и все прочее я уже получил. Еще весной... Оно, конечно, если урожай намного выше плана — в конце года и мне что-то может перепасть. Однако и нечасто перепадает, а если и перепадает — это будут копейки. Рубли я уже получил...

Вот такой разговор. Заметьте: не плотник, не доярка, не шофер, а пахарь, именно пахарь, который еще с осени поднял зябь, а потом по весне подготовил поле под посев, а затем и засеял, — этот пахарь говорит, что для него не так уж и важно, какой урожай вырастет на том поле!

2.

Переход на денежную оплату имел огромное значение для сельских жителей. Если раньше колхозник, работая в течение года, не знал, сколько получит за свой труд, а в слабых колхозах не был уверен даже в том, получит ли вообще что-нибудь, — теперь он, как и рабочий на заводе, стал получать твердую, гарантированную плату ежемесячно. Это так резко подняло его заинтересованность в колхозной работе, что у бригадира отпала нужда «наряжать» или тем более уговаривать его выйти на работу — теперь колхозник сам стал просить работу у бригадира.

Все это так. Но, как часто бывает в жизни, когда что-то меняется, переиначивается, трудно, а то и просто невозможно предусмотреть наперед, как эти перемены «отзовутся» и на том, и на другом. Теперь, по прошествии какого-то — и уже немалого — времени, давайте посмотрим, каким образом сказалась новая система оплаты на работе механизаторов, в первую очередь трактористов.

Начнем с того, что тракторист поднимает зябь под урожай будущего года. Однако за эту работу он получит не в будущем году, а в конце нынешнего же, когда урожай еще неизвестен.

А работы весенние: культивация, боронование, сев? Каковы здесь материальные стимулы? Их нет или почти нет. Здесь тоже как бы весь расчет идет на высокое коммунистическое сознание каждого работника.

Плату за работу на севе тракторист получает после того, как покажутся всходы. В колхозе создается специальная комиссия, которая и принимает каждое поле. Посеяно поле с огрехами, с «фиалайками» — трактористы даже могут лишить десятипроцентной надбавки, которая выдается осенью. Ну, а если пропусков нет, но одно поле возделано лучше, а другое хуже — тогда что? А ничего. На глаз пока видны только зеленые строчки всходов, а то, что одно поле было подготовлено к севу лучше, а другое хуже, — это «отзовется» потом, отзовется урожаем. Но как бы ни велика была разница в урожае — трактористы за работу на севе получат поровну. Получат еще в июне.

Уравниловка? Пожалуй, звучит резковато, но если мы найдем выражение и помягче, суть от этого мало изменится.

Пойдем еще дальше. Помните разговор с трактористом на колхозном подворье? Так вот, через несколько дней нам опять пришлось встретиться. На этот раз на поле. И он, как бы продолжая тот разговор, сказал:

— Ладно, будем считать, что я заинтересован в урожае. Я буду стараться... [illegible] в зябь. Я постарался — день и ночь работал — поднять ее пораньше: кто не знает, что самая ранняя зябь — самая лучшая!.. Пришла весна. На готовить под посев то, «мое» поле могут послать и меня, и не меня. Ладно, допустим, что я же и культивирую его, и бороную. Сев. Но опять же не обязательно, чтобы я же его и сеял, может сеять и кто-то другой. Ладно, все идет, как по писаному: я же и засеваю свое поле. Однако же соседнее, хуже моего в обработанное, и посеянное поле одновременно с посевом «подкормили» удобрениями, а на мое тех удобрений не хватило. И что в итоге? А то, что все мои старания ни к чему не привели, потому что удобренное поле всегда урожайнее... Вот и подумаешь: зачем же стараться-то? Ты хорошо вспахал, а кто-то плохо, кое-как посеял, или наоборот... Ну, ладно, я плохо работать не могу — мне совесть не позволяет. А как быть с тем, кому «позволяет» и кто твои старания сводит на нет? И получает, заметь, ничуть не меньше, а может, даже еще и побольше...

Обезличка? Можно найти словечко пообтекаемей, но суть от этого не изменится.

Как бы мы ни выражались, как бы мы ни пытались выискивать, факт остается фактом: оплата не за конечный результат труда, а за выработанную норму, и ведет к тому, что поля обезличиваются — какая разница, где трактористу «выгнать» норму!! — а ежемесячная получка как бы уравнивает и хороших, и нерадивых работников: качество весенних работ «сказывается» осенью, а получают за них весной же. Надо ли доказывать, что обезличка и уравниловка никогда еще не укрепляли дисциплину труда, не воспитывали сознательности!! Хуже того — обезличка и уравниловка постепенно меняют психологию даже хороших, добросовестных работников, меняют, понятное дело, не в лучшую сторону.

Мы говорим о высокой сознательности нашего рабочего класса, о товарищеской спайке целых заводских коллективов. Однако же качество деталей, изготовленных тем или иным цехом, ОТК оценивает не чохом, не вообще. Оценивается качество продукции каждого отдельно взятого рабочего.

Земледельческий «цех» в [illegible] заводского. Тут первоначальную «операцию» по получению продукта (вспашку зяби) отделяют от конечной (уборки урожая) месяцы и месяцы, и попробуй поставь штамп ОТК на каждой на операции!

Что же до ежемесячной получки, то вместе с уверенностью в завтрашнем дне она вселила в сознание некоторых колхозников и какую-то странную уверенность в том, что [illegible] петух [illegible] — не так уж и важно. Важно, чтобы были выполнены, а еще лучше — и перевыполнены дневные нормы и наработаны рубли. А большой или малый толк дала наработка, обернется ли она доходом и даст ли в колхозную кассу деньги — это уже вроде забота председателя и бухгалтерии.

Многие руководители колхозов давно уже почувствовали, что не все ладно в новой оплате труда механизаторов, и каждый применительно к своему хозяйству начал ее улучшать, совершенствовать, ставить в зависимость от урожая. В некоторых колхозах, например в «Авангарде», постепенно разработали целую систему всевозможных материальных поощрений за хорошую работу в поле.

3.

— Мы берем среднюю урожайность за последние пять лет и, исходя из нее, устанавливаем так называемую плановую на текущий, — говорит председатель «Авангарда» Курбан Аймасович Аймасов. — Допустим, мы установили, что она должна быть двадцать два центнера. И если урожай получен выше, скажем, на три центнера — тракторист получает к основной плате десятипроцентную надбавку. Если урожай тридцать центнеров — двадцатипроцентную. И это еще не все. На каждый выработанный рубль мы выдаем в конце года по килограмму, по два, а то и по три хлеба — бесплатно. Но, — Аймасов поднимает палец, — но если урожай получен не выше планового, кладь не дается... Нынче урожай у нас хороший, и некоторые трактористы уже получили бесплатно по полторы тонны, а при полном расчете получат еще столько же...

Двадцать пять рублей на каждую заработанную сотню [illegible] три тонны хлеба бесплатно! Трактористу есть резон постараться и на пахоте, и на культивации, и на севе.

В весеннем севе, кроме трактористов, участвует много других работников, но степень их участия разная. Разная определена и «добавка». Наравне с трактористами получают сеяльщики, а также те, кто протравливает семена и вносит удобрение, — работа тяжелая, а для урожая очень [illegible]. А вот шоферы, которые [illegible] семена и удобрения, уже получают «хлебные» вознаграждения только в половинном размере. Все остальные члены бригады, в том числе и работающие в животноводстве, при высоком урожае получают бесплатно около пятисот граммов хлеба на каждый заработанный рубль. Видите, сколько ступенек: от пятисот граммов до трех килограммов.

В «Авангарде» две комплексные бригады, они соревнуются меж собой, и на том же севе победители получают знамена и премии — словом, моральным стимулам здесь придается ничуть не меньшее значение, чем в других колхозах. Однако же если в некоторых колхозах переходящими вымпелами и сторублевыми премиями все и кончается, в «Авангарде», как мы видели, применяется строго продуманная система материального стимулирования.

Важно подчеркнуть принцип, в основе которого лежит заинтересованность пахаря в конечном результате своего труда — в урожае. И вот результат: в нынешнем году колхоз получил небывалый в наших краях, прямо-таки неслыханный урожай 35 центнеров на круг.

Я далек от мысли, что весь секрет высокого урожая в оплате труда и заключается. И все же...

В соседнем с «Авангардом» колхозе «Заветы Ленина», угодья которого раскинулись по тому же высокому правому берегу реки Пьяны, ищут другие, «свои» пути материального [illegible] механизаторов. [illegible]

Суть аккордной оплаты коротко в том, что механизаторы в течение весны и лета ежемесячно авансируются колхозом. И только по урожаю уже идет окончательный расчет.

Опыт нынешнего года дал прекрасный результат: выращен добрый урожай.

В «Заветах Ленина» не открыли да и не собирались открывать своими звеньями конечной продукции никакой Америки. Но пусть тот, кого смутило слово «открыть», спросит себя: дело проверенное, но почему оно так медленно продвигается по стране?

Хотелось бы подчеркнуть и, если так можно выразиться, психологический аспект затронутой проблемы.

Я видел, как в другом колхозе нашего же Сергачского района по краям поля, на котором потом были посевы свеклы, высились огромные, привезенные еще зимой груды навоза. Навоз — прекрасное удобрение, что и говорить. Однако же когда началась горячая пора весеннего сева, до навоза дело как-то не дошло. На одном краю поля, правда, кое-как, самое большее на сто метров в радиусе, навозные бурты [illegible] бульдозером. А на другом — прекрасное удобрение так и осталось сохнуть под солнцем не все лето. То самое удобрение, которое было очень нужно полю...

Надо ли объяснять, что в колхозе «Заветы Ленина», в звеньях конечной продукции подобное [illegible] не могло. Когда во время уборки комбайны шли плохо, [illegible] Кузьмин [illegible] с товарищами ночи не спали, сделали добрый десяток больших и малых усовершенствований, но добились того, что комбайны заработали по-настоящему. Так неужто они не нашли бы сколько-то часов, чтобы удобрить «свое» поле уже «готовым», заранее привезенным навозом!

Вот я и хочу сказать, что ведь Кузьмича [illegible] товарищи-трактористы, никто не заставлял не спать по ночам и думать о каких-то деталях и усовершенствованиях. Однако же силы и энтузиазма ему прибавляло и по ночам не давало спать, наверное, еще и то особое чувство, которое дается чувством хозяина земли. Новая оплата труда как бы поставила его лицом к лицу с землей: я пашу, я сею, я убираю, и как я сработаю — такое и будет результат моей работы. Я не поденщик на этом поле, не наемный работник, я хозяин.

Мы подошли к самому главному. Материальная заинтересованность — это не только рубли, рубли и рубли. Материальная заинтересованность в конечном результате своего труда рождает у человека высокое чувство хозяина земли, [illegible] работает. А в этом чувстве материальный стимул сливается воедино с моральным.

В печати (и в «ЛГ» в том числе) уже [illegible] о том, что [illegible] система оплаты [illegible] в противоречии с [illegible] смыслом [illegible] труда.

При всей [illegible] ные условия [illegible] принцип — [illegible] материальной [illegible] механизаторов в [illegible] результате своего труда. Пусть тракторист [illegible] полновластным [illegible] земли, на которой он работает!

В ответ на Обращение Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу повсюду в нашей необъятной стране, во всех отраслях экономики, в городе и деревне с новой силой разгорелось социалистическое соревнование. Условия его, меры морального и материального поощрения победителей изложены в двух [illegible] ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, касающихся [illegible] промышленности, строительства и транспорта, а также работников сельского хозяйства.

Обсуждению проблем девятой пятилетки, пропаганде лучшего опыта посвящены регулярно публикуемые нашей газетой статьи и очерки с «переднего края» социалистического соревнования, этой поистине великой битвы за сверхплановые сталь и хлеб, машины и удобрения, благоустроенные жилые комплексы и потребительские товары, дополнительные энергетические ресурсы и новые транспортные магистрали...

Сегодня писатель С. Шуртаков и журналист В. Каджая размышляют о том, какой могучий рычаг повышения эффективности общественного производства заложен в правильном сочетании моральных и материальных стимулов. Если эти пропорции найдены умело, по-научному точно, они способны преобразить труд и городского промышленного рабочего, и крестьянина-земледельца.

ПО СТУПЕНЯМ ПИРАМИДЫ

В. КАДЖАЯ

Индивидуальные обязательства сейчас берут везде, на каждом заводе. Но порой принцип их таков: токарь Иванов, например, обязуется выполнить пятилетку за три с половиной года, сэкономить столько-то металла и энергии, на столько-то процентов повысить производительность труда. То же обязуются сделать Петров, Сидоров и так далее. Обязательства записаны на бумажке, бумажка спрятана в тумбочку.

Поскольку соревноваться с самим собой невозможно, заключается договор. Например, тот же токарь Иванов обязуется выполнить пятилетку за три с половиной года, сэкономить столько же металла и энергии, на столько же процентов повысить производительность труда. И то же самое делает Петров. Но в отличие от первого варианта на этот раз Иванов заключает договор — с Петровым, Сидоровым, Федоровым и так далее. Решает ли это проблему? Далеко не всегда. Соревнование, как и в первом случае, носит нередко формальный характер.

Теперь в пору рассказать о новосибирском «Сиблитмаше». Здесь рабочие тоже берут индивидуальные обязательства, и вроде бы каждый соревнуется сам с собой. Итоги, как везде, подводят ежемесячно, скрупулезно фиксируют их на графиках и вывешивают для всеобщего обозрения. Но не только это!

«ИТОГИ» — ТОЛЬКО НАЧАЛО!..

На «Сиблитмаше» подведение итогов — это начало следующего этапа соревнования. Почти как в шахматах: чтобы добиться права на матч с чемпионом мира, надо сначала победить в межзональном турнире, затем — в состязаниях претендентов.

Скажем, рабочий «Сиблитмаша» выполнил свои обязательства. Перед ним новая цель — завоевать звание лучшего по профессии. Став лучшим трижды, человек получает премию и право пользоваться личным клеймом. Год работы с личным клеймом венчается званием «Отличник качества», премией и бесплатной путевкой в заводской дом отдыха «Обские зори». Но и это не все. В свою очередь «Отличник качества», проработавший на заводе не менее пяти лет, может претендовать на звание «Мастер — золотые руки». Тут уже ему вручаются особый диплом и вновь премия.

Следующая ступень пирамиды — «Кадровый рабочий». Этого звания удостаиваются лишь проработавшие на заводе не менее десяти лет. «Кадровый рабочий», помимо денежной премии, получает и 25-процентную надбавку к «тринадцатой зарплате».

И, наконец, вершина — «Ветеран труда», самое почетное звание на заводе. Завоевать его можно, лишь проработав на «Сиблитмаше» пятнадцать лет рабочим или десять — инженерно-техническим работником. В этом случае увеличивается и размер премии, и надбавка к «тринадцатой зарплате» составляет уже 50 процентов (у инженеров — 25).

«Мастер — золотые руки», «Кадровый рабочий» и «Ветеран труда» имеют также право на ежегодный бесплатный отдых со всей семьей в «Обских зорях».

Целая шкала поощрений разработана для мастеров. На «Сиблитмаше» «младшие командиры» пользуются повышенным вниманием. Раз в год им выдают костюм — форму, сшитую по заказу в ателье. Им оплачивают проезд к месту проведения отпуска и обратно. А главное — продумана опять же ступенчатая система поощрения и материального стимулирования в зависимости от выполнения участком декадного, месячного и т. д. планов.

Мастер, проработавший на заводе три года, если участок его четырежды в течение полугода завоюет первое место в социалистическом соревновании, удостаивается звания «Мастер 1 класса». Он получает персональную надбавку к окладу и к «тринадцатой зарплате». Если мастер проработал на заводе не менее 5 лет, а участок, возглавляемый им, первенствовал в течение года 8 раз и добился звания коллектива коммунистического труда, то мастер получает титул «заслуженного» и соответствующее повышенное материальное вознаграждение.

Чем привлекает принцип ступенчатости в соревновании? Прежде всего — своим динамизмом и перманентностью. Участие в соревновании превращается из формального факта в необходимое условие: не пройдя очередной ступеньки, не поднимешься на следующую — значит, останешься без той доли и почета, и материальных благ, которую влечет за собой переход.

ЗАРПЛАТА «СВОИМ СОЛДАТАМ»

В отделе кадров завода есть интересная картотека. В нее занесены, как правило, молодые парни или девушки, искатели «синей птицы», которые сначала поступили на «Сиблитмаш», потом уволились, поработали на других предприятиях, осмотрелись и... снова вернулись на старое место. Почему уходили? И почему вернулись?

— Каждый год к нам поступает несколько десятков ребят из профтехучилищ, — объясняет директор завода Павел Борисович Макарьев. — Как правило, народ очень зеленый, пять-шесть месяцев приходится их доучивать. Только выучили — подходит время призыва. После армии почти никто к нам не возвращался. Не потому, что у нас очень плохо, а из простого человеческого желания проверить: может, в другом месте поинтереснее? В то же время мы заметили, что те, кто возвращается на старое место, начинают, как говорится, с места в карьер, как будто ушли в армию не два года назад, а вчера...

Вывод напрашивался сам собой. И на «Сиблитмаше» стали смело вводить льготы для демобилизованных солдат — бывших рабочих завода. Если они возвращаются в «родные пенаты», им выдают сто рублей единовременного пособия (пятьдесят — безвозмездно, пятьдесят — в рассрочку на полгода), бесплатный обед в течение года, бесплатную спецодежду. Однако забота об этих парнях начинается задолго до демобилизации — практически со дня призыва. В отделе кадров записывают адреса родителей или родственников солдат, чтобы не терять их из виду, с ними постоянно переписываются, поздравляют в праздники, об их воинских успехах сообщают в заводской многотиражке, а номер газеты посылают в часть.

Результаты сказались сразу же. В позапрошлом и прошлом годах почти половина отслуживших свой срок сиблитмашевцев вернулась на завод. Посчитали, что этого мало. И ввели новую льготу: в коллективный договор на 1973 год было внесено положение о том, что, если рабочий, уходя в армию, оставит трудовую книжку на заводе, ему начисляется «тринадцатая зарплата» за каждый год службы. Таким образом, демобилизуясь, солдат знает, что на заводе его ждет весьма приличная сумма, которая поможет без хлопот начать гражданскую жизнь.

— А если кто не оставит трудовой книжки, но, отслужив, все-таки решит вернуться? — спросил я Шипоше, председателя завкома.

— Оставлять книжку в отделе кадров — это скорее ритуал, — ответил Юрий Иванович. — Если кто-либо по каким-то причинам не захочет вернуться, мы ему во всех случаях обязаны возвратить трудовую книжку. Согласно закону. Ну, а если кто-то не оставил книжку, однако после демобилизации сразу же вернулся к нам, мы ему тоже выплатим обе «тринадцатые зарплаты» или три, если он отслужил три года. Ну и плюс пособие.

Вот почему на «Сиблитмаше» уверенно надеются увидеть на будущий год на старых рабочих местах весь призыв 1973 года.

— А если солдат вернется, получит свое пособие и «тринадцатые зарплаты», а через месяц все-таки подаст заявление об уходе? — этот вопрос я задал уже директору завода.

— Доля риска есть. Но, во-первых, мы исходим из того, что людям надо верить. Раз человек говорит, что будет работать, значит, он будет работать. А во-вторых, мы делаем все для того, чтобы ему нравилось работать на «Сиблитмаше».

Работа с призывниками и демобилизованными солдатами — лишь часть большой программы по закреплению кадров, которую проводят на заводе. Проводят с размахом и с большим пониманием нужд своих работников: бесплатное одноразовое питание для выпускников профтехучилищ, а во вторую смену — для всех станочников; льготы для женщин-станочниц — бесплатное питание, дополнительный отпуск, два комплекта спецодежды по заказу за счет завода.

[illegible] тысяч обходится содержание собственного дома отдыха. Шесть тысяч рублей стоит пошив спецодежды. Итого — до восьмидесяти тысяч рублей ежегодно?

— Конечно, дорого, — соглашается со мной Макарьев. — Но ведь спецодежду, которую мы получаем, уважающий себя рабочий надевать не станет. Деньги берем из фонда соцкультбыта. Хозяйственная реформа позволила широко использовать различные меры поощрения. И мы стараемся не упускать ни малейшей возможности.

ПРОЦЕНТЫ ОТ ЦВЕТОВ

В социалистических обязательствах сиблитмашевцев на пятилетку записано: добиться звания предприятия высокой культуры. Перефразируя известное высказывание тургеневского героя, постараюсь выразить отношение Макарьева к заводу: завод не мастерская, а храм. Храм труда. Действительно, по «Сиблитмашу» приятно пройтись. На всем печать ухоженности. В цехах — чистота и порядок, в механических полы покрыты мраморной крошкой. На такой пол не станешь брызгать эмульсией. В шестом механическом стены облицованы светлым кафелем. И не просто облицованы, а украшены мозаикой.

Было бы ошибкой думать, что борьбу за культуру на заводе сводят к цветам, чистоте полов и люминесцентным лампам. Главное, конечно, техническое перевооружение. Мне показывали участок — восемнадцать станков с программным управлением. Применение универсально-сборочных приспособлений только в минувшем году дало экономический эффект 90 тысяч рублей. Сварочные работы механизированы на 90 процентов, а к концу пятилетки будут механизированы почти полностью. И так далее, и так далее. Но все это — вопросы технической политики. Моя же задача — рассказать о той политике, где главным объектом является человек.

Трудно подсчитать экономический эффект чистого пола или вкусного обеда. Но Макарьев без тени наигранности говорил, что он гордится заводской столовой не меньше, чем новой продукцией, производство [illegible] «Сиблитмаш».

И понятно: [illegible] эффект [illegible] окунается в атмосферу заботы, внимания, [illegible] заинтересованность [illegible].

Я бы не хотел, чтобы у читателя создалось [illegible], что на «Сиблитмаше» всякие блага [illegible], как из рога изобилия. Да, действительно, [illegible] ных званий и [illegible] премий и выплат на заводе много. Однако добиться этих званий не так просто. Тут их не раздают направо и налево.

— Мы не стремимся к тому, чтобы заслуженных у нас было «навалом», — говорит Павел Борисович Макарьев. — Важнее, чтобы к почетным званиям стремилось побольше людей. Правда, нас нередко предупреждают скептики, чтобы мы не увлекались льготами. Если завтра завод завалит план, фонды тут же полетят к черту, а с ними и все льготы. А ведь люди уже привыкли к ним и считают их само собой разумеющимися. Поэтому потеря будет восприниматься как материальный ущерб, как уменьшение заработка. Это резонное замечание. Но, во-первых, план мы заваливать не собираемся, для того и стараемся, чтобы работать все время лучше, а во-вторых, мы постоянно объясняем коллективу, откуда берутся деньги на бесплатные обеды и на бесплатные путевки.

...Постараемся подвести «баланс». Что дали контроль, гласность и стимулы в соревновании, а также путевки, обеды, цветы, кафельные стены, именные инструменты и прочее, и прочее?

А вот что. До 1968 года завод не выполнял плана, был не просто убыточным, а разорительным, текучесть кадров доходила до трети состава. За минувшую пятилетку «Сиблитмаш» стал рентабельным предприятием, а текучесть снизилась ровно [illegible]. Таковы, фигурально выражаясь, «проценты от цветов».

НОВОСИБИРСК

В РЕДАКЦИЮ ПРОДОЛЖАЮТ ПОСТУПАТЬ ОТКЛИКИ НА МАТЕРИАЛЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПОД РУБРИКОЙ «ЛЮДИ И ВЕЩИ» («ЛГ», № 6, 1974). КАК ВИДНО ИЗ ПУБЛИКУЕМЫХ НИЖЕ ПИСЕМ, ЧИТАТЕЛИ ПРОЯВЛЯЮТ БОЛЬШОЙ ИНТЕРЕС К АКТУАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ВОЗРАСТАЮЩЕГО МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ.

ВСЕ, КОНЕЧНО, СОГЛАСНЫ С ТЕМ, ЧТО ВЕЩИ ПОЛЕЗНЫ, ЧТО ХОРОШИЕ ВЕЩИ ХОРОШИ, ЧТО ОНИ ОБЛЕГЧАЮТ НАМ ЖИЗНЬ, СЛУЖАТ... ДА, ВЕЩИ ХОРОШИ, КОГДА ОНИ НАМ СЛУЖАТ. НО ОНИ МОГУТ СТАТЬ ОПАСНЫМИ, КОГДА ЗАСТАВЛЯЮТ НАС СЛУЖИТЬ СЕБЕ, КОГДА ПРЕВРАЩАЮТСЯ В КУЛЬТ, ТРЕБУЮЩИЙ, КАК И ВСЯКИЙ КУЛЬТ, ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ. ПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ НЕ ЦЕЛЬ, А СРЕДСТВО, УСЛОВИЕ ВСЕСТОРОННЕГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ, ЕЕ ДУХОВНОГО БОГАТСТВА, НРАВСТВЕННОЙ КРАСОТЫ. ТАКОВ ЛЕЙТМОТИВ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ПОЧТЫ.

ЛЮДИ И ВЕЩИ

БУКЕТ ПОЛЫНИ

С БОЛЬШИМ интересом прочитал этюд «Букет от Юры» и хочу поделиться своими соображениями.

Вещей у нас становится все больше. И каждый «в меру пьющий, в меру курящий» может их приобрести, никого не удивив. Пусть будет еще больше и гарнитуров, и ковров, и против автомобиля ничего не имеем — это не роскошь, а средство передвижения. Материального благосостояния мы не отрицаем, и постоянный рост его — основная задача девятой пятилетки.

Но мы против того, когда гарнитуры, ковры, машина и прочие вещи становятся главным в основным содержанием и всем смыслом жизни, когда мы становимся рабами вещей и разговоров о них и когда беспощадно обкрадываем себя и других духовно. Мы против того, чтобы в нашем сознании и в наших делах вещи оттесняли на второй план наши коммунистические идеалы.

Мы не против импортных вещей, но против импортной «идеологии вещей» и культа вещей, культа потребления.

Мы за то, чтобы наряду с заботами о росте материального благосостояния не забывать и о другой стороне — воспитании у советского человека разумных потребностей. И этой, второй стороне дела мы еще не уделяем достаточного внимания: ни в семье, ни в школе, ни на производстве, ни в нашей повседневной пропагандистской работе. «...Потребность самоограничения должна быть развита у каждого, независимо от его положения, в этом и будет заключаться дальнейший нравственный рост нашего общества...» — верно сказал писатель Г. Медынский.

...Комсомолка восторженно рассказывает о своей поездке в социалистическую страну, о встречах, вечерах, дружбе, музеях, памятниках. Глаза ее искрятся. А у ее собеседника этот рассказ вызвал один лишь вопрос: «А что вы оттуда привезли хорошенького?» Огонек в глазах комсомолки потух. Стыдно, неловко...

...Двое прекрасно работают, выполняют и перевыполняют задания, оба хорошо зарабатывают и ходят в передовиках. Но один работает сознательно, на благо общества, интересуется окружающей жизнью, вмешивается в нее, изменяет ее. Другой работает в первую очередь только для себя, для своей усадьбы, своего кабанчика, своего виноградника, своего гаража — все это заслоняет от него окружающий мир. Налицо переход количества в качество. И нравственно такой «муравей-труда-га» ненамного выше того «рабочего аристократа», в котором буржуазный мир воспитал послушного потребителя, ненамного выше русского «зажиточного мужика» 20-х годов.

Но вот вопрос: почему живут пережитки и почему на одних они влияют, а от других отскакивают? Почему одни пережитки изживают себя, а с другими борьба приняла затяжной характер? Почему одна часть людей усваивает негативные взгляды, другая — не только не усваивает, но и активно утверждает наши, коммунистические идеалы, а третья — с ухмылочкой наблюдает за теми и другими — во что это выльется? Полюса, крайности, а между ними — шатания, колебания иных молодых людей, нелегкие поиски: «с кого же делать жизнь».

В чем здесь наша вина, идеологических работников, преподавателей, всех старших? Не в том ли, что в семье прививаем любовь к своему, к «нашему» и не всегда — к общему, к государственному? Не в том ли, что в школе, не всегда умея разобраться в противоречиях социалистического общества, мы показываем его односторонне, зачастую приукрашиваем, боимся показать наши недостатки, причины, их порождающие, и, что самое главное, не научились учить нашу молодежь, как же бороться с этими недостатками, как расценивать их, как противостоять им?

Не в том ли, что выпускник школы, придя на производство и нередко видя все еще бытующие здесь неорганизованность, неразбериху, потери времени, начинает разочаровываться в том, чему его учили, и разочаровываться потому, что мы не подготовили психологически его к этому, не научили бороться, противостоять, утверждать коммунистическую мораль? А разочаровавшись, начинает фетишизировать потребление, становится еще одним жрецом Культа Вещей?

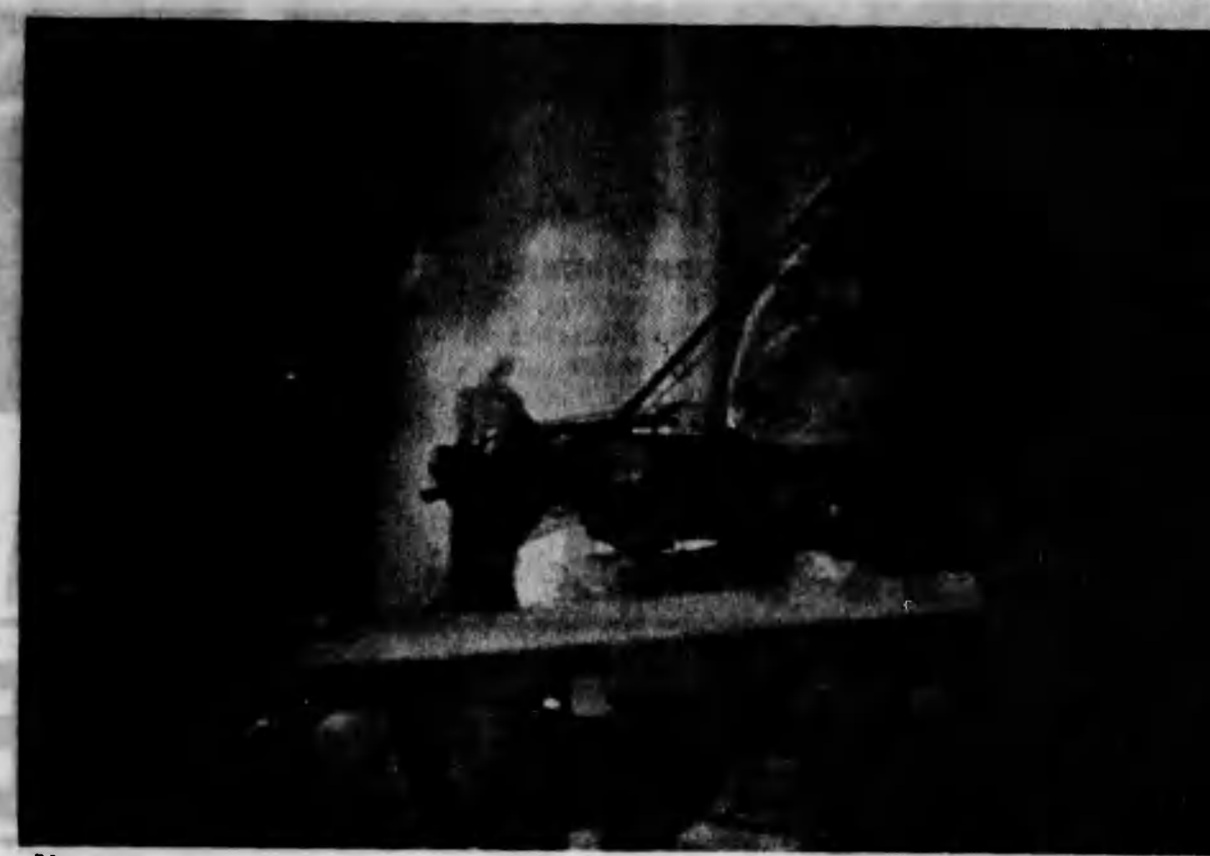
В. ЕФРЕМОВ,
инструктор Краматорского горкома КП Украины
Донецкая область

ЧТО В ЧИСЛИТЕЛЕ?

ИЗВЕСТНО, что Л. Н. Толстой предлагал ценить человека в соответствии с двумя критериями: 1) числитель — это достоинства человека; 2) знаменатель — это оценка человеком самого себя. Считаю, что аналогично обстоит дело и с проблемой «Люди и вещи». Увлечение вещами — это поистине род недуга. Но для кого этот недуг опасен? И в какой степени? Воспользуемся формулой Л. Н. Толстого. Поставим в числитель высокую культурность, идейность, гражданскую зрелость и общественную активность человека, а в знаменатель — увлечение вещами, усилия, затрачиваемые на их приобретение.

Общеизвестно, что из дробей с равными знаменателями та больше, у которой больше числитель. Также известно, что из дробей с равными числителями та больше, у которой меньше знаменатель. Отсюда ясно, для кого опасен этот «недуг». Не думаю, что человеку подлинной культуры (независимо от рода занятий, наличия диплома и т. д.) страшны вещи, он совладает с ними, не даст им поработить себя. Напротив, если чувствуешь, что не хватает пока культуры, узок круг интересов, не стремись «увеличивать знаменатель», дабы не получить при делении дроби «коэффициент мещанина».

Л. ФАКТОРОВИЧ
гор. ЭНГЕЛЬС
Саратовской области



Вдохновение

Фото **А. ГАРАНИНА** («Советский Союз»)

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Меня, вашего давнишнего читателя, взволновал этюд В. Кокашинского «Букет от Юры», да он, собственно, для этого и написан. Исполняю желание автора и высказываю свое мнение по поводу мыслей и образов этюда. Не знаю только, с чего начать. Пожалуй, с того, что всего больше рассердило, — *с того*, что находятся люди («сыщики»), которые считают Людочку женщиной и по ней судят о всех женщинах. Люда — не женщина. Она, поклоняющаяся вещам, — сама вещь, которую просто покупают. Это ее устраивает, ей нравится быть вещью именно потому, что Вещь — это ее бог и ничего выше, ценнее вещи на свете нет. А интеллектуальное оформление — это всего лишь сдвиг моды.

Раньше у определенного круга людей было модно ужинать «у Яра» с цыганами, сейчас у такого же по культурности круга людей модно небрежно упомянуть в разговоре с приятелями: «Я у композитора такого-то был, новую ораторию пишет. Показывал кое-что. Неплохо...» Но ходят они в эти «интеллектуальные места» не *потому*, что там им интересно и они действительно понимают что-нибудь в музыке, а затем, чтобы можно было потом об этом упомянуть.

В рассуждениях Людочки о мужчинах вообще и о Юрочке в частности нет ни слова о чувстве, симпатии, любви — только спокойный подсчет тех благ, которые Юрочка (или вообще мужчина) сможет оплатить. Как назвать такую «философию»? И откуда она взялась у нас?

Материальное благосостояние растет, свободного времени у людей становится больше, а вот распорядиться этим богатством мы еще не умеем.

Очень нужную и важную тему поднял В. Кокашинский. Пишите об этом больше, резче, напористей!

В. БЛАГОСКЛОНОВА
МОСКВА

■

Материальное положение рабочего человека действительно улучшается, но все же оно не позволяет ему проводить вечера в ресторанах и ездить на выходной в Сочи. А люди типа этого инженера-скорняка могут себе это позволить да еще хвастать этим, потому что они открыто «делают деньги», все это видят, за углом обсуждают... Теперь вот обсуждает газета, но пойдет ли дело дальше этого? Сегодня есть, как говорил О. Бендер, «четыреста сравнительно честных способов отъема» денег — это дефицитные товары, лежащие под прилавком, которые можно получить только за солидную мзду или за встречную услугу такого же рода, это всякого рода шабашничество в сфере бытового обслуживания и т. д. Приходит ли вам в голову, что «предприимчивые люди» — это те, кто паразитирует на неповоротливости и некомпетентности некоторых наших организаций и предприятий, особенно в сфере обслуживания?

В. СЕЛЕЗНЕВ
гор. МОЗДОК
Северо-Осетинской АССР

■

Прочитав письмо директора учхоза В. Ключникова, моя жена мне так сказала: «Вот и ты такой же, не умеющий жить. 28 лет отслужил в Советской Армии, более трех лет воевал, имеешь награды, ранения и больше ничего. Была возможность построить дачу — не мог воспользоваться, как это делают другие, а теперь сиди, помалкивай». Это она сказала не из жажды к обогащению. Я ее знаю, она честно и скромно трудится. В своеобразной форме она выразила признательность мне и мне подобным за то, что мы твердо храним наши принципы. И все же была в ее словах какая-то обида. Признаюсь, хотя я и понял смысл ее слов, но и мне слушать такое было обидно.

Н. КУСКОВ
ЗАГОРСК
Московской области

ПОДДАННЫЕ СТРАНЫ ГАРДЕРОБИИ

ЕСТЬ ЛИ предел человеческим потребностям? Наверно, нет. Ведь постоянная неудовлетворенность достигнутым — источник вечного поиска, великих открытий, нашего неуемного стремления улучшать и совершенствовать все и вся.

Так было, есть и будет. Тревожно другое — когда весь смысл жизни человека сводится лишь к удовлетворению «вещных» потребностей и когда эти свои потребности он стремится удовлетворить, не считаясь с возможностями общества и за его счет. Об этом интересно и заинтересованно размышляет В. Кокашинский в этюде «Букет от Юры». «Подданные страны Гардеробии» — так, со смешанной гримасой презрения и сожаления, назвала одна пожилая, скромная женщина-библиотекарь героинь этюда.

Только, думаю, мы впадем в серьезную ошибку, если скажем, что потребности Людочки чрезмерны — это будет рецидивом «философии аскетизма». Очевидно, когда-нибудь слетать на выходной в Сочи для всех нас будет не большей проблемой, чем обычный загородный выезд сегодня. Впрочем, я знаю одного ученого, который уже много лет совершает вояжи из Ленинграда к черноморским пляжам на день-два. По пятницам он вылетает в Крым, а в понедельник возвращается в свой институт. Но между ним и Людочкой есть некоторая разница. Наш ученый право на такой отдых заслужил. Обществу он дает гораздо больше того, что у него берет. И смысл своей жизни видит в том, чтобы давать, а не брать.

Потребности Людочки не чрезмерны, они однобоки (это, смею думать, ее личное несчастье) и незаслуженны (это, полагаю, ее вина перед обществом). В. Кокашинский допускает, что Люда поедет в Сочи на «не вполне честным путем добытые деньги». Ну, а если не вполне? Если она жена не скорняка, а ученого, чей труд высоко оплачивается обществом? Необходимо приучать людей, что права даются тому, у кого есть обязанности и кто их честно выполняет, и что эти права надо заслужить. Учить этому надо и в школе, и в семье. Дочь ученого еще не заслужила права на увеселительные поездки в Сочи. Если пятиклассник или студент приезжает на занятия в служебной машине папы — это уже начало Людочки. Кстати, скромность самого папы — лучший способ воспитания. Коль скоро сегодня еще не все потребности большинства может удовлетворить, то тем, кому общество дает сегодня больше других, надо проявлять сдержанность в своих потребностях. Ведь порой действительно заслуженные папы и мамы выставляют напоказ свои возможности. В годы «вынужденного аскетизма» одна мамаша кормила свое чадо бутербродами (белая булка с маслом и вареньем — неслыханная роскошь для большинства в те годы) обязательно во дворе. Смотрите все.

Есть у человека одна прекрасная потребность. Создавать, творить. Отдавать людям свои знания и способности и получать от этого удовлетворение. Но для этого нужно найти ту работу, где эти знания и способности раскроются наиболее полно. Поэтому не будем торопиться с осуждением Юры за измену прежней профессии. Пусть лучше он будет хорошим скорняком, чем плохим самолетостроителем. Это лучше и для него, и для общества. Обществу порой выгоднее потерять деньги, затраченные на напрасное обучение, чем десятилетиями платить зарплату «специалисту», занимающему не свое место, в то время как его подлинный талант пропадает втуне.

И, наверно, Юра способный скорняк, коль он зарабатывает столь большие деньги. Ведь есть немало скорняков, для которых и разовая поездка в Сочи не время отпуска не такое уж простое предприятие, а сегодня труд людей многих других профессий оплачивается выше, чем работа скорняка. Другое дело, если Юрин заработок складывается из сумм, «добытых не вполне честным путем». Но это уже дело ОБХСС и финорганов. У этих учреждений есть тоже немало возможностей для «разумного формирования потребностей» тех, кто пытается удовлетворить их за счет нашего общества.

В. ШИНДЛЕР,
преподаватель ГПТУ № 25
МИНСК

Марк ДЕЙЧ

СИМЕНОН? ПОЖАЛУЙСТА!

НЕСКОЛЬКО ПРЕДЛОЖЕНИЙ О ТОМ, КАК ПОМОЧЬ КНИГОЛЮБАМ

— КТО что ищет? Есть все!..

Ну, это он, положим, врет — «всего» у него, конечно, нет; библиографических редкостей, не говоря уж про инкунабулы, у таких, как он, не бывает. Зато последние дефицитные издания — это пожалуйста: Роберт Рождественский, «Зарубежный детектив», подписные на Достоевского, воспоминания о Шаляпине, братья Стругацкие... И все это — в избытке, по нескольку экземпляров, можно даже выбрать покачественнее, как в магазине. Цены только не магазинные. Ценами, правда, на «толкучке» не удивишь, а голос у парня веселый, приглашающий, вроде как у зазывалы на ярмарке, и на отсутствие клиентов жаловаться ему не приходится...

Уже много лет каждое воскресенье в прихожу сюда, в проезд Художественного театра, на «книжную биржу». Почти всех завсегдатаев я знаю в лицо, с многими на «ты»; знаю, что вот этот инженер с завода электровакуумных приборов меняет шесть книжек из серии «Сокровища лирической поэзии» на двухтомник Андерсена, слесарю с ЗИЛа необходим «последний Шефнер», санитару со «Скорой» — Михалков («Библиотеку для сынишки собираю...»), а кандидат философских наук из МГУ, вон всегда, рыщет в поисках недостающих томов [illegible] собрания сочинений Пушкина...

К [illegible] здесь уже [illegible].

— ...«Шпион и Минотавр» Вайнеров? Читал. Ничего. Не поймешь, правда, чего больше — детектива или истории...

— ...И шеститомник Паустовского неплохо бы переиздать. А то даже здесь уж года три, как не появляется...

— ...«Кузнецкий мост» Саввы Дангулова не попадался? Второе воскресенье подряд не могу поймать...

— [illegible]

А мимо [illegible] день воскресный, людный, в улочке узенькой, и обычные пешеходы, чертыхаясь, с трудом продираются сквозь этот улей, оставляя на тротуаре пуговицы.

Почти каждое воскресенье в число нескольких сотен других людей в прихожу сюда, зачастую просто так, без дела, потому что есть в ней, в этой «книжной бирже», нечто привлекательное. Конечно, бывают тут и «пришлые», «небогающие» от случая к случаю, но «ядро» остается неизменным. К сожалению, «ядро» это состоит не только из одних библиофилов...

О «толкучке» в проезде МХАТа писали не раз.

Намного ли поредели ряды книжных спекулянтов за годы борьбы с «толкучкой»? Пожалуй, нет. Более того, «книжная биржа», если можно так выразиться, прогрессирует: вначале здесь собирались только по воскресеньям, потом прибавилась суббота, а теперь, уже несколько лет, и в будние дни, вечерами, начиная часов с пяти, в проезде МХАТа можно видеть изрядную толпу.

И все-таки представим себе, что органы милиции сумеют наконец привить пяти-шести «акулам» и десятку более мелких спекулянтов уважение к советским законам. А как же остальные? Те тысячи людей, вовсе не спекулянты, которые приходят сюда ради общения с такими же, как и они, библиофилами, ради самих книг? Как же быть с ними?

Какие только предложения не выдвигались! Предлагалось, к примеру, отвести специальное место, естественно, не в очень людном районе, где книголюбы на вполне законных основаниях будут собираться для своих разговоров и обменов. Чем плохо? Существует же в Москве «Птичий рынок», и никто из административных органов не интересуется, какие здесь цены на собак, сиамских кошек или корм для рыб.

Другая, не менее интересная идея — книжный аукцион. «Удалось бы осуществить регулярную работу такого аукциона, — утверждают сторонники этой идеи, — и спекулянты лишились бы «хлеба насущного». Опять же той организации, которая возьмется за проведение, польза: в виде определенного процента от продажи...»

Очень хорошо! Однако любителей и знатоков антиквариата не так уж много. А вот как объяснить продажу под стук аукционного молоточка, скажем, сборника романов Сименона! Вроде бы совсем недавно выпущенная книжка, на корешке — проставленная государством цена — и вдруг «...кто больше?» Получается если и не спекуляция, то уж настолько «почти», что роль организации, проводящей подобные аукционы, выглядит несколько странно.

Какое же выход? И есть ли он вообще?

— Выход есть, — убежденно говорит директор «Москниги» С. Е. Поливановский — Клуб книголюбов.

Клуб — это обязательно свой устав, строго определенные дни собраний, непременные лекции и членские билеты. Такая форма имеет полное право на существование, [illegible] многих книжников. Но, повторяю, далеко не всех. Ибо те, кто заполняет проезд Художественного театра, хотят встречаться друг с другом тогда, когда это удобно им, а не правлению клуба, да и лекции не очень-то входят в их планы. Просто — повидаться со знакомыми, похвастаться последними приобретениями, обсудить готовящееся собрание сочинений, договориться об обмене... И все это тогда, когда хочется, когда есть настроение и желание, а не в строго обязательные «от» и «до».

Другая разновидность подобного клуба — «Кафе книголюбов» — тоже имеет свои изъяны в виде обязательных столиков и официальной обстановки. В «Кафе» непременно раздеваться надо, а у человека под плащом или пальто, может, домашняя одежда, ему раздеваться стеснительно, а специально наряжаться для того, чтобы со своими приятелями-книжниками за столиком посидеть, ему и вовсе лень. Опять же кафе оно и есть кафе, у него план, значит, не стоишь за столиком — что-то стоять должно...

Поэтому, соглашаясь с С. Е. Поливановским в том, что в решении проблемы «биржи» поможет клуб, все же хочется задать вопрос: а нельзя ли сделать этот будущий клуб как можно менее официальным и как можно более доступным?

— Конечно, можно, — считает писатель В. Г. Лидин. — Представьте себе большой букинистический магазин с опытными продавцами — таких, кстати, пока еще очень мало, — которые дадут любую касающуюся книг консультацию, где можно самому порыться в книгах, обсудить с приятелями их достоинства и недостатки, произвести обмен...

— В этом новом букинистическом магазине можно было бы осуществить и еще одно нововведение, — поддерживает В. Г. Лидина доктор искусствоведения И. С. Зильберштейн. — Как известно, каталоги, по которым производится скупка книг, быстро устаревают. Да и цены, указанные в них, далеко не всегда отражают истинный спрос на то или иное издание. А почему бы посетителю, посоветовавшись с продавцом, самому не устанавливать продажную стоимость принесенной им книги? Попутно решается и проблема спекулянтов: в таком магазине им просто нечего делать.

— Предложение мне кажется, несомненно, интересным, — поддерживает литераторов С. Е. Поливановский. — О чем-то подобном думаем и мы, подготавливая открытие на улице Чехова Дома букинистической книги.

В Доме букинистической книги мы намерены ввести еще несколько новшеств. Одно из них — отдел обменного фонда. Любой посетитель, желающий обменяться книгами, просмотрев специальную картотеку, сможет узнать, кто интересуется имеющимися у него изданиями и что предлагается ему взамен.

Все эти меры, осуществленные, конечно, не сразу, но последовательно, должны, я думаю, привести к решению проблемы «книжной биржи».

Итак, Большой книжный рынок, аукцион или букинистический магазин-клуб? А может быть, с определенными поправками и то, и другое, и третье? Было бы очень важно — особенно накануне учредительного съезда Всесоюзного добровольного общества любителей книги — услышать мнение по этому поводу непосредственно заинтересованных лиц: работников Министерства культуры, Книготорга, букинистов. И, конечно, самих книголюбов.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» под рубрикой «Люди и вещи» поставила на обсуждение читателей очень важную проблему — правильное формирование и разумное удовлетворение потребностей.

НЕ ВСЕ ТО ЗОЛОТО...

За последнее время значительно улучшилась материальная обеспеченность советских людей. Это отрадное явление. Вместе с тем, как мне кажется, наметились некоторые теневые стороны этого процесса: я имею в виду стремление отдельных лиц к приобретению слишком дорогих вещей. Создается что-то вроде культа вещи.

Желание создать комфорт в жизни — дело хорошее. Но, говоря словами В. Кокашинского, преодолев «аскетизм тех трудных лет», надо разумно подходить к решению этой проблемы не только отдельным лицам, но и обществу в целом. Мне кажется странным и ненормальным для социалистического общества, что в наших магазинах продаются вещи, цена которых вызывает сомнение в целесообразности их производства. Судите сами. Есть комнатные люстры стоимостью 1000 рублей, золотое кольцо с драгоценными камнями — 2000 рублей, дамская шубка — 4000 рублей.

Скажите, пожалуйста, зачем нужны такие дорогие вещи?! Я не за то, чтобы наши женщины ходили в ватных телогрейках и подшитых валенках. Но категорически против производства чрезмерно дорогих вещей, которые делают человека рабом самой вещи, вызывают в жизни совершенно бессмысленное состязание — а у кого дороже. Женщина должна быть современно, модно, красиво и целесообразно одета, но это не значит носить на себе свое состояние демонстрировать его окружающим, вызывая у этих окружающих чувство какой-то ущербности, ущемленности, желание от этого чувства избавиться, приобретая себе тоже нечто сверхдорогое. Я не убежден, что все покупающие такие вещи заплатят за них честно заработанные деньги. Погоня за дорогими вещами, практически не нужными, цена которых совершенно не соответствует их реальной пользе, — это страшная зараза, которую, по-моему, наше общество может и должно пресечь простым способом — прекратить их производство и продажу.

Но есть дорогие вещи, которые безусловно необходимы, полезны, могут облегчить жизнь. Например, легковой автомобиль. Что же вокруг него происходит? Владельца личного автомобиля как будто подменили. Раньше он был активным общественником, жил интересами коллектива. Теперь же у него на уме гайки, шестеренки, бензин, керосин, автопокрышки и всякие запчасти. На собраниях он теперь сидит на задних скамейках, одетым, с головным убором в руках. Не выступает с предложениями, а с места кричит: «Докладчику 30 минут много, хватит 15». После двух выступивших предлагает прекратить прения и, сорвавшись с места, бежит к своей «ненаглядной» — «Волге», «Жигулям» или «Москвичу». Несмотря на два выходных дня, ему, бедолаге, и почитать некогда. У себя во дворе я как-то спросил у такого «счастливца», какую последнюю книгу он читал. Тот ответил: «Далеко от Москвы» В. Ажаева. Да, далеко же ему до современной литературы! Человек этот стал «богаче» материально, но обнищал духовно. А это уже совсем плохо.

Только ли сам этот несчастный автовладелец виноват в своей незавидной судьбе? Не думаю. Если бы для нормального пользования дорогостоящей, полезной вещью, будь то автомобиль, дача или спортивный катер, были созданы все условия (я имею в виду наличие запасных частей, обслуживание, ремонт и т. д.), то владение такой вещью, возможно, и не делало бы из человека раба ее. Так что вот вам вторая важная общественная задача.

Правильно сказано в вашей газете, что наша работа по формированию разумных потребностей отстает от роста материального благосостояния советских людей. Но как сделать, чтобы она не отставала, — вот вопрос. Мне кажется, многое в этом направлении могут и должны подсказать наши социологи, экономисты.

Н. ТОКМАКОВ
СВЕРДЛОВСК

От редакции

Читателя, возможно, удивит «направление» публикуемых на этой странице писем. Все это мнения людей, не разделяющих «философию Людочки», философию меркантилизма, отвергающих и осуждающих культ вещей. Читатель может подумать, что редакция тенденциозно подобрала эти письма, оставив противоположные мнения в редакционном портфеле.

Нет, не оставила. Противоположных писем пока попросту нет, не получено ни одного, и это уже в свою очередь удивляет редакцию. Раз философия «умения жить» существует, то худо ли бедно, должны быть и ее «теоретики» — защитники, обоснователи, толкователи. Предположить, что их так мало, что ни один из них не является подписчиком «Литературной газеты», трудно. Возможно, те, кто хотел бы защитить Людочку, — в конце концов это тоже «дело принципа», — опасаются, что их письма, ввиду того, что редакция не разделяет упомянутой философии, не будут опубликованы, и потому не стоит тратить попусту время и бумагу. Опасения напрасные: в дискуссии незыблем принцип «Пусть будет выслушана и противная сторона».

ЗОДЧЕСТВО В ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ВЕК

ДИАЛОГ

Георгий БОРИСОВСКИЙ, доктор искусствоведения, архитектор, — Леонид ПАВЛОВ, профессор Московского архитектурного института, руководитель мастерской № 1 «Моспроекта-2»

КРАСОТА, ПОЛЬЗА, ОБРАЗ

Г. БОРИСОВСКИЙ. Искусству противопоказано однообразие, и архитектура в этом отношении не исключение. Но как в условиях массового строительства, основанного на стандартах, сделать, чтобы архитектура осталась искусством? Чтобы города и дома не были похожи один на другой? Чтобы можно было гулять по улицам, получая эстетическое удовольствие?..

Однообразие людям стало уже невмоготу. Отчасти этим можно объяснить различные формы «архитектурной самодеятельности» жителей стандартных домов. Хотя это, разумеется, не выход из положения, но, признаюсь, я тоже не удержался и с помощью жильцов раскрасил фасад.

Конечно, это не метод борьбы с однообразием, но все же дом перестал быть стандартным — у него появилось свое «я». Вот если бы о таких вещах зодчие заботились заблаговременно...

Л. ПАВЛОВ. Вы говорите о декоративности. Мне кажется, не о ней в основном надо заботиться... Когда мы, архитекторы, получаем какое-то задание, то прежде всего выполняем социальный заказ, поскольку здание для чего-то предназначено, оно должно исполнять какие-то функции, так? Но знаете, что интересно? Социальное назначение сооружения меняется очень быстро, а ведь здания живут века. Живут, хотя давным-давно морально и функционально устарели. Но, значит, что-то в них остается?

Г. БОРИСОВСКИЙ. А что остается?

Л. ПАВЛОВ. Эстетика! Она переживает все, о ней-то и надо думать... Вот вы видите: на зеленом лугу у Нерли стоит белый храм. Его социальное значение каково? Сейчас, в наши дни? Ноль, так? Функциональное? Абсолютный ноль. Сугубо строительная часть тоже не представляет интереса: теперь мы можем скопировать десяток «похожих» церквей, сто, если захотим. Но с эстетической точки зрения ценность этих копий будет невелика, а подлинный храм на реке Нерли — шедевр зодчества, верх эстетики! Потому что в нем прекрасно все — от мельчайшей детали до пластической формы всего здания. Так вот, мне кажется, здания не имеет смысла украшать — их надо строить красивыми. В целом. Это гораздо правильней.

Г. БОРИСОВСКИЙ. Конечно, украшения — не архитектура. Но можно ли создать архитектуру, адресуясь только к утилитарному, функционально полезному, к рациональному?.. В архитектуре бесполезное так же нужно, как и полезное.

Во всех учебниках можно прочитать, что Парфенон — пример единства полезного, рационального и прекрасного. Но, с точки зрения функции, я не знаю более бесполезного здания, чем Парфенон: колоннада не защищает ни от дождя, ни от солнца, портик тоже утилитарно бесполезен. Но Парфенон и в развалинах прекрасен!

Человек перестает быть человеком, если у него отнять бесполезное. Ему необходимо создавать как будто бы бесполезное — в утилитарном, что ли, смысле, но полезное духовно... Вспомните дом Жолтовского около Смоленского метро, башенку, увенчивающую дом. Бесполезная башенка, скажете? Но как она меняет силуэт здания, какую придает выразительность, значительность! Разве это бесполезно?

Я вовсе не хочу сказать, что нужно вернуться к эпохе украшательства. Мы ведь и сейчас иной раз создаем бесполезное. Только вот в чем разница: великие мастера архитектуры, в том числе и периода русского классицизма, не подменяли бесполезное видимостью полезного. А мы часто занимаемся тем, что делаем бесполезную вещь, выдавая ее за полезную. Да вот, пожалуйста, — лоджии в домах на Севере, зачем они там нужны? А чтобы оформить фасад, дать какие-то вертикальные членения. Эта функционально бесполезная вещь прошла легко и просто потому, что тут за бесполезностью — видимость полезного: как же, лоджия!

Хочу повторить, что у старых мастеров древней русской архитектуры бесполезное оставалось функционально бесполезным, но эстетически было прекрасно, а потому полезно.

Л. ПАВЛОВ. Нет, не согласен с вами. Я думаю, что колоннада Парфенона приносит огромную пользу...

Г. БОРИСОВСКИЙ. Духовную?

Л. ПАВЛОВ. Нет, и функциональную. Во-первых, защищает стену от перегрева — уже это важно. Она создает известную степень аэрации, и воздушные потоки снимают нагрев камня. Во-вторых, колоннада все-таки защищает от солнца, поскольку люди могут прятаться за колонны, и от дождя... Но главное не в этом, главное, мне кажется, в создании образа. Образ — вот что делает архитектуру искусством, а образ обусловлен целесообразностью.

Г. БОРИСОВСКИЙ. Всегда?

Л. ПАВЛОВ. Думаю — всегда. Если обратиться к личному опыту, то я, например, каждый раз ищу образ сооружения. Скажем, сейчас я заканчиваю проект главного здания ЦЭМИ — Центрального экономико-математического института. Как я его формирую? Там часть помещений отводится для людей, часть — для машин. Поэтому я разделяю все здание на два квадрата, а на них еще накладываю маленький квадрат — марку ЦЭМИ. Она состоит из надписи «ЦЭМИ» и ленты Мебиуса — математического символа, означающего бесконечность. Сторону квадрата этой марки я беру равной одной миллионной части диаметра земли — 12 метров 80 сантиметров.

Г. БОРИСОВСКИЙ. Что, у вас на доме об этом написано? На фасаде? Кто это узнает?

Л. ПАВЛОВ. Я считаю, что каждое сооружение должна сопровождать легенда. Легенда о здании. Каждому своему сооружению я всегда «подкидываю» легенду, и она существует вместе со зданием. Так вот, эти квадраты...

Г. БОРИСОВСКИЙ. Зачем они?

Л. ПАВЛОВ. Это эстетическая система.

Г. БОРИСОВСКИЙ. А почему вы так уверенно говорите, что она — эстетическая?

Л. ПАВЛОВ. Я хочу создать единый ритм и...

Г. БОРИСОВСКИЙ. Одну минуточку! Почему вы так уверены, что если возьмете квадрат и повторите его энное количество раз, то получите эстетическую систему? Простите, я вас перебил, но это не эстетическая, а геометрическая система, и ваш квадрат никто не примет за квадрат: для зрителя он будет уменьшаться кверху. Да и при чем тут квадрат?

Л. ПАВЛОВ. При том, что это математически ясная величина, и она в наибольшей мере выражает образ здания именно математического института. Это, конечно, мое личное, субъективное мнение. Образ ведь всегда бывает субъективен, и только потому и ценен. Образ должен быть индивидуален... А что касается квадрата... Конечно, я понимаю, что, поставленный на землю, он всегда будет стремиться «уйти» от настоящей формы квадрата. Поэтому я закладываю не полноценный квадрат, а измененный: по горизонтали у меня больше элементов, по вертикали — меньше. Я постепенно разрабатываю систему квадратов — дальше, дальше, дальше и довожу до такого элемента, который глазом уже не охватывается. В общем-то, я чуть-чуть запутываю зрителя: вначале ему кажется, что он все понял, а потом, когда начинает разбираться, чувствует, что понял не все. Он начинает фантазировать, пытается «влезть» внутрь. Короче говоря, я стараюсь вызвать зрителя на сотворчество.

Я считаю, что настоящим искусством становится то произведение, которое не дает возможности зрителю до конца его познать, которое имеет какую-то глубину — второй, третий и так далее план, а иначе это ремесло...

Если не возражаете, приведу еще один личный пример. Я сейчас проектирую станцию технического обслуживания автомобилей на Варшавском шоссе, где будет просторный торговый салон в пять тысяч квадратных метров — на 164 машины. Где его поместить?

Казалось бы, проще всего,— на земле. И если бы я строил на улице Горького, то сделал бы салон на уровне тротуара. А так как я строю его на трассе, где нижние этажи довольно сильно закрыты кронами деревьев, я считаю, что салон надо поднять выше, на отметку «18 метров». Над дорогой будет гореть огромный треугольный фонарь салона, создавая образ сооружения.

Мне могут сказать, что поднимать автомобили наверх трудно, надо строить въезд, пандус, производить какие-то лишние затраты... Но в этом здании будут продавать машины, и висящий высоко над дорогами светящийся стеклянный зал уже сам по себе должен будет произвести определенное впечатление на покупателя... Когда же он попадет в салон, перед ним откроется чудесный лесной пейзаж. Думаю, что в таком здании торговля пойдет веселее. Повторяю, архитектура начинается с образа. Только он переживает функцию, социальный заказ и строительные возможности. Только художественный образ. И работать над ним надо обязательно, причем это самая главная работа. Если у вас есть профессиональный опыт, с функциональными задачами вы справитесь и социальный заказ выполните, сможете и строительные конструкции, какие есть, рационально использовать. А вот образ — это потруднее. Архитектура начинается с образа...

Г. БОРИСОВСКИЙ. Согласен: надо начинать с образа, хотя я это слово не люблю и заменяю его другим: «нечто». Что такое «нечто»? Каменный столб, на нем — каменная балка, — это еще не архитектура. Но вдруг из каменного столба высекают пальму...

Л. ПАВЛОВ. Это тоже еще не архитектура...

Г. БОРИСОВСКИЙ. Нет, нет, ошибаетесь...

Л. ПАВЛОВ. Это изобразительная архитектура. Она изображает не себя, а природу. «Отскок» от архитектуры. Изобразительный стиль. Апогея это направление достигло в Ренессансе, когда на стене изображался каркас, колонны, карнизы, в то время как в действительности никаких колонн, карнизов — лишь стена с проемами, с дырками. Это уже была ложь.

Г. БОРИСОВСКИЙ. Это никогда не было ложью! Архитектура Ренессанса — великая архитектура, и я вам скажу почему. Но сначала — о «нечто».

Что вы там мне ни говорите, но Карнакский храм, где каменный столб изображает пальму или лотос, — архитектура. Не столб и не пальма, а — «нечто», что и создает архитектуру.

Дорическая колонна — что это? Если бы она была просто столбом, то не была бы архитектурой. Тогда как на самом деле...

Л. ПАВЛОВ. На самом деле это не более чем изображение в камне деревянного столба. Ошкуренного, со снятым облоем...

Г. БОРИСОВСКИЙ. Нет, нет, нет! Дорическую колонну греки сравнивали с мощным телом атлета. Ионическая вызывает ассоциации с завитками волос женщины, с ее ниспадающим платьем. Но это не камень и не женщина, возникает «нечто», оно-то и создает архитектуру. По-вашему, это образ, пусть так.

Возьмите современную архитектуру. Ресторан в Баку архитектора Мечникова. Огромные изящные арки, перекрытия. Это конструкция, а в то же время — как бы птица, которая вот-вот взмахнет крыльями и взлетит. Здесь есть «нечто», оно и создает архитектуру.

Теперь я скажу, почему считаю архитектуру Ренессанса великой. Потому что она была не только пространством, организованным для нужд человека. Не только конструкцией, дающей возможность создавать это пространство, но еще и системой знаков. Именно системой знаков!

Новая наука семиотика считает, что язык человека — знаки, жест — знаки, наше поведение — знаки. Если уничтожить знаки, исчезнет информация, перестанет существовать мир. И вот Ренессанс пользовался знаками. На Канчеллерии в Риме — тоненькие мраморные пластиночки, откровенно изображающие столбы. Но если уничтожить эти знаки, что останется от великого творения Браманте?

А Колизей? Я помню, Жолтовский писал: великолепное сооружение, в котором блестяще решена вся функциональная часть, но на нем надета декорация... Так вот, эта декорация — тоже система знаков!

Л. ПАВЛОВ. А в результате вся форма искажена, арки искривлены в двух направлениях: даже нарисовать Колизей как следует нельзя. Вот Пиранези — великолепный художник — не смог. И вообще пока это никому не удавалось.

Г. БОРИСОВСКИЙ. Это как раз говорит о достоинствах Колизея, потому что всякую настоящую архитектуру нарисовать невозможно. Но сейчас разговор о другом: я считаю, что архитектура утеряла эти знаки и сейчас мы ставим вместо знаков «просто» столбы. Спокойненько сооружаем какой-то железобетонный каркас и потом навешиваем балки, но это все равно, что украсить здание стропилами. А как делал мастер Ренессанса? Он украшал свое творение, но не балкой, не стропилами, не лестницей, а знаками. Ордер — это великая система знаков, которая прошла через тысячелетия и имела определенный смысл. Не случайно знаки разрешали ставить не всем: дворянин мог сооружать колоннаду, а купец, скажем, в конце XVIII века, не имел права.

Я расскажу вам одну историю, с которой начинается моя новая книга «О пользе бесполезного в архитектуре». В прошлом году я был в Ленинграде в белые ночи. Иду по улице Росси, вдруг навстречу — маленький черт. Мы познакомились, пошли вместе. Я полон восторга, восхищаюсь улицей Росси, Адмиралтейством и прочим, а черт бубнит: «Украшательство»...

Л. ПАВЛОВ. Кстати сказать, плохое украшательство. Потому что у Росси все детали прорисованы плохо, хотя общее градостроительное решение — сильное.

Г. БОРИСОВСКИЙ. Не будем спорить. Не нравится Росси, возьмем Захарова. Все равно: великая архитектура — это своего рода украшательство.

Л. ПАВЛОВ. Почему?

Г. БОРИСОВСКИЙ. То, что делает ее в эстетическом отношении совершенством, шедевром, функционально никак не оправдано. Я продолжу. Значит, я восхищаюсь, а черт бубнит: «Украшательство... Посмотрим, что будет, если уничтожить все бесполезное». Раздался треск, посыпалась штукатурка — и остались каменные мешки, поскольку все бесполезное, все колонны уничтожены... Я не мог этого вынести, я задушил черта. И тогда Северная Пальмира вновь засверкала своими бесполезными шпилями, колоннами...

Л. ПАВЛОВ. Но ведь это совершенно другая вещь. Я думаю, архитектура рождается из определенного строя человеческого мышления, из отношения человека к тому, что его окружает. Ведь мы сами создаем окружающую нас среду. Поэтично, да? Но среда эта материальна, нужна, целесообразна. Человек должен где-то жить, учиться, бывать в музеях, кино, театрах. И нужно, чтобы все это было не просто целесообразно, полезно, но и действовало на психику, воображение человека, поднимало его, делало чище, благороднее. Я думаю, чтобы достичь этого, надо быть самому чистым — не чертом, а ангелом. У вас все получилось так, потому что в дело вмешался черт. А если бы это оказался ангел...

Г. БОРИСОВСКИЙ. Что бы он сделал?

Л. ПАВЛОВ. ...Соскреб, скажем, с домов Росси всю несуразную лепнину. Наверное, это было бы необычайно красиво.

Г. БОРИСОВСКИЙ. Ну давайте о других хороших зданиях поговорим.

Л. ПАВЛОВ. Видите, вы уже отступаете...

Г. БОРИСОВСКИЙ. О других. Не будем спорить о Росси. Возьмем Захарова.

Л. ПАВЛОВ. Захаров — другое дело. Но главное, я считаю, что должна быть чистая и сильная идея. Архитектуре ложь противопоказана.

Г. БОРИСОВСКИЙ. А что такое ложь в архитектуре?

Л. ПАВЛОВ. Ну, вы скажете, что святая ложь, такая, сякая — я знаю...

Г. БОРИСОВСКИЙ. Нет, нет! Что такое ложь в архитектуре? Дмитриевский собор во Владимире — ложь? Архитектура Ренессанса — ложь?

Л. ПАВЛОВ. Ложь в архитектуре возникает тогда, когда я говорю чужим языком. Например, мне, человеку XX века, присущ определенный язык.

Г. БОРИСОВСКИЙ. Вас никто не призывает говорить языком Ренессанса.

Л. ПАВЛОВ. А это и невозможно, потому что я живу совсем в другое время. Если б я заговорил языком Ренессанса, то построил бы, скажем, здание без канализации, вентиляции, кондиционирования, телефонизации, радиофикации, без всего, что составляет характерные черты жизни современного человека и неизбежно «тянет» за собой определенные элементы архитектуры.

Г. БОРИСОВСКИЙ. Моя мать в шутку говорила, что первое слово, которое я произнес, было не «папа» и «мама», а «стандарт». Я всегда доказывал и буду доказывать, что красота и стандарт не противопоказаны друг другу, что в условиях заводского изготовления, стандартов и прочего можно создать великую архитектуру. Однако если мы будем исходить из философии функционализма — насколько я понимаю, вы ее придерживаетесь...

Л. ПАВЛОВ. Нет.

Г. БОРИСОВСКИЙ. Нет? Тем лучше, не будем спорить. Но если мы будем из этой философии исходить, то великую архитектуру не создадим. Будут удобные, даже элегантные здания, но вот «нечто», о котором я говорил, этот образ, о котором вы говорили, он не возникнет. Тут нужно менять философию, и тогда дома наши станут дешевле. Потому что стеклить огромные поверхности дорого. Может быть, проще было бы делать нормальные дома с нормальными окнами и прочим, а потом добавлять какую-то сверкающую бесполезность.

Когда я был в Ереване, знаете, что меня там пленило? Современные здания с горизонтальными окнами, бетон и так далее, и вдруг какой-то барельеф — явная архаика.

Л. ПАВЛОВ. Но ведь это только одна из десятков тысяч возможностей выражения образа.

Г. БОРИСОВСКИЙ. Не отрицаю, могут быть и другие.

Л. ПАВЛОВ. Любого порядка. Важно, чтобы здание несло отпечаток личности художника.

Г. БОРИСОВСКИЙ. Значит, надо стремиться к образу, к «нечто». Мне кажется, сейчас наши архитекторы, проектирующие массовое строительство, начинают к этому подходить.

В свое время Корбюзье написал книгу «Поэма прямого угла», где говорил, что основа архитектуры, единственное божество — прямой угол. И он создал такую архитектуру, где геометрия и боги восседали на одном троне, где все ясно, определенно, где царит жестокая закономерность. Это не без его помощи мы имеем одну и ту же архитектуру в разных городах. Почему? А потому, что философия Корбюзье — от которой он сам, кстати, отказался в капелле Роншан — адресована прошлому: физику Ньютону, математику Лейбницу, которые считали, что мир — четкая геометрия, «арифметическая», что ли, закономерность, порядок, квадрат, круг и так далее. В свое время классическая физика вышла в тупик, потому что верила в этот упорядоченный мир. И только когда физики признали случайность, вероятность, неопределенность и поставили их в ряд с «геометрической» закономерностью, тогда можно было двигаться дальше.

Мне представляется, что классическая, как и наша, эстетика архитектуры построена на святой вере в такую закономерность «первого ряда». Значит, проблема — в изменении архитектурной философии и эстетики с тем, чтобы наши унифицированные детали домов дали место случайности, неопределенности.

Л. ПАВЛОВ. А ведь, между прочим, ваша мысль — не новая. Иван Владиславович Жолтовский лет 30 или 40 назад говорил: сначала вы сделайте все, как надо, а потом немножко «подпутайте». Он выражал ту же мысль. То есть что все нужно делать закономерно, точно, определенно, но в какой-то момент вносить другую закономерность, и тогда начнется искусство. Архитектор должен дать возможность «прочитать» себя. Но когда зрителю все уже кажется ясным, он натыкается на другую закономерность и тогда чувствует: здесь, в этом узле, — главное.

Иван Владиславович говорил: как делали в эпоху Ренессанса? Строили дом, и все комнаты тянулись по периметру вокруг двора. Но когда дело доходило до основной комнаты, ее ставили поперек ряда, и тогда она становилась главной, потому что ломала ритм.

Я думаю, что эстетические закономерности в зданиях должны существовать. Если их не окажется, зритель будет выбит из всякого логического ряда, здание будет невозможно «прочитать».

Если обратиться к традициям русской архитектуры, то здесь все очень закономерно. В том же храме на Нерли, в Дмитриевском соборе во Владимире есть своды, выходящие на фасад и очерченные ложным арочным перекрытием, или хоры, тоже выходящие на фасад аркадами. Такие вещи есть, их сколько угодно. До бесконечности.

Г. БОРИСОВСКИЙ. Значит, у вас получается, что одна закономерность сменяется другой... И только...

Л. ПАВЛОВ. Не сменяется. Нет, закономерность проходит от начала и до конца, ибо смена закономерностей — это и есть высшая закономерность.

Г. БОРИСОВСКИЙ. Хорошо, хорошо. Но вы все время имеете дело только с закономерностями: у вас каждый раз закономерность — и все. А я говорю: на одних закономерностях нельзя построить произведение искусства. Если вспомнить, то Гегель говорил, что мир — это гармония гармонии и дисгармонии, то есть закономерность более сложного порядка, в которую входит беспорядок. Закономерность с беспорядком, со случайностью составляют одну пару. Они не противоречат, а дополняют друг друга.

Как-то в институт, где я работаю, пришел один товарищ и прочитал лекцию «Кибернетика и искусство», потом вынул виолончель и сыграл вещичку, которую сотворила кибернетическая машина. Оказывается, кибернетики исследовали музыку Чайковского, обнаружили какие-то закономерности, с учетом их задали программу машине, и она выдала музыку «под Чайковского». Мелодии мне показались симпатичными, и я спросил музыканта-профессионала из нашего отдела: «Как?». Он ответил: «Банально...»

Спустя несколько лет на одной из конференций я слышал выступление другого товарища, который пытается внедрить методы кибернетики в музыку. Он рассказал, что закономерности-то они находили, но музыка оставалась банальной. Тогда они ввели элемент случайности, и это с[illegible] [illegible] творчества. Понимаете?

Так что я говорю не о разных закономерностях, а о том, что на одной закономерности невозможно создать великую архитектуру, зодческое искусство. И чтобы сделать наши дома более красивыми, нужно ввести систему более высокого порядка, где нашлось бы место случайности. Если мы хотим наполнить наши города поэзией, мы не можем строить их на одной строгой закономерности, как бы великолепна она ни была. Вся великая архитектура основана на принципе «закономерность плюс случайность».

А что мы порой видим сейчас?

Скажем, для архитектора, который застраивает местность, конечно, случайность, что здесь такой рельеф, а тут — другой. Но что же делает архитектор, верящий в закономерность, в последовательную застройку? Он берет и сравнивает площадку, а потом строит.

Л. ПАВЛОВ. Почему он должен ровнять рельеф? Можно и в рельефе найти закономерность.

Г. БОРИСОВСКИЙ. Вспомните, как в свое время застраивали Калужскую улицу в Москве. Там Нескучный сад, великолепные деревья. А в представлении архитектора улица должна была быть прямой, как стрела. Сад и «случайные» деревья мешали ему провести закономерность. Что он сделал? Вырубил огромный кусок прекрасного сада, хотя общественность протестовала и даже целый номер журнала «Архитектура СССР» был посвящен описанию Нескучного сада. Так понимали закономерность. Теперь-то, конечно, деревья никто рубить не стал бы. Я недавно был в Ленинграде, так там стоит новый дом и рядом — на расстоянии буквально полуметра — сосна: ее не спилили.

Л. ПАВЛОВ. Она все равно погибнет...

Г. БОРИСОВСКИЙ. Это другое дело. Но ее оставили, сберегли, даже дом немножко отодвинули. Вот вам два принципиально разных подхода: в одном случае — вера в закономерность, ради которой все, что не подходит, уничтожается...

Л. ПАВЛОВ. Почему?

Г. БОРИСОВСКИЙ. Это делал архитектор А. Г. Мордвинов, его и надо было в свое время спрашивать.

Л. ПАВЛОВ. Значит, Мордвинов не нашел той закономерности, которая помогла бы ему сохранить этот сад. И больше ничего.

Г. БОРИСОВСКИЙ. Я и говорю: два разных подхода. В одном случае — вера в закономерность, в другом...

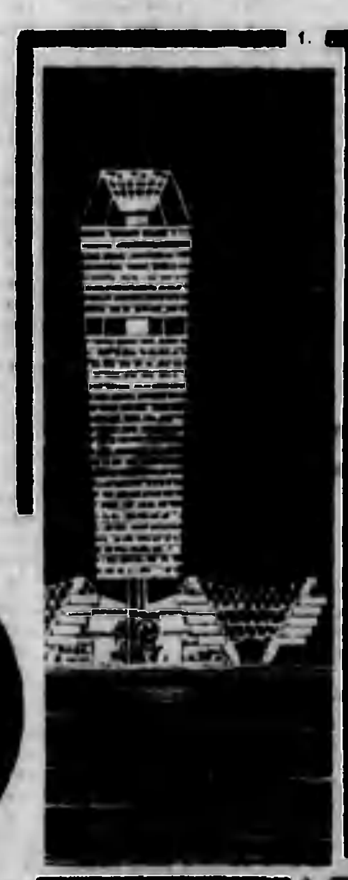
Л. ПАВЛОВ. Вера в случайность.

Г. БОРИСОВСКИЙ. Нет, нет, не в случайность. А вера в то, что гармонию нельзя сводить к одной закономерности...

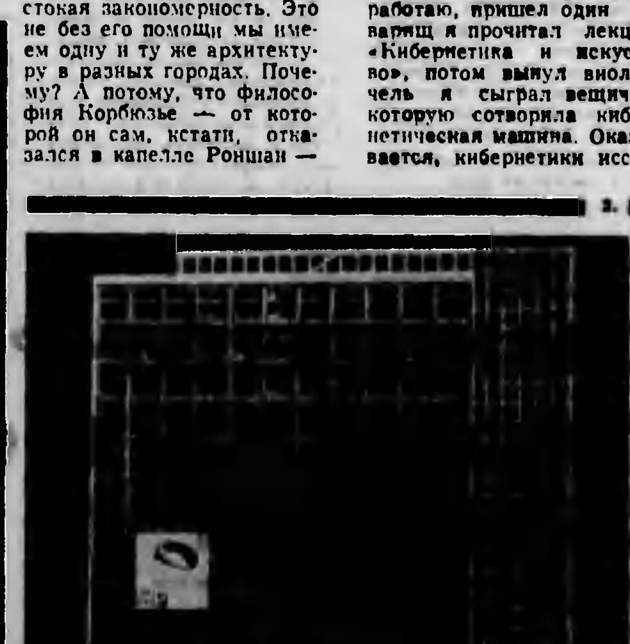
Л. ПАВЛОВ. Это естественно...

Запись диалога Григория ЦИТРИНЯКА

1.



2.



АРХИТЕКТУРНЫЙ СТЕНД «ЛГ»

ЗДАНИЯ НЕДАЛЕКОГО БУДУЩЕГО в представлении Г. Борисовского: элемент городского комплекса (1) и санаторий в горах (4). ЗДАНИЯ, ПРОЕКТИРУЕМЫЕ СЕГОДНЯ архитектором Л. Павловым: «Ноев ковчег» — международный курорт в Танжере (2) и Центральный экономико-математический институт (3).

3.

4.

ТЕРПСИХОРА И ДРУГИЕ

Изображение Терпсихоры на эмблеме Дворца культуры татарского села Шапши было [illegible] уместным. [illegible] хореографической студии современного бального танца столь [illegible] в ее коллектив можно лишь после строгого конкурсного испытания. Так же серьезно [illegible] здесь и к поклонникам других муз.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

ЭКСПЕРИМЕНТ «ЛГ»

А. РУБИНОВ

ОПЕРАЦИЯ «И»

«А НУ-КА, ДЕВУШКИ!»

Состязания секретарей (типа «А ну-ка, девушки!»), кажется, никогда не проводились. Но если бы они состоялись, Лидия Ивановна Артамонова «играла» бы, несомненно, в высшей лиге. Позвоните в Управление высотных домов и гостиниц Мосгорисполкома, и вы услышите отчетливый голос редкой приветливости. На все деловые вопросы Лидия Ивановна ответит мирно, кратко, с искренней готовностью помочь. Наверное, и в ее жизни бывают неприятности, просто плохое настроение, но в телефонной трубке на это нет намека. Четко и экономно назовет номер, фамилию, объявит час, когда следует прийти, — Лидия Ивановна знает все! И вот вам уже самому хочется стать галантным, вежливо улыбнуться невидимой собеседнице, хотя это, наверное, глупо — улыбаться по телефону, по которому слышно, но не видно.

Маленькое, совсем незначительное состязание секретарей все-таки состоялось. Они даже не подозревают об этом и узнают о нем сейчас, когда прочтут нижеследующее.

Состязание устроил я. Началось оно по определенной программе. И должно было состоять из трех обязательных пунктов — под кодовым названием «Операция «А». По последнему выпуску адресно-справочной книги «Москва» решено было позвонить в десять учреждений и предприятий, которые идут в оглавлении под первой буквой алфавита, и вежливо, терпеливо, без вызова задать секретарям директоров (начальников, управляющих, председателей, заведующих) три вопроса:

1) Соедините меня, пожалуйста, с директором (начальником, управляющим и пр.).

2) Будьте любезны, скажите, к кому мне обратиться по такому-то вопросу?

3) Не откажите в любезности, скажите: какая ваша вышестоящая организация? Видите ли, у меня конфликтное дело...

Первой тесту была подвергнута Лидия Ивановна. Не подозревая, что сдает экзамен, она ответила очень мило. Сообщила, что слушает, ответила на «здрасьте» и далее на контрольные вопросы:

— Может быть, мы обойдемся без Владимира Петровича? Я могу спросить, что за вопрос у вас?

Пришлось сказать, что контора «Мосгорнадомкоопинсоюз» устраивает республиканское совещание и ей нужно, позарез необходимо забронировать сто мест в гостинице. Лидия Ивановна сообщила:

— Лучше всего будет, если вы обратитесь сразу в группу размещения. Там работают с десяти до шести. Можете предварительно туда не звонить — дежурный всегда на месте. Но не забудьте, пожалуйста, запастись официальным отношением.

То был ответ на оставшийся незаданным второй вопрос. Третий вопрос, намекавший на желание пожаловаться, кажется, немного задел Лидию Ивановну. Об этом можно было лишь догадаться — по короткой паузе и сниженному на полтона, оставшемуся все же деликатным голосу:

— Мосгорисполком. Но разве нельзя обойтись без ссоры?

КОГДА КАБИНЕТ ПУСТОЙ

Итак, появился неплохой эталон, по которому можно будет сравнивать другие ответы.

Честно говоря, у «экспериментатора» был свой прогноз, основанный на личном опыте. Не самый радужный прогноз... Сколько раз невидимые собеседницы грубили, не пускали, не знали, просто не желали говорить. И ничего, решительно ничего нельзя было сделать с человеком, который нагрубил, спрятался во тьме проводов, послав на прощание не «до свидания», а частое телефонное «ту-ту», которое может взвинтить человека. Великое изобретение — телефон! Он ликвидирует расстояния, сберегает время — уплотняет жизнь. Но если верить, что он всегда такой исполин, можно растратить впустую нервные клетки, кипеть от беспомощности, а укусить трубку бессмысленно. Тогда кажется, что телефон ввели напрасно, что из-за него жизнь стала более нервной, что он приносит не экономию, а перерасход. Поехал бы спокойненько трамваем и спросил, глядя в глаза: «Иван Иванович на месте?», а не воевал бы с призраком «Ту-ту».

«Операция «А» началась со звонка в полиграфическое объединение «Авангард», которым открывается указатель к справочнику.

Мне ответил... мужчина. После недолгого замешательства, я задал ему первый вопрос из теста (почему секретарем должна быть обязательно женщина?): «Соедините меня, пожалуйста, с директором...»

Мужчина спокойно ответил:

— А вы откуда?.. Ну, я директор. Директор типографии.

Нескладно начавшаяся «операция «А» неудачно и продолжалась. Из Первого автобусного парка угрюмый женский голос подозрительно спросил:

— А кто просит?

— Моя фамилия...

— Мне не надо фамилии, — строго перебила она. — А кто вы? Откуда?

Женщина говорила с досадой, словно я весь век портил ей нервы, и она решительно не знала, как покончить с моей бестолковостью.

— Москвич я.

— Ага! — воскликнула она обрадованно, словно подозревала до этого, что ей звонят, например, из Полтавы. — Тогда звоните, пожалуйста, по телефону 122-80-60. Насчет жалобы? Да?

Я все не мог пустить в ход тест, хотя сейчас нечаянно и был получен ответ на второй вопрос. В третий раз я не мог, однако, получить ответа и на первый вопрос — когда позвонил на Ждановскую автостанцию междугородного сообщения. Невидимая женщина, объявившись «Автостанцией», вешала раз за разом трубку, как только я просил соединить меня с начальником. Наша игра продолжалась минут сорок: шел эксперимент, и я должен был сохранять терпение.

— Автостанция. — Соедините меня, пожалуйста, с начальником. — Ту-ту... — Автостанция... — Соедините...— Ту-ту... — Ту-ту... — Ту-ту...

«Операция «А» никак не укладывалась в подготовленную программу. Задать подряд три вопроса все не удавалось. Из Абажурно-галантерейной фабрики сообщили, что «директора нет. Ту-ту, ту-ту». В Академии коммунального хозяйства имени Памфилова: «Директор болен. Что? Позвоните в конце месяца» — ту-ту, ту-ту. А если мне нужно сейчас поговорить, не дожидаясь конца месяца? Вероятно, болеющего директора кто-то заменяет? Ответы на эти вопросы, наверное, можно было бы получить после второго обращения, но, думается, обо всем этом секретарь мог сказать и после первого. Звонок я, однако, не повторил, потому что это было бы нарушением условий эксперимента: важность, недоступность коммунально - академического секретаря исключала его из состязания — ему не играть в высшей лиге.

Секретарь Института археологии был гораздо более терпеливым.

— Директора сегодня нет, — сказала женщина и не повесила трубку сразу.

— К кому же мне обратиться?

— Никого нет. Его не должно быть сегодня в институте, сегодня неприемный день. Он бывает в среду и пятницу.

— К кому же сегодня обратиться?

— А зачем обращаться? — изумилась собеседница. — Вы по телефону хотите обратиться? — спросила она, словно я мог обратиться по телевизору. — Позвоните в среду... Тогда соединят. Странный вопрос!

Стало ясно, что задуманный тест не имеет смысла, если руководителя нет на месте. Никто не спросил меня деликатно: что за вопрос у меня и нельзя ли решить его без директора? Может быть, задавать вопрос из теста только тем секретарям, начальники которых сидят в кабинетах? Потребность в уточнении пока зали и обращения в Аптекоуправление, Административную инспекцию, Авторемзаводы, Автоматторг... Словом, «Операция «А» давала показатели нечистые. Решено было по уточненной программе начать ну, скажем, «Операцию «И»: звонить в те учреждения, предприятия, учебные заведения, которые значатся в справочнике под буквой «И».

НАЧАЛЬНИК НА МЕСТЕ

В указателе под буквой «И» оказался столбец аббревиатур — ИВР, ИБФ, ИВ, ИВН, ИВНМО, ИГД, ИГЕМ, ИГИ, ИЗМИР, ИИЕиТ, ИК, ИКТП, ИЛА, ИМГРЭ... Странная буква «и», которая дала такое множество удивительных слов, оказалась, однако, счастливой. Понадобился всего лишь час, чтобы застать десять секретарей, которые служили при сидящих в кабинете начальниках. Результаты оказались совершенно непредвиденными! Секретарей словно подменили. Но только давайте посмотрим, лучше ли работают эти секретари...

1. — ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛЕГКАЯ ИНДУСТРИЯ»?

— Да...

— Соедините меня, пожалуйста, с директором.

— А кто говорит?

— Один читатель.

— Минуточку.

И к телефону по просьбе «одного читателя» подошел директор. Какой, однако, доступный пароль! У «Легкой индустрии», вероятно, миллионы читателей, и каждый из них может, признавшись в принадлежности к безмерному читательскому племени, отвлечь руководителя большого учреждения от дела.

Спешу принести извинения директору издательства «Легкая индустрия» и другим руководителям, которых сейчас назову, за то, что сам отвлекал их по пустякам. Надеюсь, они поймут меня и простят: «Операция «И» задумана больше всего в их интересах — попытаться разобраться в роли секретарского труда, чтобы легче работалось начальникам, чтобы нам, публике, было проще, без взаимных потерь времени, решать наши большие или крохотные дела.

Директор взял телефонную трубку:

— Слушаю вас.

Тогда растерялся я и, чтобы не ставить человека в неудобное положение, спросил первое пришедшее в голову:

— У вас когда-то вышла книжка «Хлебный квас». Я пропустил ее. Нельзя ли приобрести...

Прошу у директора издательства прощения и за то, что отнял еще две минуты. Надеюсь, он меня поймет: вероятно, не один я мог с такой легкостью проникнуть к нему в кабинет, если столь просто миновать читателю секретарский заслон. Директор говорил со мной великодушно, добрым голосом:

— Нет, это не наша книжка. Ее выпустило издательство «Пищевая промышленность». А у нас — легкая промышленность.

— Ах вот как!

— Да, а пищевики, действительно, выпустили такую книжку.

— Спасибо и простите, пожалуйста.

— Пожалуйста.

Пожалуйста? Разрешение обращаться еще раз? Наверное, просто вежливость...

2. — ИНСТИТУТ «ГИПРОХОЛОД»? Соедините меня, пожалуйста, с директором.

— Пожалуйста.

Мужской голос:

— Я слушаю.

— Вы директор?

— Да.

— Извините, пожалуйста, я как ваша фамилия?

И директор назвал свою фамилию. Сначала по слогам, потом сразу целиком.

— Простите, а имя-отчество?

И на это был получен ответ.

3. ДРУГОЙ ИНСТИТУТ С НАЗВАНИЕМ НЕ СТОЛЬ СТУДЕНЫМ — «ТЕПЛОПРОЕКТ».

— «Теплопроект»? Соедините меня, пожалуйста, с директором.

— Пожалуйста.

Мужской голос:

— Я слушаю.

— Извините, пожалуйста, как фамилия директора?

— Я вас слушаю. Моя фамилия...

— Спасибо.

4. — ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ РУКОВОДЯЩИХ РАБОТНИКОВ И СПЕЦИАЛИСТОВ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ? Соедините меня, пожалуйста, с директором.

— А это кто его просит?

— Мм... Моя фамилия Павлов.

— А как вас представить? Откуда вы?

— Павлов... С улицы...

Дальше все, как в предыдущих случаях. Вежливый человек, которого секретарь не уберег от случайного «Павлова с улицы», отвечает, называет себя...

5. — ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УЧИТЕЛЕЙ? Соедините меня, пожалуйста, с директором.

— Сейчас, одну минуточку. Василий Петрович, вас!

И в трубке голос директора.

6. — ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ РУКОВОДЯЩИХ РАБОТНИКОВ МИНИСТЕРСТВА ЗАГОТОВОК РСФСР? Соедините меня, пожалуйста, с директором.

— Пожалуйста. Он возьмет сейчас трубочку.

Мужской голос:

— Слушаю.

— Простите, пожалуйста, вы директор? Извините, пожалуйста, как ваша фамилия?

— Это вы извините меня, почему вы не спросили об этом секретаря? — голос становится сердитым.

И тут я наконец «раскалываюсь»... Мне все время стыдно было спрашивать у солидных людей их анкетные данные. Догадаться бы мне раньше, что можно ответить просто, честно! Но пусть поймут и простят меня — не ожидал я, что меня, незнакомого, столь любезно подхватят под белы руки и поведут прямехонько к начальнику. Предшествующий опыт оставил совсем иные впечатления от любезности секретарей. Я готов был к препирательствам, к привычному «ту-ту». Но чтобы меня вот так свободно... И я сообщаю директору правду — о проверке работы секретарей, об «Операции «И»... Кажется, голос его немножко потеплел.

7. — ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ РУКОВОДЯЩИХ РАБОТНИКОВ И СПЕЦИАЛИСТОВ Министерства энергетики и электрификации СССР? Соедините меня, пожалуйста, с директором.

Через минуту вместе с директором, которому я тут же представился и рассказал все как есть, мы дружески смеемся. Он понял и не рассердился. Собеседник даже пошутил:

— Забавно получается: *институт повышения квалификации руководящих*... а выходит, что своего секретаря не научили...

8. — ИНСТИТУТ ВНИИАВТОГЕНМАШ? Соедините меня, пожалуйста, с директором.

— Сейчас, пожалуйста.

И с этим директором мы тоже вскоре незлобиво посмеялись над тем, как легко, оказывается, можно оторвать от дела руководящего работника.

— А многим ли вы звонили? — расспрашивает меня руководитель института. Я рассказываю об эксперименте. — Ну что ж, будем ждать «Литературную газету». Все правильно, но только досадно, что и мы попадем в статью...

9, 10. Здесь надо бы упомянуть два известных института Академии наук СССР, назвать имена крупных, знаменитых ученых, с которыми я запросто побеседовал, естественно, впервые в жизни. Оба раза этому предшествовала одна маленькая деликатная особенность: секретари, желая меня представить, были столь предупредительны, что спросили не только фамилию, но и имя-отчество. Ученые начали разговор с отменной учтивости. Сначала «попадали» меня, а потом добавили:

— ...Я вас слушаю.

Оказывается, для этого один из ученых вышел из своего кабинета, явился в приемную, поскольку я позвонил по телефону, представленному в справочнике. Молодая, воспитанная секретарша продемонстрировала верх усердия к случайному телефонному собеседнику. Мне совестно, что ученого потревожили ради меня. (Но пусть примут во внимание: случайный звонок напрасно побеспокоил маститого ученого ради того, чтобы напрасные разговоры меньше отвлекали его от дела.)

ПРОЦЕНТ ТОЧНОГО ПОПАДАНИЯ

А много ли напрасных звонков? Сколько телефонных собеседников желает говорить с начальством, но может решить свои дела с заместителями, начальниками отделов, инженерами, инспекторами, просто с секретарем?

Чтобы установить это число, я некоторое время посидел рядом с кандидатом в высшую лигу, уже упоминавшейся Лидией Ивановной.

Три ее телефона звонили чуть ли не непрестанно, и она походила на оркестрового ударника-многостаночника — с той разницей, что «музыку» не создавала, а унимала. Большинство разговоров носило справочный характер. Меня они не интересовали — я записывал только те, которые начинались с приглашения к телефону начальника управления.

Оказывается, Лидия Ивановна действительно улыбалась, когда мягко защищала своего руководителя:

— Может быть, мы обойдемся без Владимира Петровича? Я могу спросить, что за вопрос у вас?

Вот эти вопросы я и записывал:

1) Совещание в министерстве переносится на неделю. Нельзя ли сохранить обещанные места в «России» и «Москве»?

2) Кто занимается в управлении оборудованием интерьера? Нельзя ли прикомандировать к нам на месяц вашего специалиста? Мы свою гостиницу строим...

3) У вас есть мебельная фабрика. Нельзя ли договориться о заказе пятидесяти тумбочек с вмонтированными в них радиоприемниками?

4) Я хотел бы пожаловаться на необходительность персонала в такой-то гостинице. Нет, мне нужен только начальник. Я буду жаловаться на директора гостиницы... Только с начальником!..

Позвольте ради экономии места не перечислять все десять вопросов. Это тем допустимее, что Лидия Ивановна мирно и по-деловому разрешила половину сама, а другие адресовала в подразделения управления — начальнику службы технической эксплуатации, инженеру по скоростным лифтам, инспекторам...

Тем временем начальник управления, огражденный от напрасной суеты, занимался своими делами — теми серьезными делами, которые мог решить во всем управлении только он один. В перерывах между звонками Лидия Ивановна приглашала к нему сотрудников, приносила из архива документы, сама звонила — по просьбе начальника.

В другой десятке вопросов только один заставил ее задуматься, и она, мгновение подумав, сообщила:

— Минуточку, соединяю. Только как вас представить?.. Владимир Петрович, наверное, знает, как вас зовут, но все-таки... Спасибо, Александр Михайлович.

...Один разговор из двадцати возможных! Право же, у начальника Управления высотных домов и гостиниц созданы условия для того, чтобы руководить своим большим хозяйством, не разменивая свое время на минутные мелкие дела, которые могут устроить люди не столь квалифицированные. И получающие меньшую зарплату...

БАРЫШНЯ-ШВЕЙЦАР

Возвращаясь к счастливой букве «И», не трудно заметить, что все-таки она особенная: эти ИБР, ИВ, ИВН, ИВНМО, ИГД, ИГЕМ, ИГИ и пр. и пр. — все «высокообразованные» учреждения, научные институты, проектные, просто институты, институты повышения квалификации. Звонят туда люди интеллигентные, звонят, наверное, редко. Поэтому и секретари...

Впрочем, даже очевидное предположение неплохо бы проверить. Я позвонил в районные управления бытового и коммунального обслуживания. Туда обращаются все, туда звонят часто. И, вероятно, нередко — люди рассерженные какими-нибудь бытовыми неурядицами.

Тем не менее различия с «культурными» заведениями не обнаружилось. Различие чаще всего проявлялось в наличии или отсутствии начальника. Без всякого труда, не представившись, я связался с начальниками Бауманского управления, Калининского, Пролетарского («секретари куда-то делись», и трубку сняла начальник). Беседовал с главным инженером Перовского управления, а не с начальником, потому что тот в отпуске...

Но не удалось получить какие-либо сведения о тех начальниках, которых на месте не оказалось («Когда будет — не знаю», «Не сказал, ушел», «К сожалению, не знаю...»). Однако нередко отзывались и такие секретари, которые знали все, были приветливы, готовы были дать любой телефон — настоящие помощники руководителей и, что не последнее, помощники всех тех случайных и неслучайных людей, которые звонят в учреждение. Особенность этих секретарей — не только приветливость, но и деловитость. Может быть, это главное? Ведь приветливыми до чрезмерности были и те секретари, которые впускали к начальнику «Павлова с улицы» вне зависимости от того, занят он или нет.

«Допущенный» беспрепятственно и директору завода холодильного машиностроения «Искра», я, признавшись, в чем дело, спросил: не оторвал ли я его от дела. Великодушный собеседник, стараясь не обидеть, сначала отрицал, а потом признался:

— Да вот пришли товарищи. Толкуем о делах. О важных делах. Но я директор молодой. Всего месяц как директор. Конечно, неправильно все это. Вот если будут какие-то рекомендации...

Рекомендации? Нет, не будет! Эстрада и кино, фельетоны и карикатуры неплохо поработали, если за время операций «А» и «И» и разнобуквенного их продолжения не встретилось ни одной воинственной секретарши, которая бы грубила, была надменна, — словом, та, из-за которой когда-то хотелось укусить телефонную трубку. Даже в плохих кинофильмах не показывают теперь надменных барышень перед начальственной дверью. Секретари эти почему-то оказывались всеми нелюбимыми старыми девами, гораздо более важными, чем те, чьи двери они охраняют. Исчез этот тип секретарей, а мы и не заметили...

Это очень хорошо! Плохо только, что иные секретари вдались в другую крайность — стали чрезмерно любезными и услужливыми. Появился новый тип секретаря, вроде швейцара в пустом ресторане: отворяет дверь всякому, кто приближается, — если можно так выразиться, барышня-швейцар. Из-за этого руководители теряют дорогое время напрасно. И посетители теряют: они идут окольным путем. Их дело может решить простой инспектор. Он и будет его решать, поскольку начальник призовет специалиста. Если бы нас сразу направляли к тому, кто будет решать!

Это зависит от секретаря, его профессионализма, знания дел учреждения и, конечно, умения общаться с людьми.

Нет, речь, конечно, идет не о том, чтобы перекрыть все входы в кабинеты начальников. Они сами откажутся от такой изоляции. Да и плохо пойдут наши дела, если рядовой человек не сумеет, когда это нужно потолковать с руководителем. Наоборот, надо всячески расширять такое общение. Доступность, обыденность диалога рядового человека с руководителем должны характеризовать наш образ жизни. И не будет никакого покушения на демократию, если каждый будет заниматься только своим делом и начнет решать доступные его компетенции задачи. Не надо *нанимать профессора*, чтобы готовить малыша в первый класс, незачем отнимать время у директора, если со склада нужно выписать всего лишь настольный календарь, — все равно директор не обойдется без снабженца. К нему и надо обращаться!

Претензии к «барышням-швейцарам» сводятся не к тому, что они деликатны, а к тому, что снимают всякий труд с себя, работают не творчески. Им бы не уступать деликатно телефонную трубку, а деликатно выяснить суть вопроса, найти путь его решения. Со знанием дела, экономя время обеих сторон. Время начальника — чтобы он не занимался тем, что сделают без него. Наше с вами время — чтобы мы не плутали в лабиринте. Роль секретаря не в том, чтобы свалить все дела на одного, самого компетентного человека.

И, конечно, не в том, чтобы перекрыть путь к диалогу на разных уровнях. Роль иная — содействовать эффективности отношений, скорейшему и экономному решению вопросов.

Начальники отделов кадров рассказывают: звонят им милые девичьи голоса, застенчиво спрашивают, не нужны ли секретари. Оказывается, не поступила в институт, ищет где-то работу. Как будто секретарем быть легче всего! А секретариат в учреждении — сам институт. Тонкая, нелегкая профессия, требующая не только грамотности и приветливости, но и сообразительности, расторопности, находчивости, знания сложных законов делопроизводства. Ведь как все вокруг усложнилось!

Будут ли рекомендации? Вот уже каждый руководитель знает, что бесконечные совещания — это плохо, они отвлекают от дела. Некоторые стали подсчитывать, где и сколько они заседали. А почему не подсчитать потери времени от непродуманной организации секретарского дела? Заседания часто зависят от вышестоящих инстанций, секретарское же дело — свое собственное. И автор, желая телефонным экспериментом обратить внимание на важность этого дела, боится только одного: чтобы не подумали, что он против приветливости. Он за деловитость! Он за то, чтобы был создан настоящий институт профессиональных секретарей. Сейчас мало кто знает, где обучают этому роду деятельности, потому что учебных заведений единицы, а секретарей многие, многие тысячи.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В СТРАНАХ КАПИТАЛА

Власти Уругвая продолжают преследование представителей прогрессивных кругов. Облава в одном из районов Монтевидео.

ТАСС

Массовая демонстрация рабочих в защиту своих прав в Па-де-Кале (Франция).

ТАСС

В ФРГ прошла забастовка работников коммунальных учреждений, городского транспорта и связи.

ЮПИ—ТАСС

Второй этап продолжающегося в Женеве Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе называют рабочим, но он важен по существу. «Разработать своего рода кодекс таких мирных отношений и сотрудничества, который обязывал бы государства и вдохновлял бы народы, — говорил Л. И. Брежнев, — дело, конечно, не простое, если учесть и различие в общественном строе европейских государств, и расхождения в том, что они считают своими национальными интересами в той или иной сфере. Поэтому на общеевропейском совещании идут споры и дискуссии, идет дипломатическая борьба. Это в общем не удивительно, это можно было предвидеть».

Большое место на втором этапе общеевропейского совещания отводится работе третьей комиссии, рассматривающей актуальные проблемы сотрудничества в сфере культуры, образования, контактов и обмена информацией. Вокруг этих проблем развернулась острая борьба. Западная пропаганда пытается порой в извращенном виде представить принципы и практику сотрудничества Советского Союза с другими странами в столь важной области международных отношений. Отчасти это объясняется неведением, отчасти — сознательными попытками исказить принципиальную позицию Советского Союза, чтобы затормозить процесс разрядки.

«Литературная газета» уже публиковала ряд интервью с некоторыми советскими деятелями, которые рассказали о принципах и практике сотрудничества с другими странами по тому комплексу вопросов, которые охватываются третьим пунктом повестки дня Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе («ЛГ», № 3, 1974).

В этом номере мы предлагаем вниманию читателей интервью с начальником Управления внешних сношений Академии наук СССР С. Г. Корнеевым.

С. Г. КОРНЕЕВ, начальник Управления внешних сношений Академии наук СССР

СОТРУДНИЧЕСТВО УЧЕНЫХ СЛУЖИТ МИРУ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНТАКТЫ: МЫ — ЗА!

— Расскажите, пожалуйста, Степан Гаврилович, о том, как развиваются международные связи Академии наук СССР.

— Основой деятельности Академии наук СССР является выполнение выдвинутых XXIV съездом КПСС задач по дальнейшему повышению эффективности социалистического производства на базе ускоряющихся темпов научно-технического прогресса. Для выполнения этой первоочередной задачи необходимо самое широкое использование всех новейших достижений современной мировой науки, передового зарубежного опыта.

Программа мира, выдвинутая XXIV съездом КПСС, оказывает благотворное влияние на формирование всей системы международных отношений современности, на расширение контактов во всех сферах человеческой жизни, в том числе и на дальнейшее развитие сотрудничества в области науки. 1973 год памятен всем нам как год развития научных контактов, взаимного обогащения передовым научным опытом.

Более 6 тысяч советских ученых побывали в 1973 году в различных странах мира в научных командировках. Мы также приняли у себя большое число иностранных ученых, которые участвовали в международных и советских конференциях и симпозиумах, читали лекции, знакомились с нашими научно-исследовательскими институтами, были почетными гостями АН СССР.

— Не могли бы вы поподробнее охарактеризовать контакты АН СССР с академиями наук и другими научными организациями социалистических стран?

— Мы придаем, разумеется, как и прежде, особое значение развитию научного сотрудничества со странами социализма. Это вытекает из общности наших задач и стремлений. Академиями наук социалистических стран принята долгосрочная программа многостороннего сотрудничества. Ученые стран — участниц Совета Экономической Взаимопомощи активно участвуют в практическом претворении в жизнь комплексной программы социалистической экономической интеграции. Дальнейшее развитие получает сотрудничество по Плану координации научных и технических исследований, проводимых странами — членами СЭВ, в котором участвуют 34 научных учреждения АН СССР и академий наук союзных республик.

Успешно развиваются и двусторонние контакты АН СССР с академиями наук социалистических стран. Согласованы и подписаны планы дальнейшего научного сотрудничества с академиями наук НРБ, ВНР, ГДР, МНР, ПНР, ЧССР, протоколы о научном сотрудничестве с различными научными организациями и комитетами ДРВ, КНДР, СФРЮ, Кубы и СРР.

Мы уверенно смотрим в будущее в плане дальнейшего расширения этой работы. Уже сейчас можно сказать, что научными учреждениями АН СССР и академиями наук союзных республик проведена большая работа по подготовке предложений к планам многостороннего и двустороннего научного сотрудничества с академиями наук социалистических стран на дальнейший период — с 1976 по 1980 год. Уверен, что это сотрудничество послужит на благо наших братских народов.

— Какое развитие получают научные связи СССР с капиталистическими и развивающимися странами?

— Эти отношения поставлены теперь на долгосрочную основу по четко разработанной и согласованной тематике. Между СССР и целым рядом капиталистических государств подписаны соглашения о научном сотрудничестве и обмене учеными.

Огромное значение для развития этих взаимовыгодных отношений имели визиты Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в ФРГ, США, Францию и Индию. Эти визиты явились важным стимулом для дальнейшего развития сотрудничества между нашими научными работниками и учеными этих стран.

Я затрудняюсь перечислить даже основные сферы научных контактов между СССР и странами Запада. Это проблемы исследования космоса, Мирового океана, загрязнения окружающей среды, важнейшие вопросы биологии, генетики и т. д.

Успешно расширяются, в частности, научные связи между СССР и США. Важное значение для активизации советско-американского сотрудничества имел визит в СССР в июне — июле 1973 года делегации Национальной академии наук США. Во время этого визита были обсуждены актуальные вопросы научных связей между академиями. Была подтверждена принципиальная готовность обеих сторон увеличить квоту обмена учеными на следующий договорный период на 50 процентов.

Продолжается интенсивная подготовка к совместному советско-американскому полету в космос «Союз» — «Аполлон». В Хьюстоне проведены успешные испытания изготовленного в СССР стыковочного узла; американские космонавты прошли курс подготовки в Звездном городке, а советские — в Хьюстонском космическом центре.

В течение 1973 года ряд советских ученых были избраны членами американских научных организаций или членами редколлегий международных научных изданий, а также удостоены наград за свои выдающиеся научные труды.

Дальнейшее развитие получают и научные связи АН СССР с Францией. В июле 1973 года в Москве состоялась VIII сессия постоянно действующей Смешанной советско-французской комиссии, которая отметила успешное осуществление сотрудничества в области фундаментальных исследований, осуществляемых совместно учеными СССР и Франции. Комиссия одобрила программу углубленного сотрудничества в области науки и техники на десятилетний период. Ученые наших двух стран ведут сообща исследования более чем по 30 проблемам, в том числе по вопросам освоения космического пространства в мирных целях, атомной энергетики, физики высоких энергий и т. д.

Происходит определенный сдвиг в сторону активизации научных связей с Великобританией. На II сессии Постоянной межправительственной советско-английской комиссии по научно-техническому и торгово-экономическому сотрудничеству в апреле 1973 года была утверждена тематика долгосрочного сотрудничества между АН СССР и научными учреждениями Великобритании.

Всесторонне развивается сотрудничество и между СССР и ФРГ. Комиссия по научно-техническому и экономическому сотрудничеству разработала и представила на рассмотрение следующей сессии предложение о развитии контактов в области фундаментальных исследований на 10-летний период. Совместные исследования охватывают большую сферу важных научных проблем.

Я много мог бы рассказать о взаимовыгодных контактах АН СССР с академиями наук Италии, Канады, Японии, стран Северной Европы, Австрии и других стран. Определенный положительный сдвиг имеет место в научных контактах со странами Латинской Америки.

Постепенно расширяются контакты АН СССР с научными учреждениями развивающихся стран Азии и Африки.

Я хотел бы особо подчеркнуть, что все эти научные контакты являются взаимовыгодными для всех, кто в них участвует.

— Какое участие принимает Академия наук СССР в работе международных научных организаций?

— Научные организации, институты и отдельные ученые нашей страны являются членами 150 международных организаций в области точных, естественных и общественных наук. Мне очень приятно отметить, что многие наши ученые занимают в них руководящие посты. Целый ряд советских ученых за заслуги в развитии мировой науки были избраны в 1973 году почетными членами зарубежных научных организаций, удостоены международных и национальных премий и наград. Деятельность АН СССР в международных организациях дает возможность своевременно изучать информацию о достижениях зарубежной науки и использовать результаты научных исследований, проводимых в рамках международных научных программ и проектов, для развития советской науки и подъема народного хозяйства в СССР.

Сам факт участия советских ученых, как и ученых других социалистических стран, в международных научных организациях служит делу упрочения гуманистических тенденций в мировой науке, разъяснения ленинских принципов внешней и внутренней политики, направленных на мирное сосуществование государств с различным социально-экономическим строем. Принципиальная позиция ученых стран социалистического содружества вызывает все больше симпатий со стороны прогрессивно настроенных ученых Запада.

14 мая 1974 года состоится юбилейная сессия Академии наук СССР, посвященная 250-летию со дня основания академии. Это не только наш праздник. Это праздник всего советского народа, сделавшего так много для беспримерного развития науки в нашей стране. На юбилейную сессию приедут ученые многих стран мира. Но это лишь одна из многочисленных возможностей международных научных контактов, открывающихся перед нами.

Я уверен, что 1974 год будет годом дальнейшего углубления и развития международных научных связей, что послужит интересам всех стран и народов земного шара.

КИТАЙ СЕГОДНЯ

ПЕКИНСКИЕ ГРОМОВЕРЖЦЫ И АНТОНИОНИ

В ПЕКИНЕ появился новый объект для уничтожающей критики. Наряду с Линь Бяо и Конфуцием теперь там не менее рьяно ругают... Антониони. Да, того самого Микеланджело Антониони, итальянского кинорежиссера - неореалиста, имя которого благодаря его фильмам «Приключение», «Хроника одной любви», «Крик» и другим стоит ныне в одном ряду с именами Феллини и Висконти.

За что же ополчились в китайской столице на Антониони? Как поведала недавно «Жэньминь жибао» в специально написанных по этому поводу пространных статьях, Антониони повинен, оказывается, в том, что создал документальный фильм «Китай», который кое-кому в Пекине пришелся не по вкусу.

Антониони посетил Китай весной 1972 года по приглашению пекинских властей для создания кинофильма о стране. Кроме столицы, он побывал со своей кинокамерой в Шанхае, Нанкине, Сучжоу и уезде Линьсянь. Для съемок фильма группе Антониони были предоставлены по нынешним пекинским временам исключительно благоприятные условия. Ему разрешили снимать почти все, что бы он ни увидел в пути следования по специально подготовленному маршруту. Для съемок в Пекине в распоряжение Антониони была предоставлена правительственная машина.

После выхода фильма на экраны Запада прошло свыше года. И вот теперь Пекин выступил с официальной оценкой этой работы.

Авторы гневных статей в «Жэньминь жибао» охарактеризовали фильм «Китай» как «антикитайский», «исключительно реакционный». Они обрушиваются на Антониони за то, что он в своем фильме «подобрал множество злонамеренно искаженных сцен и кадров», «выставляет на посрамление великую пролетарскую культурную революцию», «пытался выудить лишь кадры о женщине, тянущей на лямке повозку, о рабочих, занимающихся ручным трудом на жалком предприятии, построенном почти на отбросах»; показывает «людей, лишенных всякого выражения на лице, которые прячутся куда угодно от испуга при виде иностранца»; «намекает зрителям на то, что душевно китайский народ подавлен, настроение у него невеселое и он недоволен сегодняшней действительностью». В общем, кондуит, заведенный в Пекине на Антониони, составляет не один десяток страниц машинописного текста.

Гневная филиппика «Жэньминь жибао» вызвала в итальянской печати сенсацию. Напомним, что газета «Коррьере делла сера» корила в свое время Антониони как раз за то, что он показал «не Китай, а его подмалеванное изображение», идя на поводу организаторов его поездки. «Было бы лучше, — отмечала газета, — если бы Антониони, отказавшись от своей фальшивой объективности, дал более личное толкование Китая, даже если бы оно было столь же ошибочным». «Фильм «Чжунго» («Китай») обнаруживает неоспоримую ограниченность, — писал французский журнал «Синема» в прошлом году. — От режиссера, который представил столько доказательств своего ума и способностей, мы вправе были ожидать чего-то другого, а не этого заурядного репортажа туриста, судя по всему, не желающего пробиться сквозь заслоны».

Большинство критиков сходилось на том, что Антониони, ограничившись минимальным комментарием, дал фотографическую копию того, что увидел своими глазами. Точнее, того, что ему показали. Причем заказчики кинофильма были вполне удовлетворены получившейся фотокопией. «Громовержцы» появились на сцене только сейчас; именно они шумят о том, что «Китай» Антониони, даже отснятый по рекомендованному сценарию, свидетельствует против «культурной революции» и ее инициаторов.

Ревнители «культурной революции» требуют запретить распространение и показ в странах Запада этой ленты, выступают с угрозами: «поднявший камень отшибет себе ноги», «пусть враги внутри страны и за границей трепещут перед нами» и тому подобное. При этом критики Антониони по простоте душевной не замечают, что, подняв шум вокруг этой истории, они добиваются как раз обратного эффекта — рекламируют фильм за свой счет.

В заявлении, которое ныне поместили почти все итальянские газеты, сам Антониони, не подозревавший, сколь опасно быть другом и гостем пекинских руководителей, расценивает позицию «Жэньминь жибао» как «очень резкий и не очень понятный выпад».

«Может статься, — замечает Антониони, — что на смену сочувственной и либеральной группе, которая помогала нам на всех этапах работы и одобрила ее результаты, пришла более нетерпимая и жесткая группа. В этом случае фильм может служить предлогом для внутренней борьбы, признаком смены внутри органов власти».

«Я не китаевед, — сказал далее Антониони, — и не могу найти конкретных объяснений. Но эта последняя гипотеза (так думают и мои сотрудники) подсказана тем фактом, что этот документальный фильм, который демонстрируется уже более года, видели представители посольства народного Китая в Риме и руководители агентства Синьхуа, его видели как в Гонконге, так и в Париже сотрудники китайских представительств».

До сих пор, — резюмирует режиссер, — нам не только не заявляли протестов, а напротив, нас поздравляли... Поэтому я думаю, что подлинная мотивировка связана с внутренним положением в Китае, а не с самим фильмом «Китай».

Судя по очередной статье, опубликованной в Пекине вскоре после этого заявления, неутешная в своей досаде «Жэньминь жибао» не приняла объяснений Антониони. Вылив на него новый ушат грязи, газета привела некоторые пикантные подробности «шпионского и хулиганского поведения» режиссера. Изложены они весьма любопытно.

«Один раз, — вещает «Жэньминь жибао», — Антониони подстроил оператора припереть старушку к стене в попытках насильственной съемки. Та сразу сурово осудила его выходку. Другой раз Антониони сам пытался снять антикитайские кадры, но тут же встретил протест со стороны [illegible] масс нашей страны. Тогда он вышел из равновесия и, скверно ругаясь, вынуждал шофера останавливаться ради нужных ему кадров».

«Жэньминь жибао», отдавая дань патологическому антисоветизму, договаривается до утверждений, что Антониони является «подпевалой» Советского Союза, «трубадуром антикитайской кампании, раздуваемой империализмом, ревизионизмом и реакцией», будто Антониони был в Китае по приглашению и заданию нашего «Интуриста», а не самих китайских руководителей!

В Пекине тщатся изо всех сил найти «руку Москвы», признаки «угрозы с Севера» и «окружения Китая». «Доказательства» своему смехотворному вымыслу мудрецы из «Жэньминь жибао» нашли... в советском хроникально-документальном фильме «Ночь над Китаем», созданном по материалам советской и иностранной кинохроники, и на страницах «Литературной газеты», которая, дескать, «как только закончилась съемка фильма «Китай», поспешно поместила статью «сотрудника» Антониони, принимавшего участие в работе итальянского режиссера», и тем самым вступила в «антикитайский альянс» с Антониони и «мошенниками типа Лю Шао-ци и Линь Бяо», «замышляющими реставрировать в Китае капитализм». Можно лишь позавидовать способностям сотрудников «Жэньминь жибао» увидать в нужный момент нужные галлюцинации.

Можем сообщить: ни один из сотрудников Антониони никогда не был нашим автором. Тем не менее мы очень признательны за вывод, что описание «культурной революции» и нынешней обстановки в Китае на страницах нашей газеты перекликается с тем, что зафиксировали кинообъективы в самом Китае.

Главное во всей этой истории вот что: судя по всему, когда в Пекине кидают камни в того, кого именовали «лучшим другом Китая», то целят на самом деле в кого-то из весьма могущественных руководителей китайского руководства, ответственного за приглашение итальянского режиссера. Ведь не случайно конфуз с приглашением Антониони, фильм которого не приглянулся поклонникам «культурной революции», раздувается до масштабов международного скандала. Неспроста «Жэньминь жибао» поучает некоего безыменного виновника «национального позора»: «Антикитайский фильм Антониони говорит людям о том, что при нынешней благоприятной обстановке внутри страны и вне ее необходимо и дальше сохранять трезвую голову...».

В свое время в Пекине обрушились на «буржуазных литераторов и профессоров» — а на деле готовили расправу над Лю Шао-ци. Критикуя Конфуция, растаптывают Линь Бяо и «мошенников типа Линь Бяо». Скоро, надо думать, станет известно, в кого метят сейчас, избрав Антониони в качестве мишени, и чье же это «сердце бьется в унисон с внешними врагами», кто именно «потерял голову» в Пекине. Поживем — увидим...

В. МИТЯЕВ

Академик Б. ГАФУРОВ

ОРУЖИЕ ШПИОНАЖА, ОРУЖИЕ ДИВЕРСИЙ

«...ПОВЫШАТЬ бдительность в отношении происков империализма и его агентуры» — эта фраза из резолюции XXIV съезда КПСС послужила эпиграфом к книге С. Цвигуна «Тайный фронт». Бдительность всегда была надежным оружием в руках советских людей. И как любым оружием, им надо учиться владеть. «Чтобы быть бдительным, — подчеркивает в предисловии автор, — надо хорошо знать формы и методы подрывных действий, приемы маскировки и всевозможные ухищрения агентов империалистических разведок и других враждебных элементов, их сильные и слабые стороны».

Об этом и идет речь в книге. С. Цвигун анализирует причины, которые приводят в наши дни к усилению подрывной деятельности империализма против Советского Союза, всего социалистического содружества. Он вскрывает взаимосвязь тайных акций империалистических разведок с явными агрессивными устремлениями определенных кругов в капиталистических государствах, рассказывает о структуре разведывательных и других специальных служб, об основных методах их работы. В книге подробно описываются приемы и ухищрения шпионов и идеологических диверсантов, говорится о происках специальных служб против советских граждан, выезжающих за рубеж. Механизм подрывной деятельности непрерывно совершенствуется. Используются последние достижения научно-технической революции — от новейших образцов миниатюрной радиоэлектронной аппаратуры до искусственных спутников Земли.

Рыцари «плаща и кинжала», пишет С. Цвигун, не брезгуют ничем. В частности, империалистические разведки гораздо активнее, чем раньше, используют эмигрантское отребье. Не имея никакой социальной базы в нашем обществе, они стремятся найти и, случается, находят отщепенцев и предателей из числа лиц, зараженных частнособственнической психологией, потерявших политическую бдительность, низкопоклонствующих перед Западом. Западные разведки все чаще вербуют агентов из граждан зарубежных государств, приезжающих в нашу страну.

«Я не понимаю, что вы подразумеваете под шпионской деятельностью? Что касается меня, то я к шпионажу не имею никакого отношения. Я коммерсант, и никакие дела, кроме коммерческих, меня не интересуют».

«Словно в насмешку, — пишет С. Цвигун, — это заявление принадлежит шпиону. Его сделал Винн — соучастник шпиона и предателя Пеньковского. Толика правды в этом заявлении есть. Английский подданный Винн действительно был коммерсантом. Но еще и шпионом. Так сказать, один в двух лицах».

Шпионаж — далеко не единственное направление подрывной деятельности империалистических разведок. В последние годы все большее значение придается идеологическим диверсиям. На них делают свою главную ставку антикоммунисты. На совершенствование аппарата идеологических диверсий тратятся громадные средства. В него входят такие мощные рычаги массовой коммуникации, как пресса, кино, радио, телевидение. Ежедневно на страны социализма из эфира обрушиваются мутные потоки подрывной стряпни радиодиверсантов. По заранее подобранным адресам в массовом порядке засылается антисоветская и антикоммунистическая литература.

Направляются эмиссары для распространения враждебных листовок и других антисоветских печатных материалов, а также для сколачивания подпольных групп и так далее.

На состоявшейся в 1973 году в Лондоне конференции «всемирной антикоммунистической лиги» под прикрытием рассуждений о «свободе», «демократии» и «гражданских правах» обсуждался, например, вопрос о «ведении партизанской войны в городских условиях» с применением в социалистических странах таких акций, как похищение политических деятелей и дипломатов, угон самолетов, организация взрывов в общественных местах, рассылка по почте портативных мин, вооруженные налеты на банковские и другие учреждения.

В практике антикоммунистической пропаганды, отмечается в книге, замаскированная ложь и клевета используются тем чаще, чем ожесточенней и напряженней становится борьба между коммунистической и буржуазной идеологией. Так, в деятельности израильских официальных пропагандистов большое место отводится фабрикации и распространению фальшивок о так называемом «еврейском вопросе в СССР».

Антикоммунисты, отмечает С. Цвигун, потерпев фиаско с одной идеологической отравой, тут же берутся за другую. Нет числа различным «теориям» и «концепциям», которыми слуги капитала пытаются вооружить идеологических диверсантов. Правда, в апреле 1973 года американская Академия политических и социальных наук отмечала, что пропаганда антисоветизма в ее нынешнем виде устарела, что необходимы новые, более осторожные формы, которые не препятствовали бы контактам между социалистическими странами и Западом. В связи с этим сейчас происходит пересмотр методов антисоветской пропаганды.

Как подчеркивает автор, уже в течение ряда лет рука об руку с идеологическими центрами империализма вовсю «работает» пекинский пропагандистский аппарат. В своих яростных нападках на Советский Союз, на другие государства социалистического содружества Пекин не уступает приверженцам антикоммунизма на Западе.

Пропагандистские органы империалистических стран, пишет С. Цвигун, действуют напористо, нагло и по отношению к целым общественным группам, и даже по отношению к отдельным лицам в социалистических государствах. На одних обрушиваются потоки клеветы, по адресу других — тех, кого выгодно использовать в антисоветских целях, — расточаются лицемерные похвалы, вокруг них поднимается рекламная шумиха. Чего стоит, например, не стихающий на протяжении последних лет «бум», связанный с антисоветским поведением Солженицына.

Организация идеологических диверсий против СССР и других социалистических стран, подчеркивает автор, отражает кризис буржуазной идеологии, ее неспособность к открытой идеологической борьбе с передовой социалистической идеологией, ее классовую обреченность. На стороне социализма и коммунизма — неодолимая сила законов исторического развития. «И мы твердо знаем, — пишет С. Цвигун, — что какие бы «теории» и «концепции» ни породил антикоммунизм, они бесплодны, бессильны поколебать великое дело Коммунистической партии и народа».

Даже проникнув на территорию Советского государства, зарубежные агенты вступают в противоборство не только с соответствующими советскими органами, но и со всем советским народом, бдительно стоящим на страже социалистических завоеваний. А при таком соотношении сил, резюмирует автор, победителем всегда остается народ.

Выступая на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев заявил: «Скажем прямо: подорвать мир социализма теперь уже не в силах никто...» Написанная на обширном фактическом материале книга С. Цвигуна наглядно иллюстрирует справедливость этих слов.

Цвигун С. К. «Тайный фронт. (О подрывной деятельности империализма против СССР и бдительности советских людей)». Политиздат, М. 1973.

ПЕСНЬ СИБИРИ

АНТОЛОГИЯ, ВЫШЕДШАЯ В БУДАПЕШТЕ

В 1972 ГОДУ Союз писателей СССР пригласил литераторов из социалистических стран принять участие в Днях советской литературы на Тюменщине. В составе венгерской делегации, посетившей этот богатый нефтью и природным газом край, была известная поэтесса и переводчица Анна Бедэ.

Невысокая, застенчивая, миловидная Аннушка, как ее ласково называли участники поездки, прибыла в нашу страну за две недели до начала делового путешествия. И [illegible] она хотела встретиться в Москве и Ленинграде с теми советскими учеными, которые занимаются фольклором народов Сибири. Ей необходимо было уточнить некоторые вопросы в связи с работой над антологией народного творчества. Ее интересовали малочисленные народности, сохранившие свои традиции и обычаи, живущие на необозримых просторах нашей Родины. Она привезла с собой огромную папку, битком набитую подлинниками, подстрочниками и уже готовыми переводами.

Я тогда поразился ее энтузиазму, страстному увлечению, с каким она по крупицам собирала материал для своей будущей антологии. Сколько сил, сколько энергии затратила эта хрупкая женщина, чтобы сделать действительно уникальную книгу! Пришлось переписываться с учеными Москвы, Ленинграда, Варшавы, Лейпцига, Нью-Йорка, Токио, просмотреть груды архивных материалов изучить труды венгерских исследователей Сибири XIX и XX веков.

И вот книга передо мной. Будапештское издательство «Эуропа» в конце 1973 года выпустило в свет антологию народной поэзии коренного населения Сибири под названием «[illegible]емите, барабаны шаманов».

В этой объемистой, изданной большим для Венгрии тиражом, прекрасно оформленной и отпечатанной в лучшей типографии книге собраны наиболее характерные, яркие песни, легенды, заклинания в отличных переводах Анны Бедэ. Венгерский читатель может познакомиться с творчеством народностей, которые до Великой Октябрьской социалистической революции были обречены царизмом на вымирание и которые теперь в великой семье народов Советского Союза строят свою счастливую жизнь. Строят ее там, где сегодня на просторах тайги и тундры добывают нефть, газ и алмазы, вырабатывают электроэнергию и ценную древесину, бьют пушного зверя, ловят рыбу, пасут стада оленей, где растут новые города и рабочие поселки.

В стихотворном наследии манси, ханты, ненцев, селькупов, эвенков, хакасов, тувинцев, бурят, якутов, юкагиров, чукчей, эскимосов, нанайцев, ульчи и других, а их обрядовых, любовных песнях, мифах, легендах, заклинаниях раскрывается самобытный мир этих древних обитателей Сибири. В жизни народов тайги и тундры почти нет такого обычая, такого верования, которое не нашло бы своего отражения в фольклоре, не было бы связано с их праздниками, церемониями, обрядами. Эти праздничные обряды хранят и поныне поэзию, эпику, драму, возвышенное и сатирическое. И как же велика заслуга Анны Бедэ, что все эти ценности народного творчества во всю мощь зазвучали на венгерском языке, зазвучали в той же тональности, в том же музыкальном ритме!

Во время поездки по Тюменскому краю [illegible] встречались с [illegible] манси, самыми близкими родственниками венгров по языку, и на этих встречах не только читала, но и дала им [illegible] «Песню о старике-сказителе», «О сошедшем с неба медведе», «Песню [illegible] Антона». Ритм венгерского перевода, мелодия были понятны всем, кто ее слушал.

Большое дело сделали Анна Бедэ и наши венгерские друзья, издав антологию фольклора народов Сибири. Эта книга служит ценным вкладом в познание многонациональной культуры СССР, в укрепление дружбы между нашими народами.

И. САЛИМОН

Литературный конкурс, посвященный 30-летию ПНР

В связи с 30-летием Польской Народной Республики Союз писателей СССР и Союз польских писателей совместно с Обществом советско-польской дружбы и Обществом польско-советской дружбы, а также журналы «Иностранная литература» и «Край рад» (СССР) и журналы «Литература на свете» и «Пшиязнь» (ПНР) объявляют конкурс на лучшее художественное произведение (рассказ, очерк, репортаж, цикл стихов), посвященное теме «Наш современник — строитель нового общества». В произведениях, представляемых на конкурс, должна найти отражение проблематика дружбы, сотрудничества и трудовых успехов советского и польского народов. На конкурс принимаются неопубликованные произведения объемом до 2 авт. листов. Участники конкурса — советские и польские авторы. Для участников конкурса учреждены денежные премии. Срок представления машинописных материалов (в трех экз.) — до 30 апреля 1974 г. Итоги конкурса будут подведены в июле 1974 г. Материалы на конкурс просьба направлять по адресу: Москва, ул. Воровского, 52, Иностранная комиссия СП СССР.

НЕТ, ПРАВ ПЕТРАРКА!

«Не исчезнет ли книга?» — с такой тревожной статьей вышел последний номер журнала «Ля библиографи де ля Франс», основной источник информации для всех французских владельцев книжных магазинов. Конечно, не следует предполагать, что книжный рынок Франции сразу же охватит паника. Тем не менее только люди с очень крепкими нервами не содрогнутся, читая — в который раз — что телевидение, кино и пластинки в конце концов покончат с этой архаичной стопкой бумаги! Мрачные пророчества, и как же противопоставить им мудрые голоса из прошлого. «Книги, — писал Петрарка, — очаровывают нас до глубины души, беседуют с нами, дают нам советы, и мы связаны с ними живыми и гармоничными нитями». Устарели ли эти слова? Отнюдь нет!

Разве не ту же самую мысль на своем немом языке совсем недавно выразил западногерманский карикатурист фон Пильс в журнале «Штерн»? Посмотрите — и сами убедитесь в этом.

Мэлор СТУРУА

ЖРЕЦЫ ХРАМА САТАНЫ

НАШ просвещенный век... «Аполлон», пронзая космическое пространство, несется к Луне. Астронавт, оторвавшись на несколько минут от сложнейшей технической аппаратуры, читает вслух строки священного писания, славящие мощь господа бога.

Наш просвещенный век... Не в состоянии скрыть восхищения профана, я стою перед строем электронно-вычислительных машин американского института «Тайм паттерн рисёрч». Мой [illegible], мой Вергилий [illegible] горделиво [illegible]:

— Каждая из этих ЭВМ может составить за минуту гороскоп [illegible]. Наши ЭВМ не простаивают. Ежемесячно мы составляем около [illegible] тысяч гороскопов.

«Тайм паттерн рисёрч» — институт астрологии. Крупнейший в Соединенных Штатах.

ИЗГНАНИЕ БЕСА

Это произошло в январе нынешнего года. В городке Дэйли-сити, расположенном неподалеку от Сан-Франциско, католическому пастору преподобному Карлу Пэтцелту удалось наконец изгнать беса, вселившегося в небольшое семейство — мужа, жену и их двухлетнего сына. Бес был дьявольски упрям. Понадобилось за месяц совершить четырнадцать ритуалов изгнания, чтобы нечистая сила отпустила свои жертвы.

В интервью, опубликованном газетой «Сан-Франциско экзаминер», отец семейства, 28-летний мужчина, не духобор или хлыст какой-нибудь, а пилот гражданских авиалиний, рассказал, что впервые нашествие сатаны имело место весной 1972 года. И длилось оно два с половиной месяца. Затем сатана исчез. Но в мае 1973 года вновь вернулся: швырялся туфлями, посудой, бил окна, жег постельное белье и кухонные полотенца, «проделывал тысячи других грязных трюков. Казалось, что не один. Казалось, что с ним целая армия демонов».

Молитвы не помогали. «Когда мы начинали молиться, сатана хватал нас за горло и душил. Чем горячее мы молились, тем сильнее становилась сатанинская хватка. Нам нечем было дышать». Доведенные до отчаяния, люди обратились в монастырь кармелитов к пастору-иезуиту Карлу Пэтцелту. Тот в свою очередь обратился к архиепископу Сан-Франциско за разрешением применить ритуал изгнания. Разрешение было получено. И началось единоборство не на живот, а на смерть. Прознав об обращении своих жертв к кармелитам-иезуитам, дьявол совсем «осатанел». Пытки участились, стали изощреннее. «Он, видимо, разгневался, что его разоблачили», — комментировал впоследствии преподобный отец Карл.

В конце концов свет одолел тьму. Ведь как-никак, а дело происходило в нашем просвещенном веке. Правда, победа была одержана с помощью средневековой формулы, которая гласила: «Я изгоняю тебя, нечистая сила! Я изгоняю тебя, и вместе с тобой любой и каждый сатанинский дух врага нашего! Изгоняю все исчадия ада, всех твоих подручных!». «И вот на нас снизошли мир и благодать. Сатана сгинул, воцарился покой» — таков был happy end (счастливый конец) интервью, опубликованного в газете «Сан-Франциско экзаминер».

Пастор кармелитского монастыря доложил об одержанной победе архиепископу Сан-Франциско. Тот переслал победную реляцию по инстанциям выше — главе католической церкви Америки кардиналу Теренцу Куку в Нью-Йорк.

Отступив в Калифорнии, дьявол контратаковал в Коннектикуте. Здесь его жертвой стала четырнадцатилетняя Линда Блэйр, дочь местного бизнесмена. До последнего времени девочка не подавала никаких признаков одержимости. Она была настолько нормальной, настолько «средней» американской девочкой, что ее даже несколько раз снимали в телевизионной рекламе. (Как узнает читатель из дальнейшего повествования, это обстоятельство как раз и сыграло роковую роль в судьбе Линды.)

Дьявол из Коннектикута был куда агрессивнее калифорнийского. Вселившись в Линду, он трансформировал ее лицо и тело. Милая девочка превратилась в отвратительного оборотня, покрытого кровью и гноем, обезображенного чудовищными шрамами. Языком ребенка начали глаголить публичные дома и воровские притоны. Она избивала врачей, блевала на священников. Последние — их было двое — оказались куда менее удачливыми по сравнению с отцом Карлом. Правда, им удалось изгнать дьявола, но оба они погибли в борьбе с нечистой силой.

Дьявол не просто вселился в Линду. Она была запродана ему родителями — мистером Джеймсом и миссис Элинор Блэйр. У дьявола было много лиц: то он прикидывался писателем Вильямом Блэтти, то кинорежиссером Вильямом Фридкином, то продюсером голливудской фирмы «Уорнер бразерс», то бесчисленными кинопрокатчиками, кинокритиками, владельцами кинотеатров.

САМЫЙ СЕКСУАЛЬНЫЙ, САМЫЙ САДИСТСКИЙ...

Не желая далее мистифицировать читателя, скажу: Линда Блэйр с согласия родителей была приглашена на роль героини фильма «Экзорсист» («Изгоняющий дьявола»), который снял в павильонах «Уорнер бразерс» режиссер Фридкин по одноименному роману писателя Блэтти (он же автор сценария).

Роман «Изгоняющий дьявола» долгое время возглавлял список американских бестселлеров. А фильм «Изгоняющий дьявола» получил премию «Золотой глобус» за 1973 год, которая присуждается Голливудской ассоциацией иностранной печати лучшим картинам года. Причем Фридкин был объявлен лучшим режиссером года, Блэтти лучшим сценаристом, а Линда — лучшей актрисой. Постановка фильма обошлась «братьям-разбойникам» Уорнер в 10—15 миллионов долларов. Прокат лишь в первую неделю принес два миллиона долларов дохода.

— Я ни за что не отдала бы моего ребенка на роль Ригэн (так зовут девочку из «Изгоняющего дьявола»), — говорят американские матери, атакуемые всевозможными институтами общественного мнения.

Для того чтобы добиться от Линды «аутентичного» демонического взгляда, крупнейший специалист по созданию киномонстров Дик Смит [illegible] на глазные линзы-бельма. Одновременно девочке вводили анестезирующие препараты, чтобы унять нестерпимую боль. Процесс гримирования длился часами и вызвал в конце концов конъюнктивальное заболевание. В сцене первоначального вселения дьявола в девочку ее привязали к вибрирующей кровати. Металлические скрепки вонзались в тело Линды. В заключительной сцене изгнания нечистой силы съемки проходили при арктической температуре (черти, привыкшие к тропикам ада, не выносят мороза). Линду пришлось отогревать специальной медицинской аппаратурой.

Конечно, искусство требует жертв. Но разве это искусство? Кинокритики, даже те, кто голосовал за присуждение «Изгоняющему дьявола» премии «Золотой глобус», почти единодушно объявляют ленту Фридкина «самым сексуальным, самым садистским фильмом с самым похабным диалогом». «Самый [illegible] фильм за много [illegible]» (журнал «Ньюсуик») идет с аншлагом.

Владельцы кинотеатров Лос-Анджелеса и Бостона наряду с традиционными кукурузными хлопьями и кока-колой продают нашатырный спирт и нюхательные соли. В Нью-Йорке, по сообщениям местной печати, зрителей выносят из залов в обморочном состоянии. В Чикаго несколько человек прямо с киносеанса были отправлены к психоаналитикам.

А супругам Блэйр все нипочем. Похабщина? Для нашей дочери она, как латынь, непонятна. «Поскольку в мире есть добро, должно существовать и зло», — философски замечает миссис Элинор. Сама девочка, по ее словам, нисколько «не верит во всю эту чепуху». К тому же Линда была в надежных руках — в качестве консультантов фильма была привлечена добрая полуроста католических прелатов.

Наш просвещенный век... «Реальный» дьявол в Дэйли-сити, кинематографический — в Голливуде. Как они сопрягаются?

ЖИВЫЕ МИШЕНИ

Несколько лет назад у меня был весьма интересный разговор с кинорежиссером Питером Богдановичем после премьеры его первого фильма «Мишени». Там, кстати, в последний раз снялся знаменитый Борис Карлоф, создавший целую галерею дракул, франкенштейнов и прочих целлулоидных вурдалаков. Сюжет «Мишеней» в двух словах таков: молодой парнишка, помешавшийся на оружии, убивает все свое семейство, а затем — находясь в бегах — еще несколько человек. В титрах, следовавших сразу же после перечня действующих лиц, автор предупреждал, что все персонажи, выведенные им в фильме, вымышленные и не имеют никакого отношения к реальным людям, «живым или мертвым».

На фоне насилия, захлестнувшего Соединенные Штаты, оговорка, сделанная в титрах, звучала саркастически. Недаром гигантский рекламный щит над входом в кинотеатр, где давали премьеру, гласил «Мишень — это люди... И каждый из вас может стать ею».

Так вот, в беседе со мной Питер Богданович говорил

— Люди считают, что кино рождает насилие. В действительности же все происходит наоборот — насилие рождает кино. Искусство имитирует жизнь, а не жизнь — искусство. Я не выдумывал историю о снайпере. У другого снайпера-убийцы, который промышлял в Центральном парке Нью-Йорка, в доме висели фотографии Гитлера и Геббельса, [illegible].

На первый взгляд доводы Богдановича звучали логично, убедительно. Да и история, рассказанная им в «Мишенях», была основана на реальном событии, которое произошло 1 августа 1966 года: молодой парень, некто Чарльз Уитмен, в припадке сумасшествия застрелил из винтовки с оптическим прицелом шестнадцать человек. Формально прав был Богданович и насчет снайпера-маньяка из Центрального парка, наводившего ужас на ньюйоркцев осенью 1968 года: после смерти убийцы полиция обнаружила у него над кроватью фотографии фашистских главарей, а не голливудских кинозвезд.

Любопытно, что аргументацию Богдановича повторил создатель «Изгоняющего дьявола» Вильям Фридкин. Его предыдущий фильм, «Французский контакт», — тоже боевик, о единоборстве полиции и торговцев наркотиками — до предела насыщен натуралистическими сценами насилия. Защищаясь от критиков, Фридкин говорил:

— Время условных смертей на экране безвозвратно ушло в прошлое. Если в тебя стреляют и дырявят шкуру, у тебя должна идти кровь. Если тебе размозжили голову, у тебя должен вытечь мозг. Это аксиома. После того, как наш зритель в течение целого десятилетия смотрел по телевизору документальные ленты о Вьетнаме с настоящими убийствами и совсем не бутафорской кровью, мы уже не имеем права пичкать его подслащенными суррогатами...

Все это так... Искусство действительно отображает жизнь, и, между прочим, смерть тоже. Гангстеры, детективы, ковбои не случайно являются героями американского кинематографа. Однако их социальная опасность совсем не в том, что они стреляют. Человек с ружьем отнюдь не исключительная привилегия американского кино. Человек с ружьем был и есть у советского кино тоже. Искусство не только отражает жизнь. Оно активно влияет на нее. Качество обратной связи, ее цель — вот что важно! Одно дело воспевать насилие, другое — клеймить его. Одно дело сеять зубы дракона, другое — корчевать их. Таков единственный критерий Другого нет.

С некоторых пор сатана все настойчивее вытесняет с американского экрана традиционных героев кинематографического эпоса янки. Конечно, «фильмы ужасов» существовали и раньше. Но раньше они были, так сказать, «несерьезными», фантастическими, чем-то вроде страшных сказок для больших детей. Ныне сатана переводится в реалистическую [illegible].

Кризис христианской религии и морали создал на Западе, в особенности в пуританской Америке, гигантский вакуум. «Смерть бога», провозглашенная теологами-модернистами, сопровождается возрождением оккультных наук, обращением к декоративным восточным религиям (психоделическим или поп-религиям), повальным увлечением астрологией. Появление Мефистофеля атомного века было, вероятно, неизбежным... Но это уже не гётевский дьявол: новый, «атомный» отмечен печатью философского и культурного декаданса капиталистического мира.

ЖИТИЕ ЭНТОНИ ЛАВЕЯ

О том, как происходит заточение среднего американца в ультрасовременную камеру-обскуру, стоит рассказать особо. В заключение же хочу поделиться воспоминанием о встрече с основателем «сатанизма» в Соединенных Штатах.

Верховный жрец «храма Сатаны» восседал на троне. Он был в длинной черной мантии. На его груди поблескивала звезда. Правая рука опиралась на громадный меч, в левой он держал человеческий череп. Голова жреца была обрита наголо. На ней торчали уши размером с чайные блюдца. Тонкие черные усы стекали с верхней губы, сливаясь с клинообразной бородкой. Желтые, как у старого тигра, глаза смотрели испытующе, кололи, буравили.

Таким предстал передо мной основатель «сатанизма» Энтони Лавей. Он возвестил о рождении новой религии весной 1966 года. Ее главный храм был воздвигнут в Сан-Франциско. Это особняк с «чертовой дюжиной» комнат, выкрашенных в черный цвет. Идешь по ним, словно по пещере ужасов, которая имеется в каждом мало-мальски уважающем себя луна-парке.

— Я на семь лет старше Христа. Мне сорок лет, — говорит верховный жрец «храма Сатаны».

Он родился в Чикаго, но утверждает, что его предки — цыгане из Трансильвании, откуда пошли легенды о вампирах, о князе Дракуле и монстре Франкенштейне. Будущего жреца впервые приобщила к оккультным наукам его собственная бабушка.

Житие Энтони Лавея было не столько библейским, сколько богемным. Бросив школу в шестнадцать лет, он поступил гобоистом в оркестр балета Сан-Франциско. Затем пристал к цирковой труппе Клайда Битти, сначала — в качестве подсобного рабочего, а затем — дрессировщика зверей. Несколько позже он совершил затяжное турне по бурлескам, стриптизам и ночным клубам Сан-Франциско, аккомпанируя на пианино и органе «портовым канарейкам» с хилым голосом и могучими телесами. Наконец, в последний период своей «мирской жизни» Лавей работал официальным фотографом санфранцисского департамента полиции.

Вращаясь среди музыкантов, циркачей, проституток и полицейских, будущий пророк исподволь сколачивал «магический круг» себе подобных.

— Я изучал поведение потусторонних сил, чернокнижье, искусство колдовства. Занимался гипнозом. Число моих последователей стремительно росло. И вскоре на основе «магического круга» я создал «церковь Сатаны», а сам стал верховным жрецом ада.

Я внимательно наблюдаю за желтыми тигриными глазами этого дьявола во плоти, пытаюсь поймать в них искорку насмешки, юмора, цинизма. Но тщетно. Желтые тигриные глаза верховного жреца холодны и неподвижны. Передо мной или незаурядный артист, или заурядный маньяк.

— В чем смысл вашей философии?

— У меня нет философии. У меня есть вероучение, — [illegible] поправляет верховный жрец.

— И каково же это вероучение?

— Сатана — проявление темных сторон человеческой натуры. В каждом из нас сидит сатана. Задача состоит в том, чтобы познать и выявить его. Сатанинское начало, заключенное в людях, — главное и наиболее могущественное. Им надо гордиться, а не тяготиться. Его надо культивировать, что мы и делаем в нашем храме с помощью различных магических заклинаний.

— А что подразумевает ваше вероучение под «темными сторонами человеческой натуры»?

— Жажду земных наслаждений, — не задумываясь, отвечает верховный жрец ада. Видимо, годы скитаний по притонам Сан-Франциско оставили неизгладимый след в его душе. — Загробной жизни не существует, по крайней мере райской. Поэтому надо спешить насладиться земными радостями.

«Церковь Сатаны» расширяет свои владения. Ее отделения, или «пещеры», имеются почти во всех крупных городах Америки — в Нью-Йорке, Чикаго, Лос-Анджелесе, Детройте, в штатах Кентукки, Нью-Мексико, Миссисипи. Число «сатанистов» хранится в тайне. Известно только, что в одном Сан-Франциско их насчитывается около восьми тысяч человек.

Согласно предсказаниям верховного жреца, к 1985 году все ортодоксальные религии, существующие в Америке и даже за ее пределами, исчезнут, уступив место «сатанизму».

— На чем основывается этот ваш оптимизм?

— На знании человеческой натуры. Собственно говоря, мы проповедуем то, что уже давным-давно стало американским образом жизни. Просто не все обладают мужеством называть вещи своими именами.

И тут я впервые соглашаюсь с верховным жрецом ада. А он продолжает:

— Мы, сатанисты, отвергаем слабых. Мы сеем им проклятия, чтобы они пожали ярмо. Сейчас в Соединенных Штатах назревает хаос. Но рано или поздно из него родится новый порядок, наш порядок, общественный порядок сатанизма. В нем не будет места для хиппи, либералов и прочих уродов. Их мы будем ссылать на необитаемые острова, чтобы они не заражали остальное человечество. Мы уже сейчас консерваторы и поэтому находимся на стороне закона и порядка!

Пальцы верховного жреца, охватившие эфес громадного меча, судорожно сжимаются. Ведь как-никак он работал не только тапером в публичных домах Сан-Франциско, но и в полицейском департаменте этого благословенного города.

Голос его звучит уже не по-сатанински, а вполне по-губернски. (В определенных регистрах они обычно сливаются.)

— Но как же тогда быть с жаждой земных наслаждений?

— Каждому свое, — отвечает верховный жрец библейским изречением, которое украшало гитлеровские концлагеря и душегубки...

Когда я проходил в обратном направлении анфиладу выкрашенных в черный цвет тринадцати комнат, они уже не напоминали мне балаганную невинность пещер ужасов в луна-парках.

Остается добавить, что «церковь Сатаны», возглавляемая Энтони Лавеем, зарегистрирована властями штата Калифорния в качестве легальной религиозной организации, а посему налогами не облагается.

КТО, ГДЕ, КОГДА

Вс. Вишневский на французской сцене

Классическое произведение советской драматургии — пьеса Вс. Вишневского «Оптимистическая трагедия» — пользуется большой популярностью за рубежом. Недавно в марсельском театре «Эсперанс» была осуществлена ее новая постановка. Это уже третье сценическое воплощение «Оптимистической трагедии» во Франции.

На снимке: исполнитель одной из главных ролей Жан Бенгиги.

Э. Куин — писатель

«Эта книга не станет бестселлером, — пишет западногерманский журнал «Штерн», — несмотря на то, что автор ее пользуется широкой известностью. Она столь же необычна, как и ее посвящение: «Моей матери, которая простила мне мое рождение».

Речь идет о книге «Первородный грех» известного американского киноактера Энтони Куина. Он снялся в 110 фильмах, причем чаще всего его привлекали образы «маленьких», обиженных и угнетенных людей. Шесть раз кандидатуру Куина выдвигали на премию «Оскара», и дважды он был награжден этой премией.

Энтони Куин — выходец из бедной семьи. Он начал работать с детских лет и переменил немало профессий. Завоевав широкую известность, Куин, по его словам, не чувствовал себя счастливым. «Когда его карьера достигла апогея и имя его сверкало одновременно над тремя крупнейшими нью-йоркскими кинотеатрами, — пишет «Штерн», — актера постиг тяжелый душевный недуг, временно лишивший его даже голоса».

Куин рассказывает в книге историю своей жизни. В повествование то и дело включается «мальчик» — 11-летний мексиканский оборвыш, прообраз самого автора. Этот мальчуган высмеивает, подвергает сомнению, отрицает все, достигнутое в жизни Куином...

Куину удалось победить свою болезнь и вернуться к творческой жизни. Недавно он выступил в новом амплуа — режиссера, поставив фильм по роману Хемингуэя «За рекой, в тени деревьев». Сейчас Энтони Куин готовится написать свою вторую книгу. Она также будет носить автобиографический характер.

На снимке: Энтони Куин.

Совместный фильм Габена и Лорен

Фильмы с участием Софии Лорен и Жана Габена пользуются неизменной популярностью. И несмотря на то, что актриса снялась уже в 53 фильмах, а актер — в 92, им еще ни разу не приходилось играть вместе в одном фильме. Но в скором времени эта встреча все же состоится. Как сообщает парижский журнал «Экспресс», София Лорен и Жан Габен снимаются в фильме режиссера Андре Кайята «Приговор».

На снимке: София Лорен и Жан Габен.

МАГАЗИН «КНИГИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ» ИМЕЕТ В НАЛИЧИИ И ВЫСЫЛАЕТ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ, БЕЗ ЗАДАТКА, СЛЕДУЮЩИЕ ИЗДАНИЯ:

Посохин М. В. Город для человека. Архитектура, градостроительство, истоки преобразования Москвы. АПН. Ц. 1 р. 38 к.

На английском языке:

Жар-птица и другие сказки. Книга иллюстрирована художниками И. и К. Ершовыми. Ц. 1 р. 77 к.

Каргер М. К. Новгород Великий. Архитектурный путеводитель. «Прогресс». Ц. 4 р. 88 к.

Ладушки. Русские народные сказки. Иллюстрации Ю. Васнецова. «Прогресс». Ц. 1 р. 92 к.

Альбомы

Коптские ткани. На русск. и англ. яз. «Аврора». Ц. 18 р. 28 к.

Миниатюры к Бабур-Наме. На русск. и англ. яз. «Фан». Ц. [illegible]

[illegible] «Московский рабочий». Ц. 1 р. 38 к.

Адрес магазина: 103031, Москва, Кузнецкий мост, 18.

«МОСКНИГА»

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ «КЛУБА ДС»

Игорь [illegible]

РОНДО

Утро выдалось чистое и розовое. Хотелось парить над землей, внимать арфе и вкушать райские яблоки.

В 9 час. 01 мин. нахлынувшие на него чувства инженер Груздев выразил так:

— В баньку бы...

В 9 час. 03 мин. экономист Фюнфов поддержал коллектив:

— Самое время!

В 9 час. 04 мин. начальник вышеназванных специалистов Зарембо усомнился:

— Среда — не выходной ли?

— Нет! — дружно заверили его подчиненные.

Банька придала сослуживцам легкость, приятную усталость и волчий аппетит. Решили заглянуть в ресторан и подкрепиться томатным соком и цыпленком табака. В последний момент Зарембо не удержался и заказал бутылку водки. С руководством не согласился Фюнфов и потребовал две бутылки.

— Тогда уж три! — [illegible] для самого себя и остальных выпалил Груздев. — Чтобы товарищу официанту два раза не ходить...

Через некоторое время самый активный член компании Фюнфов предложил:

— А что, коллеги, не расслабиться ли нам окончательно?

— Пригласим девушек, и ко мне на дачу, — откликнулся Зарембо.

— У меня кое-какие дела на работе, — нерешительно возразил Копотов.

— У тебя «кое-какие дела», а у нас этой самой работы по горло! — зашикали на него остальные, и он с готовностью умолк.

Деловито размахивая портфелями, служащие вышли из ресторана. Зарембо шагнул в телефонную будку. Остальные сгрудились вокруг, прильнув лбами к пыльным стеклам. Начальник набрал свой рабочий телефон:

— Алло, Лизхен?.. Да, я... Слушай меня внимательно. Сходи в кассу взаимопомощи к Регине Петровне и возьми у нее пятьдесят рублей. Скажи — для меня. Потом прихватывай Майку из техбиблиотеки, Аню Воздвиженскую, ты ее знаешь, и... — Зарембо вопросительно посмотрел на Копотова.

— ...и Милу из бюро эстетики, — несколько смутился тот.

— ...и Милку из бюро эстетики, — досказал руководитель. — Берите такси и дуйте на вокзал...

Что за чудо эти товарищеские пирушки в рабочее время! Они, как золотые звезды кленовых листьев в осенней сля[illegible]

[illegible]

За столом болтали о семейном счастье, о [illegible], о [illegible] в футболе и видах на урожай в Нигерии.

— Теперь модно танцевать на шкурах хищных зверей, — информировал сотрудников Фюнфов. — [illegible] босиком, в шубе и носках.

Зарембо приволок из сарая плешивую медвежью шкуру. Начались танцы, вялые после обильно выпитого и съеденного. Постепенно компания распалась. Все разбрелись, кто куда. Зарембо сидел у магнитофона и крутил, и крутил шепелявую пленку «Рондо в турецком стиле». Лизхен выкаблучивала босыми ступнями на медвежьей шкуре, но Зарембо не реагировал.

Разъезжались в пять усталые, злые, с изжогой. Дома все были в срок, и никто ничего не узнал.

ДЕТСКАЯ КОМНАТА

Евгений ХРАМОВ

Золотая рыбка

У синя моря он стоит,
плечи опустил.
Какой он глупый,
тот старик, —
рыбку отпустил.

[illegible]
У сина моря он стоит.

[illegible] опустил...
Какой он глупый,
тот старик, —
рыбку отпустил.

Владимир ОРЛОВ

Толстый и худой

Подражание Роберту Бернсу

[illegible]
Можно подумать,
Что жители города
Из-за тебя
[illegible]!

СИМФЕРОПОЛЬ

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА «РОГА И КОПЫТА»

СЧАСТЛИВОЕ ИЗВЕСТИЕ

На Всемирной универсиаде в Турине выдающийся результат в беге на 800 метров показала неизвестная спортсменка из Монтевидео Лилиан Борген. Врачи считают, что на столь высокий результат оказали влияние положительные эмоции. Дело в том, что за несколько минут до старта спортсменке сообщили, что в Монтевидео у нее родилась дочь.

СОДРУЖЕСТВО УЧЕНЫХ

Кандидат философских наук М. Абрамов связан крепкими узами с кандидатом экономических наук Г. Абрамовой. Ученые часто встречаются после работы, вместе ходят в магазин за продуктами, вместе берут детей из детского сада, вместе убирают квартиру, стирают белье, готовят еду. Содружество ученых, длящееся уже семь лет, дает свои ощутимые результаты: в их квартире всегда чисто и уютно.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ВСТРЕЧИ

Вы слушали песни композитора Клима Перегудикова. А теперь слушайте музыку.

В ОГНЕ ТОЛКУ НЕТ!

Многочисленные звонки из разных концов города начали поступать на центральный пункт пожарной связи. Каково же было удивление пожарных, когда они, прибыв на место, обнаружили 5—6 зрителей, выходящих из здания драматического театра.

— У нас всегда так, — сообщил труженикам огня директор театра Б. К. Тюлин. — Мы горим уже второй год.

Каждый театр должен помнить: с огнем шутки плохи!

По следам выступлений «Рогов и копыт»

В номере стенгазеты «Клуба» от 5 февраля с. г. под заголовком «Для вас, наблюдательные!» были напечатаны два этих рисунка.

На первый взгляд, как сообщали «Рога и копыта», они кажутся почти одинаковыми. Но если присмотреться внимательнее, то можно обнаружить между ними три различия.

Администрация «Клуба ДС» получила после публикации более 150 писем по этому вопросу. Большинство читателей (Г. А. Шурыгина, Б. Светлицкий, Москва; В. Федотов, Саратов; И. Чуманова, Тула; Г. М. Охотина, Казань; Л. Н. Вишневский, Красногорск; Б. Черкун, Магнитогорск; В. Пинчуков, А. А. Александрова и З. Г. Капрулина, Ленинград; М. Г. Геворк, Ереван, и многие другие) заметили, что на первом рисунке изображен слон, а на втором — муха. Это верно.

Труднее оказалось найти два других различия.

Некоторые постоянные читатели «Рогов и копыт» справились и с этой задачей. «Один рисунок первый, а другой — второй», — считает М. Ват (Бендеры). Да, это так. «Один из рисунков является левым, а другой — правым», — дополняет его Г. А. Шурыгина (Москва) и другие. Это тоже верно, по мнению администрации.

А. В. Шевков (Москва) даже считает: «Можно добавить четвертое различие: над № 1 написано: «Для вас, наблюд», над № 2 — «ательные!». Да, можно. Правильно.

Администрация благодарит откликнувшихся и надеется, что не все те, кто обнаружил три различия в кажущихся одинаковыми рисунках, прислали об этом свои письма в «Рога и копыта».

Спасибо за наблюдательность.

ЧУДАКИ

Е. ФИЛИМОНОВ (ХАРЬКОВ)

В море житейском В. ДУБОВ

СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

«БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ»

Так называется сатирическая программа, которую недавно имела возможность посмотреть администрация «Клуба ДС». Всего два концерта дал в столице гость из Ленинграда, заслуженный артист РСФСР Вен Венцианов и его квартет «Ритм», и нет ничего странного, что администрация вынуждена была ютиться на приставных стульях.

Как известно, «ахиллесова пята» нашей эстрады — репертуар. И в этой связи надо с удовлетворением отметить, что программа «Быть человеком» состоит из злободневных, с хорошим вкусом написанных и даже где-то острых фельетонов, куплетов, миниатюр, созданных в основном авторами 16-й полосы «ЛГ».

Постоянно возникающие в зале смех, хохот и аплодисменты, по мнению администрации, были достойной наградой мастерству Вен Венцианова. Приезжайте еще, коллега.

ФОТОАТЕЛЬЕ

Что бы это значило?

Фото Ю. ЧЕРНЫШЕВА

Юрий ШПИТАЛЬНЫЙ

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

Мне давно хотелось написать юмористический рассказ. Ведь замечают же другие смешное вокруг, пишут об этом, и у некоторых очень даже получается. Почему же мне не попробовать?

Я стал выискивать что-нибудь смешное в окружающей меня жизни. Прошел день, второй, искал я старательно, но, увы, тщетно. Я вспомнил, что два моих школьных приятеля когда-то писали стихи, причем получалось у них прямо-таки здорово. Я быстро разыскал обоих.

Первый мой друг, к сожалению, давно бросил всякие писания и, кроме заявлений в местком, уже давно ничего связного не писал.

— Не вздумай забивать себе голову! — мрачно напутствовал он. — Дело дохлое. Там все — свои. Козья ностра!..

Второй мой друг, к счастью, стал профессиональным писателем и даже юмористом. Он немедля пригласил меня в гости и добавил, что любит «Мускат».

— Старик! — радостно поучал он меня. — Работать юмор трудно. Невыносимо трудно! Но я тебя научу. Секрет мастерства, древнего, как мир, прост, как яйцо: смотри, подмечай, запоминай и вспоминай... Это же так просто! Ну, вспомни, старик, своих школьных учителей! Это же потеха!.. А институтский паноптикум?! Курам на смех!.. А на работе?! Дурак на дураке!.. Жена, наконец?! Дура набитая... Алкаши — непочатый край для нашего брата!.. Я уже не говорю о теще и ЖЭКе — это просто кладезь юмора!.. Работай, старик, и тебе воздастся!..

Окрыленный, я вернулся домой и сел писать. Несмотря на дружеский совет, я знал, что вокруг меня смешного мало, и решил покопаться в прошлом.

Перебрав в памяти своих школьных учителей, я ни в ком не заметил ничего особенно смешного или дурного. Это были исключительные люди, бесконечно терпеливые, добрые, скромные... О них у меня сохранились самые теплые воспоминания. Написать что-то смешное про своих школьных учителей я не смог.

В институтской поре мне тоже не удалось заметить юмористического оттенка, если не вспоминать смешные, но тысячу раз пересказанные байки про ловких студентов и придурковатых профессоров. Мы учились, они учили нас, и смешного в этом было очень мало. Времени не было для смеха.

Оставалась моя работа. Я с удивлением заметил, что о своих коллегах я не только не могу сказать ничего смешного, но даже подумать о них в каких-либо тонах, кроме глубокого уважения, у меня не получается. Все работают увлеченно, никто друг друга не подсиживает, не мешает, не затирает. Все в меру своих сил делают общее дело, не заботясь о памятниках при жизни. Нет, юмором тут даже не пахнет.

При воспоминании о семье мое сердце наполнилось нежностью. Я обожаю жену и своих детей. Она умница и трудяга, а я, как могу, помогаю ей, и мы живем в полном взаимопонимании. Что касается детей, я не считаю их, как некоторые родители, «нормальными-гениальными», но они ничуть не хуже остальных: учатся, ходят в музыкальную школу, в бассейн, катаются на коньках, собирают марки. Времени у них нет совершенно, и с ними никогда не происходят удивительные и смешные истории, которые случаются с детьми других писателей.

Еще оставались алкоголики. Но этой жизни я совсем не знаю, да и тема какая-то неаккуратная. Их бы полечить, перевоспитать... Ну что ж над ними смеяться?!

И вдруг я подумал: почему же рассказ должен быть непременно смешным? Можно просто описать моих чудесных школьных и институтских педагогов, толковых и трудолюбивых коллег, справедливое, идущее в ногу со временем начальство, любимую, хотя и небезупречную жену и веселых детей. Пожалуй, это будет даже интереснее!

Я сел за стол и записал все, что мне удалось вспомнить. Еще два раза я перечитал написанное, исправляя стилистические неточности и грамматические ошибки, потом сходил к машинистке и перепечатал все в четырех экземплярах...

В комнату редактора я входил робко.

Он внимательно прочитал рассказ, взглянул поверх листов на меня, сложил скрещенные руки на столе и спросил:

— И все ваши герои такие хорошие люди?.. Такие умные?.. Такие работящие и добросовестные?.. — И, не дождавшись моего ответа, сам ответил: — Что ж, это смешно. Это очень даже смешно...

ИРОНИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Арк. АРКАНОВ

ВЕЗУНОК

Я стоял на желтом берегу и смотрел на море. Солнце буравило пупок. Кепка надвинута была на самый нос. Так я и стоял. И простоял бы, наверное, долго, если бы не резкий порыв ветра. Зелененькая моя кепка, видно, обозлившись на меня за что-то, сорвалась с головы и полетела к горизонту. Шлепнулась на воду, надулась и закачалась. Жирная чайка камнем кинулась на нее, клюнула и взмыла вверх, убедившись в том, что это не рыба...

Кто-то за спиной у меня заботливо и мягко произнес:

— У вас кепку унесло в море.

Это был тот чудак, которого я заприметил уже неделю назад. Каждый день он и одна аккуратненькая фигурка приходили на пляж, и ни разу я не видел, чтоб он загорал или купался. Каждый день они расставляли тент, под который он забирался и сидел там в халате и соломенной шляпе. Он был искренне расстроен тем, что мою кепку унесло в море.

— Спасибо вам большое, — сказал я очень вежливо.

— Пойдемте к нам под тент, — сказал он так, словно у меня умер близкий человек, и он приглашает меня к себе домой, где мне будет не так одиноко и тоскливо...

Под тентом он снял халат. Такой белой кожи я никогда не видел. Она была такой белой, что я надел темные очки. Аккуратненькая фигурка встала, приподнялась на цыпочки и заложила руки за голову. Изумрудного цвета купальник, казалось, был нарисован на ее теле. Она попружинила немного на носках и ушла в море, а мы остались вдвоем под тентом.

— Как хорошо! — сказал он.

— Дождей нет, вот и хорошо.

— А чем плохо, когда идет дождь? Это естественно, это природа, это жизнь. А жизнь — это уже замечательно...

— А если жизнь не так хороша?

— Так не бывает.

— И все-таки...

— Не бывает! Всегда есть больше хорошего, чем плохого. Всегда есть люди, которые тебя любят...

Я посмотрел туда, где плавала аккуратненькая фигурка.

— Здесь, говорят, есть небольшие крабики, — сказал я, меняя тему разговора. — Во всяком случае, я лично за две недели ни одного не видел.

— Сейчас поймаем, — сказал он так просто, как будто речь шла о горсти песка. Он скинул халат, надел соломенную шляпу и пошел к воде.

Я усмехнулся. Бывают же такие люди, для которых никогда не существует альтернативы. Вокруг могут грызть камни, стреляться из-за неразделенной любви, убеждаться в собственной несостоятельности...

— Смотрите, какой смешной! — и он положил на песок маленького краба.

Вот и пожалуйста! Я две недели бесполезно ползал на брюхе вдоль берега, а ему стоило только нагнуться!..

Из моря вышла аккуратненькая фигурка и растянулась на песке.

— Вы играете в шахматы? — спросил он.

— Немного.

— Как хорошо, что вы попались под руку. Я так люблю шахматы, а здесь, как назло, никто не играет... Выбирайте!

Собственно говоря, можно было и не выбирать. Ему должны были достаться белые.

Он имел весьма отдаленное понятие о шахматах, но зато долго думал над каждым ходом, хватался за все фигуры, говорил: «Э, нет, так нельзя...»

Когда я взял его ладью, он сокрушенно вскрикнул:

— Ах, ты черт! Надо же... Какой зевок... Да, игра теперь теряет всякий интерес!

Вдруг неожиданно рванул ветер, и из тучи, которая неизвестно откуда взялась, ливанул дождь.

— Ну что? Боевая ничья? — предложил он, указывая на небо.

— Кто кого? — спросила аккуратненькая фигурка, сворачивая тент.

— Согласились на ничью по метеоусловиям, — сказал он.

— Всего хорошего, — сказал я.

— До свидания! — крикнул он. — Приходите завтра! Сразимся!

Я добрел до своего домика и подвел итоги. Что принес мне сегодняшний день? Унесло кепку — раз. Познакомился с везунком — два. С чисто физической точки зрения, у него обаятельная жена — три.

Что дал сегодняшний день ему? Сделал доброе дело — сказал незнакомому человеку, что у него унесло кепку, — раз. Познакомился и утешил, как мог, незнакомого человека, у которого унесло кепку, — два. Поймал незнакомому человеку краба — три. Незнакомец оказался партнером в шахматы — четыре. Вытащил белые — пять. Должен был проиграть, но не успел по «метеоусловиям» — шесть. Вполне достаточно...

Через десять дней я с чемоданом в руках тащился по пыльной дороге в направлении шоссе, тщетно пытаясь остановить попутные машины.

— Уезжаете, даже не простившись?

Я оглянулся. Меня догонял везунок со своей аккуратненькой фигуркой.

— А почему пешком? — спросил он.

— Машин нет.

— Сейчас что-нибудь придумаем, — сказал он.

В этот момент из-за поворота выскочил грузовик. Везунок поднял руку. Грузовик резко затормозил.

— Вы знаете водителя? — спросил я.

— Первый раз вижу. Простая элементарная дорожная этика...

Я сел в кабину и попрощался.

— Запишите наш телефон и звоните, — сказала аккуратненькая фигурка.

— У меня ручка далеко.

— Пожалуйста, — сказал везунок. — Я всегда ношу с собой ручку...

* * *

В Москве у меня накопилось много дел, и я с головой ушел в работу. Правда, спустя неделю после моего приезда возникло желание позвонить по телефону, который был записан на листочке. Я погасил это желание, но оно опять возникло. Что-то все время подмывало меня снять трубку. В конце концов [illegible] более благоприятных жилищных условиях.

— Вообще-то, здесь очень мило, — сказал он. — Чудесные соседи, солнечная сторона, все рядом... Но, конечно, не мешало бы иметь что-нибудь попросторнее... Я, правда, не занимался еще вплотную этим вопросом. Говорят, нужно идти в райисполком...

Видимо, я давно не пил, потому что меня вдруг потянуло на довольно странные шутки, и я сказал:

— Зачем идти в райисполком? Есть более простой выход...

— Интересно, — сказала аккуратненькая фигурка.

— К мэру! Прямо к нему!.. В пятницу с трех до пяти, и он без звука сделает вам новую квартиру!..

— Так просто? — сказал он серьезно. — Все-таки это удивительно! Как люди иногда ломают себе голову, бьются головой об стену, идут окольными путями, когда элементарные решения буквально валяются под ногами...

...Потом я засиделся и один раз поймал себя на том, что аккуратненькая фигурка целиком принадлежит везунку, а он, наверное, и не представляет, что это такое... Как только я себя на этом поймал, то сразу понял, что пора прощаться.

В коридоре, пока я одевался, везунок сказал:

— Значит, в пятницу, с трех до пяти?

— Ага, — сказал я. — А пока вы будете у мэра, я могу пригласить вашу супругу на просмотр нового кинофильма... Если вы не возражаете...

— Какие могут быть разговоры! Она будет только рада!

Через месяц я был у них на новоселье!

— Вы подали мне замечательную идею! — говорил мне везунок. — В ту пятницу в трем часам я пришел к мэру. Какой-то человек остановил меня и потребовал документы. Я сказал, что у меня важное личное дело к мэру. Этот человек сделал большие глаза и пропустил меня. Мэр выслушал меня и сказал, что это проще пареной репы...

— Так и сказал? — спросил я.

— Ну, может быть, не так, но что-то в этом роде. Он вызвал какого-то служащего. Тот записал мои координаты и сказал, что все будет в порядке. Я поблагодарил мэра. Он сказал: «Не стоит». И меня на машине доставили домой... Да что я вам все это рассказываю! Вы, наверное, в свое время поступили так же?

— Нет, — сказал я. — У меня все было иначе. Кстати, нельзя ли прицепить к вашему везучему локомотиву мой неудачливый вагончик?

— Не будьте нытиком и не считайте себя неудачником, — сказал он серьезно. — Неудачников в природе нет! Есть лентяи просто, и есть лентяи, страдающие комплексом неполноценности.

Весь вечер он буквально светился. Впрочем, это было его обычное состояние. Я смотрел на него с некоторой жалостью. Ведь не может так быть всю жизнь. Рано или поздно он получит щелчок и, в результате полной неподготовленности к этому, опрокинется навзничь и больше не поднимется.

Кроме того, он не знал и не предполагал, что наши взаимные просмотры новых кинофильмов с аккуратненькой фигуркой приобрели за этот месяц систематический характер... Постепенно все стало катиться к финалу, и после одного из просмотров она сказала мне:

— Я не могу больше его обманывать.

— Что ты предлагаешь?

— Завтра я перееду к тебе...

Всю ночь отвратительные мысли не давали мне спать. Неужели завтра он получит тот самый щелчок от жизни? Я пытался, но все никак не мог представить себе везунка в тот момент, когда он все узнает.

Я долго ворочался с боку на бок, пока не созрело зверское, но правильное решение...

— Здравствуйте, — сказал я везунку утром в телефонную трубку. — Супруга ваша уже ушла?

— Ушла...

— А когда она вернется?

— Написала в записке, что решила после работы пойти поплавать...

— Так вот слушайте! Ваша жена ушла, чтобы никогда больше не вернуться...

Наступила пауза. Потом он рассмеялся:

— Сегодня первое апреля, но почему вам в голову пришло разыгрывать меня таким странным способом? Чудак вы все-таки...

— Вы глупый везунок! — заорал я в трубку. — Это не розыгрыш! Она ушла! Ушла!.. Понимаете? Ушла ко мне! Можете прийти сюда в пять часов — убедитесь!

— У вас довольно странная манера приглашать в гости, — сказал он. — Да, я обязательно к вам приду... Я в этом смысле ваш должник... Но сегодня у меня собрание...

— Бросьте собрание! Приходите и набейте мне морду! Ваша жена станет вас больше уважать!.. Да и я тоже!

— Я знаю, что вы остроумный человек, но что это за шутки? Может быть, вы пьяны?..

Я бросил трубку, да заодно и пустую затею... И вообще, я решил бросить все.

Приблизительно в половине шестого она ввалилась ко мне со своим чемоданом.

— Ну, вот! — сказала она и уселась на чемодан.

— Что? — сказал я бесстрастно.

— Я пришла...

— Зря...

— Зря!!!!

Я опускаю всю сцену объяснения. Она развивалась по всем законам драматургии, кинодраматургии, романа, оперетты, цирка и продолжалась до четверти одиннадцатого.

Закончилась эта сцена так, как и должна была закончиться: в четверть одиннадцатого она ушла и, как полагается в таких случаях, хлопнула дверью...

В четверть одиннадцатого!! Надо же! Ведь она, действительно, придет домой в половине одиннадцатого!..

Без двадцати одиннадцать я набрал номер их телефона. Он взял трубку.

— Добрый вечер, — сказал я.

— А, это вы... Шутник!.. — весело сказал он.

— Извините... Я и впрямь наговорил вам утром какую-то чушь... Я на самом деле был пьян и придумал этот дурацкий розыгрыш... Как супруга?

— Спасибо. Хорошо. Пришла только что из бассейна и полезла в ванну... Устала... А в гости мы к вам на этой неделе обязательно зайдем!

— Я завтра рано утром уезжаю, — придумал я с ходу.

— Ну? Надолго? Куда?

— На восемь лет... В Дагомею.

— Скажите, как неожиданно... Жаль, что мы не увидимся. Привезите марок побольше!..

Спустя много лет, когда я постарел, и меня перестали волновать глупости вроде «везет — не везет», мы вновь встретились. Наши дети сдавали приемные экзамены в музыкальную школу. Родители толпились в вестибюле в ожидании результатов. Я сделал вид, что не узнал его, а он меня действительно не узнал.

Наконец появился председатель приемной комиссии и огласил результаты. Мою дочь приняли. Его сына — нет.

...Сейчас моя дочь уже четвертый год играет на скрипке в оркестровой яме кукольного театра города Угрепинска. Его сын стал чемпионом Олимпийских игр по прыжкам в длину.

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ 103654 ГСП Москва, Цветной бульвар, 30. Телефон для справок 295-00-00 доб. 61

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, В. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А—01012 Типография «Литературной газеты» Москва К-51, Цветной бульвар, 30. Зак. 190 ИНДЕКС 50067